

Джош
Макдауэлл

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДОСТОВЕРНОСТИ БИБЛИИ

повод к размышлениям
и основание для принятия решения

**Шон Макдауэлл
Джош Макдауэлл
Свидетельства
достоверности Библии
Серия «Библия для всех»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39477451

*Свидетельства достоверности Библии: повод к размышлениям и
основание для принятия решения. / Макдауэлл Дж., Пер. англ. –*

СПб.: . : Христианское общество «Библия для всех»; Санкт-Петербург;

2009

ISBN 978-5-7454-1174-8

Аннотация

Труд известного ученого, теолога и проповедника, посвященный актуальным проблемам христианского вероучения. Автор детально исследует теологические вопросы Священного Писания, излагает историю создания текста Библии, анализирует роль христианства в современном мире.

Книга послужит ценным руководством для проповедников, преподавателей, студентов и всех христиан.

Содержание

Предисловие	7
Вступление	12
Как пользоваться книгой «Свидетельства достоверности Библии»	21
Структура книги	26
Выражение признательности	29
Бог изменил мою жизнь	33
Введение	46
1А. Дайте отчет в своем уповании	46
2А. Рассеять туман	54
3А. Столкновение миров	81
4А. Заключение	115
Часть первая	117
1. Уникальность Библии	117
Введение	117
1А. Уникальная в своей последовательности	119
2А. Уникальные тиражи	130
3А. Уникальные переводы	132
4А. Уникальная способность к выживаемости	134
5А. Уникальные учения	142
6А. Уникальное воздействие на литературу	147

7А. Уникальное воздействие на цивилизацию	153
8А. Рациональное заключение	155
2. Как возникла Библия	156
1А. Как была написана Библия	156
2А. Кто решал, какие книги нужно включить в Библию	166
Заключение	198
3. Можно ли считать Новый Завет исторически достоверным?	199
Введение: тесты на подлинность древней литературы	199
1А. Библиографический тест на подлинность Нового Завета	199
Конец ознакомительного фрагмента.	218

Джош Макдауэлл Свидетельства достоверности Библии: повод к размышлениям и основание для принятия решения

*Посвящаю Дотти, моей любимой жене и
лучшему другу. Без ее терпения и любви, поддержки
и полезной критики этот проект никогда не
осуществился бы.*

Josh McDowell

THE NEW EVIDENCE THAT DEMANDS A VERDICT
Thomas Nelson Publishers Nashville

Данная книга издается при участии:

1. Местная религиозная организация Евангельских «Христианская миссия “Новая жизнь”».
2. Региональная общественная организация содействие и нравственному просвещению граждан «Источник».
3. Автономная некоммерческая организация, «Издатель-

ский центр “Новая жизнь”».

Издание 2-е

Переводчики:

Шемпель Р. (гл. 1 – 26)

Скороходов Б. (гл. 32–33)

Носов. М. (гл. 27–31, 34–40)

Предисловие

Заслуживает ли христианство доверия?

Имеет ли вера в Иисуса Христа как Сына Божия разумное основание?

На протяжении многих столетий миллионы ученых, студентов и самых разных людей отвечают на эти вопросы твердым и уверенным «да!». Книга Джоша Макдауэлла «Свидетельства достоверности Библии: повод к размышлениям и основание для принятия решения» повествует именно об этом.

С 1964 года Джош Макдауэлл является постоянным представителем международной христианской организации «Campus Crusade for Christ International». Более семи миллионов преподавателей и студентов в более чем семистах университетах из восьмидесяти четырех стран благодаря вдохновенному учению и свидетельству Джоша получили неоценимую помощь и поддержку, назидание и вдохновение. Джош имеет огромный опыт общения со студенческой аудиторией – и многолюдной, и немногочисленной, выступлений в стенах университетов, а также встреч с молодежью на сотнях различных конференций и коллоквиумах. К другим заслугам Джоша можно отнести степень *magna cum laude*, полученную им в Богословской семинарии Талбота, и большой исследовательский труд об исторических основа-

ниях христианской веры. Все это дает Джошу право авторитетно и со знанием дела говорить и писать об исторической достоверности христианства.

Некий законник однажды спросил Иисуса: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» Иисус ответил: «“Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим”: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22:36–38). Бог даровал человеку способность думать, приобретать знания и различать добро и зло. *Бог хочет, чтобы мы научились использовать свой разум.*

Апостол Петр оставил нам такое повеление: «Господа Бога святите в сердцах ваших; *будьте* всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3:15).

По этой причине служение «Campus Crusade for Christ» особо подчеркивает, что христиане должны жить радостной и победоносной жизнью и делиться ею с другими людьми на благо всем, кто уверовал в Иисуса Христа. Для этой цели существуют такие организации, как Институты по подготовке лидеров, Институты благовестил для рядовых верующих, Институты библейских исследований и другие программы по подготовке христиан к эффективному свидетельству. Сотни тысяч верующих научились уверенно и убедительно говорить о своей вере в Иисуса Христа, опираясь на имеющиеся документальные и исторические свидетельства.

За пятьдесят пять лет моего служения благовестил в академической среде мне мало встречалось людей, которые, добросовестно и основательно изучив имеющийся на сегодняшний день материал, могли отрицать, что Иисус Христос есть Сын Божий и Спаситель людей. Я абсолютно уверен, что для любого искреннего и объективного искателя истины свидетельств, подтверждающих божественность Господа Иисуса Христа, вполне достаточно. Тем не менее далеко не все, и даже не большинство из тех, с кем я разговаривал на эту тему, решаются признать Его своим Спасителем и Господом. Не потому, что они *не могут* в это поверить, а потому, что просто *не хотят!*

Например, однажды на консультацию в «Arrowhead Springs» пришел талантливый психиатр, не желавший следовать библейским истинам в своей жизни. Он честно признался мне, что никогда не хотел всерьез задуматься об Иисусе Христе, потому что упорно отказывался поверить в Него. Он прекрасно понимал, что вера в Иисуса заставит его полностью изменить свою жизнь. Такие хорошо известные атеисты, как, например, Олдос Хаксли и Бертран Рассел, осознанно отказались признать основные исторические факты, касающиеся рождения, жизни, учения, чудес, смерти и воскресения Иисуса из Назарета. Но другие, среди которых можно назвать К. С. Льюиса, К. Джоада и Малколма Маггериджа, сочли эти свидетельства настолько убедительными, что пришли к решению признать Иисуса Христа Сыном Бо-

жиим, в полном соответствии с тем, что Он говорил о Себе. Они признали Его также своим личным Спасителем и Господом.

Внимательное изучение изложенного в этой книге материала, сопровождаемое молитвой, даст читателю необходимую подготовку для того, чтобы вдумчиво и убедительно доносить до людей Благую Весть. Хочу попутно дать вам один совет, который одновременно послужит и предупреждением: не думайте, что средний человек испытывает интеллектуального рода сомнения относительно божественности Иисуса Христа. Почти во всех странах люди по большей части осознают Его божественность, а также понимают, что как Спаситель Он нужен каждому. Чаще всего человеку следует просто объяснить, как признать Христа своим Спасителем и последовать за Ним как за Господом.

Таким образом, более всего пользы из книги «Свидетельства достоверности Библии: повод к размышлениям и основание для принятия решения» извлекут сами христиане. Книга поможет вам утвердиться в вашей вере во Христа и снабдит вас свидетельствами, чтобы более действенно делиться своей верой с другими людьми.

«Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовав-

шие» (Пн. 20:27–29).

Уильям Р. Брайт,

*Президент и основатель «Campus Crusade for Christ
International» Arrowhead Springs San Bernardino, CA 92414*

Вступление

Как? Еще одна книга?

Нет, это не книга. Это – собрание заметок, которые я использовал при подготовке к лекциям на тему «Христианство: мистификация или история?» Одно время все мы страдали от острой нехватки информации об имеющихся на сегодняшний день исторических свидетельствах христианской веры. Студенты, преподаватели и рядовые верующие в церкви часто спрашивали меня: «На какие свидетельства мы могли бы сослаться, используя то, чему учите вы и другие?»

После публикации первого тома «Свидетельств» я получил много писем от студентов, преподавателей и пасторов с просьбой обнародовать материалы, которые могли бы помочь в споре с приверженцами документальной гипотезы и критики формы. В университетах студентам часто приходится обучаться у преподавателей, склонных впасть в одну из этих двух крайностей. Такие студенты, не имея ни достаточного опыта, ни соответствующих знаний, не столько получают образование, сколько подвергаются сильной психологической обработке. Их легко запугать и запутать, ведь у них нет твердого основания или источника, который помог бы

им воспротивиться чуждому учению. Совершенно ясно, что «абсолютизированию», на котором построены университетские учебники по этим двум темам, необходимо противопоставить контраргументы. Это подвигло нас к написанию второго тома «Свидетельств».

Сегодня документальная гипотеза и критика формы – устаревшие теории. Но многие преподаватели в университетах и колледжах до сих пор по старой привычке руководствуются их положениями. Более того, эти ошибочные принципы часто становятся точкой отсчета для библейской критики – например, на Семинарах Иисуса или на лекциях профессоров, касающихся библейских тем. Наше новое издание поможет вам вооружиться современными методами, чтобы аргументированно отстаивать свою позицию.

Почему это издание было пересмотрено?

Со времени первого издания «Свидетельств» в 1972 году и пересмотренного издания 1979 года новые важные открытия подтвердили историческую достоверность христианской веры. Таковы, например, данные археологических раскопок, подтвердившие историчность как Ветхого, так и Нового Заветов.

Тем не менее за последние двадцать лет наша культура испытала на себе сильное влияние философского течения, известного как постмодернизм. Сегодня люди задаются во-

просом, зачем вообще нужны доказательства достоверности христианской веры. В современном обществе господствует дух скептицизма – он задает тон таким начинаниям, как Семинары Иисуса, смущая и дезориентируя умы людей и извращая правду о личности Иисуса Христа.

Надеюсь, что новейшие данные, которые я привожу в третьем издании «Свидетельств», помогут христианам XXI века почувствовать себя оснащенными убедительными свидетельствами для того, чтобы понимать и защищать свою веру.

Как и где может пригодиться данная информация?

Материалы этой книги помогут братьям и сестрам во Христе писать курсовые работы, готовить доклады, со знанием дела участвовать в диспутах и беседовать с товарищами по работе или соседями по дому на тему о вере в Христа, о Писаниях и применении христианских принципов в повседневной жизни современного человека.

Некоторые студенты поделились с нами тем, как они используют эти материалы, учась в университетах.

Один из них, например, написал следующее: «Я использовал Ваши материалы для трех выступлений на учебных занятиях. В первом докладе я коснулся надежности Писаний, во втором говорил о личности Иисуса Христа, а в третьем – о Его воскресении».

Другой студент отметил: «Предоставленные Вами документы помогли многим из нас говорить о своей вере в аудитории... Смелость и дерзновение христиан начинают проявляться повсюду».

Еще один студент поделился таким свидетельством: «Дорогой Джош, я использовал Ваши материалы, когда готовился выступить на конкурсе ораторов. Я занял первое место, а на выпускном вечере повторяю ту же речь. Сердечное спасибо, брат».

Письмо от профессора: «В Вашей книге целый кладезь информации, так необходимой мне для работы со студентами. Большое спасибо».

Письмо от пастора: «Знания, почерпнутые мной в Вашей книге, помогли мне разрешить многие болезненные для меня вопросы и сомнения, мучившие меня еще со времен учебы в семинарии».

Рядовой верующий: «Ваши исследования помогли мне осознанно подойти к преподаванию в воскресной школе, где мне предложили работать».

И, наконец, еще один студент университета: «Если бы я располагал этим материалом в прошлом году, я сумел бы убедительно опровергнуть практически все негативные высказывания нашего преподавателя по курсу Ветхого Завета».

Наша позиция очень важна

Наша мотивация в использовании этих подготовительных материалов к лекциям одна – прославить и возвеличить Иисуса Христа, а не одержать победу в споре. *Свидетельства* нужны нам не для того, чтобы доказать истинность Слова Божьего, – они помогут обеспечить твердое основание для веры. Прибегать к апологетике или свидетельствам следует в духе кротости и почтения: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ *с кротостью и благоговением*» (1 Пет. 3:15. Курсив – Д. М.).

Людам, занимающим правильную позицию, эти материал помогут всерьез задуматься о свидетельствах достоверности христианской веры, сосредоточившись на самом главном и самом важном вопросе – Евангелии Иисуса Христа (как оно изложено, например, в четырех духовных законах в конце этой книги и в 1 Кор. 15:1–4).

Когда я рассказываю об Иисусе Христе людям, в душе мучающимся сомнениями, в ответ на их вопросы я даю им как можно больше информации, а затем возвращаюсь к теме их взаимоотношений со Христом. Свидетельства (апологетика) никогда не должны подменять собой изложение Слова Божьего.

Зачем нужен копирайт?

Копирайт, защищающий права автора этих заметок, поставлен не для того, чтобы ограничить использование материала книги. Он призван предотвратить возможные случаи литературного пиратства и обеспечить гарантии прав авторов и издателей, которых я цитировал и на которых ссылался.

Почему материал книги изложен конспективно?

Поскольку мои записи изложены конспективно и различные концепции соотнесены между собой достаточно бегло, читателю разумнее поэтапно изучать материал отдельных разделов, обдумывая его в ракурсе своих убеждений. Тогда эта книга станет вашими собственными тезисами и доводами, а не механически воспринятыми чужими мыслями.

Из-за тезисного изложения можно неправильно понять или истолковать отдельные концепции и примеры. Не торопитесь с умозаключениями, если вы не уяснили до конца какие-то вопросы. Добивайтесь полной ясности, привлекая другие источники.

Дополнительный материал

Рекомендую приобрести для вашей библиотеки перечисленные ниже книги, поскольку они тесно связаны с тематикой и первой, и второй частей данной книги. Эти книги могут стать прекрасным подарком для вашей университетской библиотеки.

1. Archer, Gleason. *A Survey of Old Testament Introduction*. Moody Press.

2. Bruce, F. F. *The Books and the Parchments*. Fleming Revell.

3. Bruce, F. F. *The New Testament Documents: Are They Reliable?* InterVarsity Press.

4. Geisler, Norman L., and William E. Nix. *A General Introduction to the Bible*. Moody Press.

5. Henry, Carl (ed.). *Revelation and the Bible*. Baker Book House.

6. Kitchen, K. A. *Ancient Orient and Old Testament*. InterVarsity Press.

7. Little, Paul. *Know Why You Believe*. InterVarsity Press.

8. Montgomery, John Warwick. *History and Christianity*. InterVarsity Press.

9. Montgomery, John Warwick. *Shapes of the Past*. Edwards Brothers.

10. Pinnock, Clark. *Set Forth Your Case*. Craig Press.

11. Ramm, Bernard. *Protestant Christian Evidences*. Moody

Press.

12. Smith, Wilbur. *Therefore Stand*. Baker Book House.
13. Stoner, Peter. *Science Speaks*. Moody Press.
14. Stott, John R. W. *Basic Christianity*. InterVarsity Press.
15. Thomas, Griffith. *Christianity Is Christ*. Moody Press.

Могут также порекомендовать следующие книги, относящиеся к третьей части:

1. Cassuto, U. *The Documentary Hypothesis*. Magnes Press, The Hebrew University.
2. Free, Joseph P. *Archaeology and Bible History*. Scripture Press.
3. Guthrie, Donald. *New Testament Introduction*. InterVarsity Press.
4. Harrison, R. K. *Introduction to the Old Testament*. Wm. B. Eerdmans Publishing Company.
5. Kistemaker, Simon. *The Gospels in Current Study*. Baker Book House.
6. Ladd, G. E. *The New Testament and Criticism*. Wm. B. Eerdmans Publishing Co.

Следующие три замечательных произведения могут помочь в понимании критики Нового Завета:

7. Marshall, Howard I. *Luke: Historian and Theologian*. Zondervan Publishing House.
8. McNight, Edgar V. *What Is Form Criticism?* Fortress Press

(любая из этой серии).

9. Perrin, Norman. *What Is Redaction Criticism?* Fortress Press.

Эта отличная работа поможет вам понять различные «формы» в критике формы:

10. Montgomery, Robert M. and Richard W. Stegner. *Auxiliary Studies in the Bible: Forms in the Gospels, 1. The Pronouncement Story.* Abingdon Press.

Как пользоваться книгой «Свидетельства достоверности Библии»

Билл Уилсон, редактор исправленной версии

Внимание! Это очень опасная книга. Ее вдумчивое прочтение может в корне изменить всю вашу жизнь.

Осторожно! Если вы думаете, что перед вами обычная книга, над которой можно посидеть с чашкой кофе в руках, вы ошибаетесь. Когда с ее страниц потекут идеи и мысли, вы, может быть, захотите вооружиться ручкой и тетрадью и записать какие-то вещи, чтобы уже в следующий раз, при разговоре с другом или знакомым, ваше свидетельство о Благой Вести Иисуса Христа было еще более убедительным.

«Минутку, – скажете вы. – Я? Делиться свидетельством? Да я просто хотел почитать». Ну что ж, в таком случае вам следует знать, что в этой книге собраны конспекты лекций и выступлений Джоша Макдауэлла. И когда вы убедитесь в силе его аргументов, вы непременно захотите поделиться с другими своей верой в Евангелие спасения. При написании обоих томов этой книги Джош в первую очередь стремился обеспечить своих читателей хорошо подобранным документальным материалом, которым они могли бы воспользо-

ваться, неся людям весть о Христе. В этом переработанном и дополненном издании вы найдете много новейших свидетельств в пользу христианской веры.

Вам в простой и доступной форме предлагается большой объем интересной и полезной информации. Для ее усвоения потребуется какое-то время. Если вы человек увлекающийся и хотите утвердить свою веру, используя все имеющиеся в вашем распоряжении свидетельства, не откладывая беритесь за чтение.

Вполне вероятно, однако, что в разное время и для разных целей вам потребуется и различный материал. Кем бы вы ни были – преподавателем ли, студентом, штатным христианским служителем или рядовым верующим, у вас может не быть лишнего времени. Возможно также, что у вас пока нет личных взаимоотношений с Богом через веру в Иисуса Христа и вы просто хотите отыскать ответы на какие-то конкретные вопросы. Как бы то ни было, раздел «Как пользоваться книгой “Свидетельства достоверности Библии”» поможет вам быстро найти нужные сведения.

Если вы еще не обрели веру

Для вас особенно интересным будет раздел «Бог изменил мою жизнь», который вы найдете перед Введением. Сегодня многие хотели бы знать, может ли Иисус Христос изменить их жизнь. И Джош, уже на первых страницах своей книги,

откровенно делится тем, что сделал Христос в его собственной жизни. Христианская вера обладает удивительной притягательной силой. Иисус глубоко потрясал людей и воздействовал на их жизнь не только во времена Своего земного служения, как это убедительно доказывает история. Он продолжает оказывать Свое радикальное влияние на каждого, кто готов довериться Ему и последовать за Ним.

Для всех читателей

Чтобы основательнее усвоить содержание этой книги, прежде чем начать чтение, внимательно изучите оглавление. В первой части, в основном, говорится о достоверности Библии, а во второй приведены исторические факты и свидетельства, подтверждающие заявления Самого Иисуса о том, что Он есть Бог.

Третья часть посвящена двум главным направлениям радикальной библейской критики: 1) документальной гипотезе (при помощи которой многие ученые прошлого пытались опровергнуть историческую подлинность первых пяти книг Ветхого Завета, а также факт написания этих книг Моисеем) и 2) критике формы (которую многие ученые прошлого использовали для опровержения точности евангельских повествований об Иисусе в первых четырех книгах Нового Завета).

Четвертая часть – абсолютно новый раздел, в котором 1)

исследуются свидетельства познаваемости истины; 2) излагается христианская позиция в ответ на выпады наших противников; 3) отстаивается реальность чудес и 4) предлагаются свидетельства познаваемости истории. И кроме того, в четвертой части вы найдете четыре интересных очерка на тему критики Библии.

Любой христианин, который делится своей верой с другими людьми, очень скоро обнаружит, что в разговорах о христианстве, как правило, возникают одни и те же вопросы. Потратив немного времени на подготовку, вы сможете ответить на девяносто процентов подобных вопросов.

В первой и второй частях, например, вы найдете ответы на такие часто встречающиеся вопросы и возражения, как:

- Библия ничем не отличается от любой другой книги. [См. главы 1, 3 и 4.]
- Как можно верить Библии, если церковь официально признала ее только через триста пятьдесят лет после распятия Христа? [См. главы 2, 3 и 4.]
- У нас нет оригинальных трудов библейских авторов, поэтому как можно быть уверенным в подлинности сегодняшних Писаний? [См. главы 3 и 4.]
- Как можно верить в Иисуса, когда все, что мы о Нем знаем, написано самими христианами, которые не могли быть беспристрастными? [См. главу 5.]
- Иисус никогда не называл Себя Богом. Как могут христиане утверждать, что Он Бог? [См. главы 6 – 10.]

- Как могут христиане говорить, что Иисус во плоти воскрес из мертвых? Ведь существует множество других версий о Его воскресении. [См. главу 9.]

- Что говорит археология о событиях, изложенных в Библии? [См. главы 3, 4 и 13.]

- Если Библия говорит истину и Иисус действительно Бог, какое все это имеет отношение лично ко мне? [См. главу 11.]

Во второй, третьей и четвертой частях

вы найдете ответы на следующие вопросы:

- Многие философы утверждают, что чудеса в принципе невозможны. Что вы можете возразить на это? [См. главы 12 и 39.]

- Многие библейские критики утверждают, что Моисей не может быть автором первых пяти книг Библии. Что вы можете возразить на это? [См. часть третью, раздел II.]

- Мой преподаватель считает, что евангелия, основываясь на смутных воспоминаниях христиан I века об Иисусе, могут дать только искаженную картину. Что вы можете возразить на это? [См. часть три, раздел III.]

- Я часто слышу о Семинарах Иисуса, однако нахожу, что их участники не очень дружелюбно настроены по отношению к Иисусу Христу. Что это за Семинары? [См. главу 29.]

Структура книги

Ссылки

Ссылки на использованные источники я оформил не так, как это обычно делают. После каждой цитаты в скобках указывается фамилия автора, первые буквы ключевых слов заглавия и номера страниц(ы) источника. (Например, Вгусе, ВР, 21–23). Все выходные данные приводятся в библиографии в конце книги.

Если же ссылка не выделена кавычками (или не оформлена в виде отдельного блока), это значит, что данный материал взят из упомянутого источника, но пересказан своими словами и не является точной цитатой. Я же, как и подобает, отдаю должное автору.

Расположение материала

Я решил отказаться от традиционного расположения материала в книге. Используемая мной система позволяет во время выступления быстро и легко ориентироваться в печатном тексте.

Традиционная система:

I.

A.

1.

a.

1)

a)

Использованный мной метод:

1A.

1Б.

1В.

1Г.

1Д.

1Е.

Однако в связи с тем, что текст книги сформатирован в колонках, нумерация подразделов будет выглядеть следующим образом:

1A.

1Б.

2Б.

2А.

В начале каждой главы вы найдете обзор ее содержания.

Указатели

После библиографии в конце книги помещены: 1) отдельный список авторов библиографических работ и 2) предметный указатель. Они помогут вам в работе со ссылками и примечаниями.

Биографические очерки

В конце книги приводятся также краткие биографии некоторых авторов использованных в книге источников.

Выражение признательности

По словам Роберта Маунса, декана Колледжа гуманитарных наук в Западном университете Кентукки в Поттере, для написания подобной книги необходимы преданность делу и широта видения: «Перед учеными стоит, в общем, довольно незавидная задача, для выполнения которой требуется полная самоотдача. Я убежден, что молодые люди с аналитическим даром и философским складом ума должны знать, что служить Богу можно и в тиши кабинетов, среди плодов научных изысканий».

Публикация любой книги требует усилий многих людей. Они играют важную, но часто незаметную роль. Это в особенности верно по отношению к данной книге, учитывая все те изменения и дополнения, которые внесены в новое издание. Поэтому мне хотелось бы выразить свою глубокую благодарность многим и многим людям.

Костяк работавших над первым томом «Свидетельств» составляли одиннадцать студентов из девяти университетов. Это: Даг Уайлдер из Университета штата Мичиган; Фил Эдвардс из Университета штата Огайо; Рон Лутьенс из Университета Грин-Баулинга; Уэйн Траут из Политехнического института штата Вирджиния; Brent Нелсон из Университета штата Индиана; Дэвид Шелдон из Университета штата Огайо; Фрэнк Дикерсон из Университета штата Огайо;

Стив Смит из Политехнического института штата Вирджиния; Джеймс Дэвис из Политехнического института штата Луизиана; Линн Смит из Университета Западного Техаса и Стик Юстик из Университета города Сакраменто.

Основная исследовательская команда по подготовке второго тома «Свидетельств» состояла из четырнадцати студентов, представлявших четырнадцать различных университетов. Это: Рон Лутьенс из Университета Грин-Баулинга; Джеймс Дэвис из Политехнического института штата Луизиана; Фрэнк Дикерсон из Университета штата Огайо; Джей Гэри из Технологического института штата Джорджия; Рей Моран из Университета Бейлора; Джон Остин из Университета штата

Вирджиния; Ричард Бэкем из Университета штата Луизиана; Дейв Уилсон из Семинарии Тринити; Терри Шоуп из Университета штата Арканзас; Джон Слоан из Университета Западного Техаса; Фейт Остин из Университета штата Аризона; Стефани Росс из Университета Северного Техаса; Бет Виэзи из Университета Аризоны и Нэнси Томпсон из Колледжа Чэффи.

Билл Уоткинс работал над набором текста, оформлением и правкой переработанного и дополненного издания «Свидетельств».

Доктор Джеймс Беверли из Богословской семинарии Онтарио помог критическими замечаниями и советом по поводу оформления, содержания и исправления «Свидетельств

достоверности Библии».

Доктор Норм Гейслер из Южной Евангелической семинарии в Шарлотте, штат Нью-Йорк, взял на себя роль главного редактора переработанного издания «Свидетельств достоверности Библии» вместе с командой из восемнадцати студентов своей семинарии, которые обеспечили проверку, написание и редакцию нового тома. Это: Тодд Б. Вик; Бенджамин Хластан; Стив Брайт; Дуэйн Хансен; Сабрина Барнс; Д. Скотт Хендерсон; Кеннет Ли Худ; Дуглас И. Поттер; Скотт Матцкерс; Гэвин Т. Хед; Дэвид Л. Джонсон; Стивен

М. Пуриер; Эрик Ф. Ларок; Джанис И. Хластен; Джефф Спенсер; Малколм Армстронг; Брюс Лэндон и Фрэнк Тарик. Миссис Лорел Могел, секретарь доктора Гейслера, оказала неоценимую помощь в наборе текста на компьютере и общей координации данного проекта.

Билл Уилсон выступил выпускающим редактором переработанных «Свидетельств достоверности Библии», а Маркус Маранто – помощником редактора. По части научного редактирования Биллу помогала его команда из Богословской семинарии Далласа. Это: Николас Элсоп; Дэвид Хенер; Ронни Редди; Майк Свигел и Джон Зарива.

Мой сын, Шон Макдауэлл, высказал ценные критические замечания по всему изданию, а также переписал заново главу о постмодернизме.

Дэйв Беллис в течение двадцати двух лет координировал и направлял долгую и кропотливую работу нашей исследо-

вательской группы, вникая во все детали с самого начала и до окончания проекта.

Марк Робертс из издательского дома «Thomas Nelson» терпеливо направлял нашу работу, давал руководящие указания и помогал в написании поправок и дополнений для нового издания.

Ли Холлэвей, редактор издательского дома «Thomas Nelson», обеспечила редакторскую правку рукописи и руководство всем издательским процессом.

Выражаю благодарность квалифицированной команде из более чем пятидесяти верных людей – они с энтузиазмом стояли на защите надежды, которая есть упование каждого из нас.

Джош Макдауэлл

Бог изменил мою жизнь

Фома Аквинский писал: «Каждый в душе жаждет обрести смысл жизни и счастье». Я испытал это, будучи еще подростком. Я хотел стать счастливым и найти смысл жизни. Я страстно искал ответ на три самых главных вопроса: «Кто я? Зачем я родился? Куда я иду?» Но это один из самых трудных вопросов в жизни. Думаю, что девяносто процентов людей не в состоянии ответить на них. Я же непременно хотел понять, зачем человек рождается в этот мир. И с юных лет бился над этим вопросом.

Там, где я тогда жил, в церковь, казалось, ходили все. Я решил попробовать найти ответы на мучившие меня вопросы религиозности и потому стал посещать церковь. Я не пропускал ни одного собрания, отправлялся на них утром, днем и вечером. По-видимому, я попал не в ту церковь, потому что чувствовал себя в этих стенах еще хуже, чем вне церкви. Правда, я ходил туда все же не без пользы, и выражалась она в семидесяти пяти центах в неделю. Я клал в тарелку для сбора пожертвований двадцать пять центов, а выходя из церкви, забирал семьдесят пять, чтобы купить молочный коктейль!

Я вырос на ферме в Мичигане, а многие фермеры – люди очень практичные. Мой отец, фермер, всегда учил меня: «Если что-то не работает, выбрось это из головы!» Поэтому

я оставил религию.

Затем я решил, что ответ на мои вопросы о счастье и смысле жизни может дать образование. Поэтому я поступил в университет. Но как же я разочаровался! Пожалуй, столько университетов не сменил больше никто в истории человечества. В университете можно найти что угодно, но пытаться обрести там смысл жизни – дело бессмысленное и напрасное.

Думаю, для многих преподавателей в моем первом университете я был самым нелюбимым студентом. Я приходил к ним в кабинеты и забрасывал их вопросами. Завидев меня на улице, они притворялись, что не замечают меня, и старались свернуть куда-нибудь в сторону, чтобы не вступать со мной в разговоры. Очень скоро я понял, что в университете мне не найти ответов на тревожившие меня вопросы. Мне стало ясно, что и сами преподаватели, и остальные студенты, как и я, пребывают в отчаянии от множества вопросов и неразрешимых проблем. Несколько лет назад в одном студенческом городке я видел студента, на спине которого красовалась надпись: «Не ходите за мной, я заблудился». Мне кажется, в университете любого можно назвать заблудшим. Так что образование не могло дать мне исчерпывающего ответа на мои вопросы!

Тогда я решил, что, наверное, справлюсь со своими проблемами, если получу престижную должность. Просто нужно найти какую-нибудь благородную задачу, посвятить ей

всего себя и добиться известности. Самым престижным в университете, что позволяло к тому же держать в своих руках все финансовые ниточки, было стать студенческим лидером. И я активно занялся общественной работой – скоро меня выбрали студенческим вожаком. Мне нравилось знать в университете всех и каждого, принимать важные решения и тратить университетские деньги как мне заблагорассудится. Скоро, однако, ощущение новизны прошло, как и во всем другом, что я уже перепробовал.

Каждое утро в понедельник я просыпался с головной болью после бурно проведенной воскресной ночи. И каждый раз я думал: «Ну вот, впереди снова пять скучных серых дней». Счастье для меня заключалось в трех вечерах в конце недели, когда можно было кутить, развлекаться и ни о чем не думать. Но потом опять начинался круговорот будничных рабочих дней. Я стал уставать от этой бессмысленной жизни. Мне хотелось понять, для чего я живу и в чем смысл моего существования. Но все, за что бы я ни брался, одинаково опустошало меня, и нигде я не находил ответа на свои вопросы.

Примерно в это же время я заметил в университете небольшую группу людей из восьми студентов и двух преподавателей. Они заметно отличались от всех остальных. Казалось, они знают, что делают и куда идут. Кроме того, они обладали качеством, которое я высоко ценю в людях: твердыми убеждениями. Мне нравится общаться с такими людьми,

пусть даже я сам мыслю иначе. Те, у кого всегда есть собственное мнение, очень активны и динамичны, а мне это по душе.

Привлекло меня в этих людях и еще одно качество. Они относились друг к другу с любовью. Причем любили эти студенты и преподаватели не только друг друга – они почтительно и дружелюбно относились и к тем, кто не принадлежал к их кругу. К тому же они не просто рассуждали о любви, но и вели себя соответственно. Я впервые столкнулся с подобным поведением, и мне самому захотелось стать таким же. Я решил подружиться с этими людьми.

Недели через две в студенческом клубе я уже сидел за одним столом с несколькими членами этой группы. Вскоре разговор коснулся Бога. Я тут мало что понимал, поэтому предпочел сделать вид, что меня эта тема совершенно не интересует. Я откинулся в кресле и пренебрежительным тоном заявил: «Христианство? Это только для слабаков, но не для думающих натур». Однако в глубине души я очень хотел обрести то, что имели эти люди. Но гордость и мое положение в университете мешали мне открыто сказать *им* о моем желании. Я повернулся к одной девушке из этой группы и спросил ее: «Скажи мне, что именно изменило твою жизнь? Почему вы все так разительно отличаетесь от других студентов и преподавателей?»

Она посмотрела мне прямо в глаза и произнесла два слова, которые я никак не ожидал услышать в высокоинтеллек-

туальной беседе в университетском кампусе: «Иисус Христос».

«Иисус Христос? – изумился я. – Знаешь, не держи меня за младенца. Я сыт по горло всей этой религией, Библией и церковью».

Она тут же возразила: «Но я не произносила слова “религия”, я сказала “Иисус Христос”».

Удивленный смелостью девушки и ее твердостью, я извинился за свою реакцию. «Я просто устал от религии и религиозных людей, – пояснил я, – и не хочу иметь с этим ничего общего».

И тогда моим новым друзьям пришла в голову совершенно неожиданная идея. Они предложили мне, студенту юридического факультета, рассмотреть с интеллектуальных позиций утверждение о том, что Иисус Христос есть Сын Божий. Сначала я подумал, что они шутят. Эти христиане иногда ведут себя так неразумно. Разве можно предположить, что столь иллюзорное явление, как христианство, устоит перед разумом? В ответ на их предложение я только засмеялся.

Но они не сдавались. Изю дня в день они продолжали напоминать мне о своем предложении и наконец загнали меня в угол. Мне все это настолько надоело, что я принял их вызов. Доказывать я ничего не собирался, но рассчитывал опровергнуть их утверждения. Я решил написать книгу и в ней выставить христианство нелепым и смешным. Я ушел из университета и объездил Соединенные Штаты и Европу, со-

бирая необходимые свидетельства, чтобы доказать, что христианство – большой обман и сплошное притворство.

Как-то я сидел в библиотеке в Лондоне и вдруг услышал внутри себя голос, который сказал мне: «Джош, ты ничего не сможешь доказать». Я тут же заглушил в себе этот голос. Но теперь почти каждый день я слышал все тот же внутренний голос. Чем больше я углублялся в мои исследования, тем отчетливее этот голос звучал во мне. Я вернулся в Соединенные Штаты, восстановился в университете, но по ночам мне не спалось. Я ложился в десять вечера и до четырех утра лежал с открытыми глазами, пытаясь мысленно опровергнуть многочисленные свидетельства в пользу того, что Иисус Христос есть Сын Бога.

Наконец я начал осознавать, что готов совершить интеллектуальное мошенничество. Мой разум утверждал, что все свидетельства об Иисусе Христе истинны, но воля моя пыталась увлечь меня в другом направлении. Я приложил столько сил, чтобы отыскать истину, а теперь, найдя ее, не хотел за ней следовать. Призыв Христа из Откровения 3:20 воспринимался мною теперь как обращенный лично ко мне: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною». Но я боялся, что, став христианином, должен буду полностью сокрушить свое внутреннее «я», свое эго. Я ведь отдавал себе отчет, что мое обращение положит конец всем развлечениям и греховным удовольствиям.

Я понимал, что должен как-то разрешить этот внутренний конфликт, потому что уже не мог думать ни о чем другом. Я всегда считал себя здравомыслящим человеком, умеющим принимать ответственные решения. И вот однажды я все же решил испытать на собственной жизни обетования Христа. Это случилось поздно ночью в Юнион-Сити, штат Мичиган, когда я заканчивал второй курс университета. Я стал христианином. Меня могут спросить: «Почему ты так уверен, что стал христианином?» Но это действительно так! Я уединился с одним другом-христианином и помолился, причем в молитве провозгласил четыре момента, которые помогли мне установить личные взаимоотношения с Богом.

Во-первых, я сказал: «Господь Иисус, спасибо за то, что Ты умер на кресте вместо меня». Я осознавал, что даже если бы я был на земле единственным человеком, Христос все равно пошел бы на крест ради моего спасения. Можно предположить, что меня привели ко Христу неоспоримые доводы разума, основывавшиеся на свидетельствах, которые я собрал о Нем. Но это не так. Просто Бог использовал эти свидетельства для того, чтобы хоть немного приоткрыть дверь моего сердца. Я пришел к Богу, потому что осознал Его великую ко мне любовь, которая побудила Его умереть вместо меня.

Во-вторых, я сказал: «Я признаю себя грешником». Меня не нужно было убеждать в этом. Я знал, что в моей жизни были вещи, абсолютно несовместимые с требованиями свя-

того, справедливого и праведного Бога. В Библии сказано: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9). Поэтому я сказал: «Господи, прости меня».

В-третьих, я заявил: «Прямо сейчас я открываю дверь моего сердца и моей жизни и доверяюсь Тебе как Спасителю и Господу. Иисус, руководи моей жизнью. Измени меня изнутри и очисти. Сделай меня таким, каким Ты хочешь видеть меня».

И последним моим провозглашением в молитве было следующее: «Спасибо за то, что Ты вошел в мою жизнь».

После моей молитвы не произошло ничего необыкновенного. Молнии не засверкали. Ангельские крылья у меня не выросли. Если честно, мне стало намного хуже, чем до молитвы, и я даже почувствовал тошноту. Я боялся, что впоследствии, разумно все взвесив, я пожалею о решении, к которому подтолкнули меня чувства. Но более всего я боялся того, что скажут мои друзья, когда узнают об этом. Я понимал, что совершил очень серьезный шаг.

Но в последующие полтора года жизнь моя коренным образом изменилась. Я стал иначе относиться к людям, и это, пожалуй, самое важное. Во время учебы в университете я распланировал всю свою жизнь на двадцать пять лет вперед. Моей

**Иногда я заставлял маму в коровнике
скорчившейся в куче навоза за коровьими**

стойлами – отец жестоко избивал ее поливочным шлангом, так что она потом не могла встать. В такие минуты во мне закипала ярость, и я клялся себе, что, когда вырасту, убью отца.

главной мечтой было стать губернатором штата Мичиган. На людей я смотрел как на трамплин для достижения мной успеха на политическом поприще. Я вообще полагал, что люди существуют для того, чтобы их использовать. Но после того, как я доверился Христу, я стал думать по-другому. У меня больше не возникало желания использовать других ради моих целей – теперь я хотел служить людям. Моя жизнь перестала вращаться вокруг меня самого, в нее вошли чужие нужды и интересы. И изменение это было паразитическим.

Еще одно изменение касалось моего раздражительного характера. Я мог вспылить от одного только неласкового взгляда. У меня до сих пор сохранились шрамы после драки на первом курсе, когда я чуть не убил человека. Вспышки ярости были для меня настолько привычными, что я даже не пытался как-то с этим бороться. Но однажды, когда все подталкивало меня к приступу ярости, я вдруг с удивлением обнаружил, что полностью контролирую свои эмоции и не испытываю никакого раздражения. До идеала, конечно, далеко, но разительные перемены в моем характере очевидны.

Но, пожалуй, самое серьезное изменение во мне касается ненависти и обид. Все мое детство было отравлено ненавистью по отношению к человеку, которого я ненавидел как

никого на свете. Я презирал все, что он делал или говорил. Еще мальчиком я, бывало, лежал по ночам в своей постели и представлял, как убью его и полиция меня не поймают. Этим человеком был мой отец.

Отец мой был известным всему городу алкоголиком. Не припомню, чтобы когда-нибудь я видел его трезвым. Ребята в школе часто смеялись над тем, что мой отец валяется пьяным в придорожных канавах, выставя себя на посмешище. Их шутки и насмешки глубоко ранили меня, но я и вида не показывал. Я смеялся вместе со всеми. Свою боль я таил глубоко в душе.

Иногда я заставал маму в коровнике скорчившейся в куче навоза за коровьими стойлами – отец жестоко избивал ее поливочным шлангом, так что она потом не могла встать. В такие минуты во мне закипала ярость, и я клялся себе, что, когда вырасту, убью отца. Когда отец напивался и к нам заходили люди, я хватал его за воротник, волоком тащил в коровник и там привязывал к стене. Затем я прятал его грузовик на заднем дворе и говорил всем, кто бы ни приходил, что отец отлучился по делам. Я связывал отцу руки и ноги, а конец веревки завязывал петлей и накидывал ему на шею. Втайне я надеялся, что он начнет вырываться и задушит себя.

За два месяца до окончания средней школы я вернулся домой после свидания с девушкой и услышал приглушенные стоны матери. Я вбежал к ней в комнату и увидел ее лежащей

на постели. «Сынок, твой отец разбил мое сердце, – сказала она, обняв меня и крепко прижав к себе, – я больше не хочу жить. Мне бы только дожить до твоего окончания школы, а потом можно умирать».

Через два месяца после выпускного вечера моя мама умерла. Я верю, что она умерла от разбитого сердца. Я ненавидел отца за это. Если бы вскоре после похорон матери я не уехал из дома, я бы, наверное, убил его.

Но после того, как я решил довериться Иисусу как Спасителю и Господу, мою жизнь наполнила Божия любовь. Бог забрал у меня ненависть к отцу и обратил ее в любовь. Через пять месяцев после обращения ко Христу я посмотрел отцу прямо в глаза и сказал: «Папа, я люблю тебя». Я не хотел любить этого человека, но Бог совершил это во мне. Божия любовь полностью изменила мое сердце.

Потом я перевелся в университет Уитона и, уже учась там, попал по вине пьяного водителя в серьезную автомобильную аварию. После больницы меня привезли домой отлежаться еще какое-то время. Однажды ко мне в комнату вошел отец. Что интересно, в тот день он был совершенно трезвым. Он стал ходить взад и вперед по комнате – казалось, он чувствует себя неловко. Наконец у него вырвалось: «Как ты можешь любить такого отца, как я?»

Я ответил: «Папа, полгода назад я ненавидел и презирал тебя. Но теперь я доверился Иисусу Христу, принял Божие прощение, и Он полностью изменил всю мою жизнь. Я не

могу объяснить тебе всего, папа. Но Бог забрал мою ненависть к тебе и заменил ее Своей любовью».

Мы проговорили почти час, и затем он сказал: «Сынок, если Бог может и в моей жизни сделать то же, что Он сделал в твоей, тогда я хочу предоставить Ему эту возможность». И он помолился: «Бог, если Ты действительно Бог и Иисус умер на кресте, чтобы простить меня за все дурное, что я сделал своей семье, тогда Ты нужен мне. Если Иисус может сделать в моей жизни то, что Он сделал в жизни моего сына, тогда я хочу довериться Ему как Спасителю и Господу». Я испытал величайшую радость, услышав из уст отца эту молитву, исходившую из самого его сердца.

После того как я доверился Христу, моя жизнь менялась коренным образом, но происходило это в течение полутора лет. У отца же жизнь стала другой прямо на глазах. Словно кто-то протянул сверху невидимую руку и включил внутри него свет. После своего обращения он только однажды прикоснулся к рюмке со спиртным. Тогда он поднес рюмку ко рту, но так и не отпил, навсегда расставшись с алкоголем после сорока лет беспробудного пьянства! Он освободился от алкогольной зависимости. Через четырнадцать месяцев он умер от алкогольной интоксикации организма. Но за эти четырнадцать месяцев больше ста человек в нашем небольшом городке посвятили свою жизнь Иисусу Христу, потому что они воочию увидели, какие перемены произошли в жизни алкоголика, которого знал весь город, – моего папы.

Вы можете смеяться над христианством. Можете издеваться и шутить над ним. Но это действенная и могущественная сила. Если вы доверитесь Христу, вы увидите, как все ваши поступки и жизненные принципы изменятся, потому что Иисус Христос коренным образом меняет жизнь людей.

Невозможно насильно заставить человека принять христианство. Я не смогу прожить за вас вашу жизнь, а вы не проживете мою. Я могу лишь поделиться с вами тем, что знаю и что пережил сам. Но решать, как распорядиться услышанным, вам придется самим.

Может быть, вам поможет та молитва, которой когда-то помолился я: «Господь Иисус, Ты нужен мне. Спасибо за то, что Ты умер на кресте вместо меня. Прости меня и очисти. Прямо сейчас я доверяюсь Тебе как Спасителю и Господу. Сделай меня таким, каким Ты хочешь видеть меня. Во имя Христа, аминь».

Джош Макдауэлл

Введение

1А. Дайте отчет в своем уповании

«Господа Бога святите в сердцах ваших; *будьте* всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3:15).

1Б. Слово в защиту

Эта книга *свидетельств* в пользу достоверности христианской веры представляет собой *апологетику*. Слово *апологетика* означает защиту того, что мы считаем верным.

Слово «защита» (греч. *apologia*) подразумевает «защиту поведения и убеждений». Уилбур Смит говорит об этом так: «Это словесная защита, речь в защиту того, что сделано, или того, во что человек верит» (Smith, TS, 45, 481).

«*Apologia*» использовалась преимущественно в прежние времена, «но она не имела в виду попытку оправдать, смягчить впечатление или исправить причиненный вред» (Beattie, A, 48).

«*Apologia*», переведенная в английском варианте Библии словом «защита» и производными от него, встречается в Новом Завете восемь раз (включая «ответ» в 1 Пет. 3:15, приведенном выше):

Деяния 22:1: «Мужи братья и отцы! выслушайте теперь мое оправдание [мою *защиту*. – Д. М.] перед вами».

Деяния 25:16: «Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу *защищаться* (курсив – Д. М.) против обвинения».

1 Коринфянам 9:3: «Вот мое *защитение* (курсив— Д. М.) против осуждающих меня».

2 Коринфянам 7:11: «Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения [какую *защиту* (курсив – Д. М.)], какое негодование *на виновного*, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле».

Филиппийцам 1:7: «Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при *защитении* (курсив – Д. М.) и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати».

Филиппийцам 1:17: «...а другие – из любви, зная, что я поставлен *защищать* (курсив – Д. М.) благовествование».

2 Тимофею 4:16: «При первом моем ответе [*защите* (курсив – Д. М.)] никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им!»

В 1 Петра 3:15 слово «ответ» подразумевает такую защиту, к которой человек прибегает, когда с целью уточнить

его позицию у него, например, допытываются: «Почему ты стал христианином?» Верующий несет ответственность за то, чтобы отвечать на такие вопросы подобающим образом.

Пол Литтл цитирует Джона Стотта, говоря: «Мы не имеем права потворствовать интеллектуальному высокомерию людей, но должны стремиться удовлетворить их интеллектуальные запросы» (Little, KWhyYB, 28).

Битти приходит к заключению о том, что «христианство для человечества либо ВСЕ, либо НИЧЕГО. Оно либо неколебимая уверенность, либо величайшая иллюзия... Но если христианство для человечества ВСЕ, тогда очень важно, чтобы каждый человек смог обосновать ту надежду, которую он лелеет в себе по отношению к вечным истинам христианской веры. Для того чтобы вера была осознанной и твердой, недостаточно принять эти истины только на основании авторитета какого-то человека, не задумываясь и не понимая их» (Beattie, A, 37, 38).

Основной, «апологетический» аргумент настоящих записок заключается в следующем: «Мы верим в бесконечного, мудрого, всемогущего и любящего Бога, Который Своим благовестием открыл Себя естественным и сверхъестественным путем в сотворенном мире, в природе человека, в истории Израиля и Церкви, на страницах Священного Писания, в боговоплощении Христа и в сердце верующего» (Ramm, PCE, 33).

2Б. Христианство – это ФАКТическая вера

Христианство взывает к истории. Оно апеллирует к фактам истории, которые доступны и понятны каждому человеку.

Дж. Н. Д. Андерсон приводит такое замечание Д. И. Дженкинса: «Христианство построено на непререкаемых фактах» (Anderson, WH, 10).

Кларк Пиннок дает следующее определение понятию факт:

«Факты, которые подтверждают притязания христианства, нельзя назвать какими-то необычными, религиозными фактами. Это вполне познаваемые, информативные факты, на которых строятся все исторические, юридические и обычные выводы» (Pinnock, SFYC, 6, 7).

Лука, христианский историк I века, проводит эту истину в своем Евангелии и в Книге Деяния святых апостолов. Лука заявил, что намерен составить связное и точное историческое повествование «о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» (Лк. 1:1–2). Среди этих исторических и познаваемых, известных всем событий было и воскресение Иисуса Христа. Это конкретное происшествие, как говорит о нем Лука, получило подтверждение со стороны Иисуса Христа, Который «и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в

продолжение сорока дней» (Деян. 1:3).

Одна из задач этих «записок о свидетельствах достоверности христианской веры» – познакомить вас с «совершенно известными между нами событиями» и показать, что христианская интерпретация этих непрерываемых фактов ни в чем не противоречит логике. Апологетика вовсе не стремится убедить человека стать христианином вопреки его воле. Цель апологетики, как говорит об этом Кларк Пиннок, сводится к «вразумительному и понятному изложению свидетельств о христианском Евангелии с тем, чтобы люди могли осознанно подчиниться обличающей силе Святого Духа. Сердце человека не может радоваться тому, что его разум отвергает как ложь» (Pinnock, SFYC, 3).

3Б. Лучшая защита – нападение

В аспирантуре по курсу философии апологетики я написал работу на тему «Лучшая защита христианства». Я много раз откладывал ее, потом снова к ней возвращался, но не потому, что материала было недостаточно. Просто, как мне казалось, я знал, чего ожидает от меня профессор, читавший нам этот курс (такое впечатление я вынес из его лекций).

Наконец я решил просто выразить на бумаге свои убеждения. Работа начиналась такими словами: «Некоторые люди утверждают, что лучшее нападение – это защита, но, по моему, лучшая защита – нападение». Далее я пояснил, что лучше всего защищать христианство, «ясно и просто, в си-

ле Святого Духа излагая, что утверждал Христос и Кто Он». Далее я сформулировал «четыре духовных закона», которые сопроводил свидетельством о своей молитве покаяния 19 декабря 1959 года в 20.30 вечера, когда я признал Иисуса Христа своим Спасителем и Господом. В заключительной части работы я привел свидетельства воскресения Христа.

Профессор, должно быть, очень тщательно проверил мою работу. По-видимому, он согласился с моей трактовкой, потому что за эту работу я получил девяносто шесть баллов из ста возможных.

Прав был Уильям Тиндейл, утверждавший, что «мальчик-пахарь, читающий Библию, знает о Боге больше, чем просвещеннейший богослов, который игнорирует ее». Другими словами, сын фермера из Арканзаса, который свидетельствует о Евангелии, как апологет христианства добьется гораздо большего, чем гарвардский ученый со всеми своими научными доводами.

Одно предупреждение для тех, кто желает овладеть искусством апологетики: Бог спасает, апологетика нет. С другой стороны, Бог часто использует апологетику, или свидетельства, для преодоления преград, с которыми многие сталкиваются на пути к вере. Апологетика нужна также для подтверждения интеллектуальной доступности и обоснованности веры в Христа. Великий принстонский богослов и апологет Бенджамин Уорфилд заявил в связи с этим следующее:

Все свидетельства и доказательства в мире не

способны сделать из человека христианина. Павел может насадить, а Аполлос поливать, но только Бог дает умножение веры... Однако отсюда совсем не следует, что Бог дает иррациональную веру, то есть веру, для которой не важны доводы разума... Мы веруем в Христа, потому что верить в Него рационально и разумно... Мы не сторонники абсурдных заявлений, согласно которым апологетика сама по себе обладает силой, способной сделать человека христианином или привести весь мир ко Христу. Только Дух жизни может дать жизнь мертвой душе или обличить мир в грехе, правде и грядущем суде. Однако мы утверждаем, что вера во всех своих проявлениях есть форма убеждения, а значит, она обязательно должна строиться на свидетельствах (Warfield, A: FA, 24, 25).

«Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4:12).

Беря на вооружение два эти руководства к действию, следует соблюдать золотую середину. Мы должны проповедовать Евангелие, но мы также «должны быть готовы дать отчет в своем уповании».

К осознанию истины людей приводит Святой Дух; истину невозможно постичь разумом. «И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что

говорил Павел» (Деян. 16:14).

Мы не сторонники абсурдных заявлений, согласно которым апологетика сама по себе обладает силой, способной сделать человека христианином или привести весь мир ко Христу. Только Дух жизни может дать жизнь мертвой душе или обличить мир в грехе, правде и грядущем суде. Однако мы утверждаем, что вера во всех своих проявлениях есть форма убеждения, а значит, она обязательно должна строиться на свидетельствах (Бенджамин Уорфилд, Принстонский университет).

Пиннок, талантливый апологет и свидетель Христа, так подытоживает все сказанное выше: «Умный христианин должен уметь показать слабые моменты в жизни неверующего человека и привести все факты и доводы в пользу Евангелия. Если наша апологетика не поможет объяснить человеку Благою Весть, значит, это некомпетентная апологетика» (Pinnock, SFYC, 7).

2А. Рассеять туман

Раньше я жил в Калифорнии. Иногда там в некоторых городах в воздухе стоит такая плотная завеса тумана, что трудно рассмотреть впереди идущую машину. Ездить в таких условиях было очень опасно.

Чтобы четко видеть предметы перед собой, нужно убрать все, что этому мешает. К христианству многие подходят заведомо предвзято, а в таком случае не разглядеть, что же это такое на самом деле. Прежде чем взяться за исследование свидетельств в его пользу, мы должны избавиться от ряда заблуждений.

1Б. Заблуждение № 1: «Слепая вера»

Довольно часто христиан обвиняют в том, что они слепо верят в свои догматы. Отсюда напрашивается такой вывод: наши противники полагают, что человек, желающий стать христианином, должен совершить «интеллектуальное самоубийство».

Я убежден, что «сердце не может радоваться тому, что отвергает разум». Мое сердце и разум были сотворены, чтобы жить и верить в гармонии и согласии. Христос повелел нам «возлюбить Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем *разумением* твоим» (Мф. 22:37, курсив – Д. М.).

Когда Иисус Христос и апостолы призывали людей уверовать, они имели в виду не «слепую веру», но скорее «интеллектуальную», разумную и осознанную веру. Апостол Павел сказал: «Я *знаю*, в Кого уверовал» (2 Тим. 1:12, курсив – Д. М.). Иисус говорил: «И познаете [не будете игнорировать – Д. М.] истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32).

Вера человека охватывает все сферы его жизнедеятельности: *разум*, эмоции и волю. Мне нравится, как об этом говорит Ф. Р. Битти: «Святой Дух не рождает в сердце человека слепую или необоснованную веру» (Beattie, A, 25).

«Вера в христианство, – как правильно пишет Пол Литтл, – построена на свидетельствах. Это разумная и осознанная вера. Вера в христианском смысле выходит за границы разума, но отнюдь не противоречит ему» (Little, KWhyUV, 30). Вера – это уверенность сердца в надежности имеющихся свидетельств.

Христиан часто обвиняют в том, что они безрассудно «прыгают в темноту». Эта мысль берет свое начало в работах Кьеркегора.

Для меня христианство – это не прыжок в темноту, но скорее «шаг в свет». Я беру имеющиеся в моем распоряжении свидетельства и взвешиваю их. Весы перевешивают в пользу Иисуса Христа как Сына Божия, Который воскрес из мертвых. Эти свидетельства настолько явно говорили в пользу Иисуса Христа, что, когда я стал христианином, я в буквальном смысле «шагнул в свет», но никак не «прыгнул во тьму».

Если бы моя вера была слепой, я бы отверг Иисуса Христа и не захотел признавать имеющиеся свидетельства.

Пожалуйста, будьте внимательны к моим словам. Я не утверждаю, что без тени сомнения доказал Божественность Иисуса Христа. Я лишь исследовал имеющиеся свидетельства и взвесил все «за» и «против». Полученные результаты показали, что Христос должен быть Тем, за Кого Он Себя выдавал. Поэтому я принял решение в соответствии с полученными выводами. Многие говорят в ответ на это: «Ты нашел то, что хотел найти». Однако это совсем не так. *Благодаря своим исследованиям я утвердился в том, что намеревался опровергнуть.* Я было взялся доказать отсутствие всякой достоверности применительно к христианству. Я действительно судил предвзято, но не в пользу Христа, а против Него.

Юм говорил, что исторические свидетельства не имеют объективной ценности, потому что «абсолютную истину» установить невозможно. Но я искал не абсолютную истину, но лишь «историческую вероятность».

«Не имея объективных критериев, – пишет Джон У. Монтгомери, – человек не может сделать осмысленный выбор из имеющихся априорных вероятностей. В сфере исторической вероятности воскресение можно счесть основанием для испытания христианской веры. При условии, что это основание зиждется на вероятности, а не на бесспорных фактах, ибо смертные человеческие существа могут сделать свой выбор, лишь исходя из имеющихся возможностей. Только

дедуктивная логика и чистая математика способны обеспечить “аподиктическую уверенность”, и так оно и происходит, потому что они исходят из самоочевидных формальных аксиом (например, тавтология, если А, значит А), не учитывая фактологию. Но как только мы входим в сферу реальных фактов, мы неминуемо начинаем зависеть от вероятностей. Все это, может быть, не слишком вдохновляет, но от этого никуда не уйти» (Montgomery, SP, 141).

Подытоживая свои четыре статьи в журнале *His* и говоря об истории и христианстве, Джон У. Монтгомери пишет: «Историческая вероятность склоняется в пользу обоснованности утверждения Иисуса о том, что Он есть Бог во плоти, Спаситель людей и грядущий Судья мира. Если вероятность истинности этих утверждений действительно велика (а разве возможно отрицать ее, исследовав все имеющиеся свидетельства), тогда мы должны действовать на основании этих свидетельств» (Montgomery, HC, 19).

2Б. Заблуждение № 2: «Достаточно быть просто искренним»

Христианская вера – вера объективная, поэтому у нее должен быть конкретный объект. Христианская концепция «спасающей» веры определяет взаимоотношения человека с Иисусом Христом (Он есть объект веры) и диаметрально противоположна общепринятому в сегодняшних учебных аудиториях «философскому» употреблению термина «ве-

ра». Расхожее утверждение «Неважно, во что верить, главное – просто верить» для нас неприемлемо.

Христианская вера – это вера во *Христа*. Ее ценность или достоинство заключается не в верующем, но в Том, в Кого верят, не в доверяющем человеке, но в Том, Кому доверяют.

Приведу конкретный пример. Однажды у меня вышел спор с деканом философского факультета Университета Среднего Запада. Отвечая на один из его вопросов, я упомянул о значении воскресения Христа. Мой оппонент перебил меня и саркастически заявил: «Перестаньте, мистер Макдауэлл, дело ведь не в том, было воскресение или нет, достаточно того, что вы в него верите». Он имел в виду (и именно это сегодня акцентируется), что главное – просто *поверить*. Я немедленно возразил ему: «Сэр, очень важно, во что я как христианин верю, ведь ценность христианской веры не в том, кто верит, а в Том, в Кого верят, то есть в объекте веры». Далее я сказал: «Если кому-нибудь удастся убедить меня, что Христос не воскресал из мертвых, моя христианская вера лишится своего основания» (см. 1 Кор. 15:14).

Христианская вера – это вера *во Христа*. Ее ценность или достоинство заключается не в верующем, но в Том, в Кого верят, не в доверяющем человеке, но в Том, Кому доверяют.

Сразу после того спора ко мне подошел один мусульманин. Между нами завязался интересный разговор, и я услышал от него: «Я знаю немало мусульман, чья вера в Магомета

больше, чем вера христиан во Христа». Я ответил: «Может быть, вы и правы, но в любом случае искренне верующий во Христа человек “спасен”. Видите ли, неважно, сколько у вас веры, главное – сам объект вашей веры. С христианской позиции веры важно именно это».

Я часто слышу от студентов: «У некоторых буддистов вера в Будду ревностнее и больше [что такое буддизм, они явно не понимают], чем вера христиан во Христа». На это я могу ответить только одно: «Все может стать, но христианина его вера спасает».

Павел сказал: «Я знаю, *в Кого* уверовал». Надо ли еще объяснять, почему христианское Евангелие сосредоточено на личности Иисуса Христа.

«Если “Христос, в Которого мы верим”, – пишет Джон Уорвик Монтгомери, – отличается от “исторического Христа”, то чем больше будет это отличие, тем дальше мы окажемся от истинного Христа. Как сказал один из величайших христианских историков нашего времени Герберт Баттерфилд, “было бы грубейшей ошибкой предполагать, что характеристики исторической религии сохранятся, если Христос богословов будет отлучен от Христа истории”» (Montgomery, SP, 145).

Другими словами, не следует полагаться на свои ничем не обоснованные предубеждения. Чтобы разобраться в данном вопросе и принять взвешенное решение, нужно обратиться к имеющимся историческим свидетельствам. Исторические

факты, представленные в Писаниях, имеют для христианина непреходящее значение. Вот почему апостол Павел сказал: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших» (1 Кор. 15:14,17).

ЗБ. Заблуждение № 3: «Библия – это собрание мифов»

Критики иногда заявляют: «Таких событий, как рождение от Девы, воскресение и вознесение, превращение Иисусом воды в вино и Его хождение по воде, на самом деле не было. Их включили в Библию для того, чтобы обожествить Иисуса, потому что если

Он вообще когда-то существовал, Он был обычным смертным человеком».

Один профессор, читавший курс всемирной литературы, задал мне такой вопрос: «Что вы думаете о греческой мифологии?» Я ответил вопросом на вопрос: «Вы хотите сказать, что события из жизни Иисуса Христа, Его воскресение, рождение от Девы и т. д., это просто миф?» Он утвердительно кивнул. Я указал ему на очевидную разницу между событиями из жизни Христа, записанными в Библии, и отчасти схожими с ними сюжетами из греческой мифологии. Греческие мифы на сходные темы – о воскресающих богах и другие – повествуют не о реальных личностях из крови и плоти, а о неисторических, выдуманных, мифологических персона-

жах. Когда же дело касается христианства, аналогичные сюжеты повествуют об историческом Иисусе из Назарета, Которого авторы Нового Завета знали лично. На что профессор ответил: «Вы правы, я никогда раньше об этом не задумывался».

1В. Очевидцы событий

Авторы Нового Завета либо писали со слов участников происходивших событий, либо сами были очевидцами этих событий. Их личная связь с тем, что они описывают, бесспорна и подтверждается такими, например, заявлениями:

- «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия» (2 Пет. 1:16).

- «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1:1–3).

- «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании

всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил» (Лк. 1:1–3).

«Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим» (Деян. 1:1–3).

«Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор. 15:6–8).

«Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:30–31).

«И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе. Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых. И Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых» (Деян. 10:39–42).

«Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель стра-

даний Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться» (1 Пет. 5:1).

«Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (Деян. 1:9).

«Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете...» (Деян. 2:22).

«Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто, ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином» (Деян. 26:24–28).

2В. Ты сам знаешь об этом...

Авторы Нового Завета также напоминали своим читателям или слушателям о том, что те видели или знали о фактах, относящихся к личности Иисуса Христа. Эти авторы не только говорили о том, что сами видели или слышали, но и напоминали своим самым непримиримым критикам: «Ты тоже знаешь об этом. Ты видел это; ты сам знаешь, что так

оно и было». Если вы говорите своему оппоненту, что он о чем-то *знает*, значит, так оно и есть, иначе ваш противник очень быстро уличит вас в неправоте. Но именно так и поступали апостолы, и их критики не могли ничего возразить на это.

3В. Разница между историей и мифом

Новозаветные авторы, конечно же, прекрасно понимали, что миф, легенда и реальность – не одно и то же.

Если он [библейский критик] скажет, что в Евангелии какие-то истории – легенды или мифы, я спрошу его, сколько легенд и мифов он прочел и хорошо ли его язык научился распознавать истинный миф на вкус. Спрашивать, сколько лет он потратил на изучение этого Евангелия, я не стану... Поэмы, легенды, мифы я читал всю свою жизнь. Я знаю их характерные особенности. И знаю, что ни одна евангельская история не похожа на них (К. С. Льюис, профессор средневековой литературы и литературы эпохи Возрождения, Кембриджский университет. Автор «Хроник Нарнии»).

С. Эстборн в своей работе «Увлеченный Христом» (*Gripped By Christ*) рассказывает о человеке по имени Анат Нат, убежденном индуисте. Нат «изучал и Библию, и древнеиндийские гимны. Его внимание особенно привлекли две библейские темы. Во-первых, реальность боговоплощения

и, во-вторых, факт искупления человеческих грехов. Эти доктрины он сопоставлял с индуистскими священными писаниями. Параллель жертве Иисуса Христа он обнаружил в личности Праджапати, ведийского бога-творца. Но он отметил разительное несходство между ними. Если ведийский Праджапати являлся мифическим символом, олицетворявшим нескольких персонажей, то Иисус из Назарета представлял собой историческую личность. “Иисус и есть реальный Праджапати, – пришел к выводу Анат Нат, – Он и есть истинный Спаситель мира”» (Estborn, GBC, 43).

Приведем слова Дж. Б. Филлипса, которого цитирует Э. М. Блэйклок: «“Я прочитал десятки мифов на греческом и латинском, но в Евангелии не нахожу ни малейших намеков на миф”. Многие люди, знающие греческий и латынь, согласятся с ним, независимо от своего отношения к новозаветным повествованиям» (Blaik-lock, LA, 47).

К. С. Льюис, блестящий специалист в области литературы, также указывает на отсутствие сходства между библейскими повествованиями и мифами или легендами. Комментируя Евангелие от Иоанна, Льюис бросает упрек в адрес критиков, обвиняющих Евангелие в отсутствии историчности:

Если он [библейский критик] скажет, что в Евангелии какие-то истории – легенды или мифы, я спрошу его, сколько легенд и мифов он прочел и хорошо ли его язык научился распознавать истинный миф на вкус. Спрашивать, сколько лет он потратил на

изучение этого Евангелия, я не стану... Прочитайте диалоги [в Евангелии от Иоанна]: например, разговор с самарянкой у колодца или ту беседу, что произошла после исцеления человека, слепого от рождения. Посмотрите на такие сценки: Иисус задумчиво пишет пальцем на земле, или незабываемую фразу: *fjv še* [а была ночь] (см. Ин. 13:30). Поэмы, легенды, мифы я читал всю свою жизнь. Я знаю их характерные особенности. И знаю, что ни одна евангельская история не похожа на них (Lewis, CR, 154, 155).

4Б. Заблуждение № 4: «Иисус – личность, неизвестная истории»

«Если исследовать жизнь Иисуса из Назарета в рамках истории, мы увидим удивительного человека, но не Сына Божия». Иногда о том же мне говорят: «Придерживаясь “современного исторического” подхода, воскресения не обнаружить».

Да, это действительно так. Но не спешите с выводами – сначала я вам кое-что объясню. Многие люди сегодня берутся за изучение истории, заранее уверенные в том, что Бога нет, чудес не бывает и мы живем в закрытой системе, в которой нет места сверхъестественному. С таким предвзятым подходом они начинают «критическое, открытое и честное» исследование истории. Изучая жизнь Христа и читая о Его чудесах или воскресении, они приходят к выводу, что это вовсе не чудеса и не Воскресение, – ведь они знают (осно-

вываясь не на исторических данных, а на философских рассуждениях), что Бога нет и мы живем в закрытой системе, в которой ни чудес, ни сверхъестественного быть не может. Такие люди исключают факт воскресения Христа, еще даже не начав исторического исследования его вероятности.

И дело здесь не столько в историческом предубеждении, сколько в философских предрассудках. Подобный подход к истории основан на «рационалистической посылке», согласно которой Христос не мог воскреснуть из мертвых. Вместо того чтобы начать с изучения исторических свидетельств, такие исследователи, опираясь на свои «метафизические рассуждения», полностью их отбрасывают.

Джон У. Монтгомери пишет: «Факт воскресения нельзя исключить на основании *априорных*, философских рассуждений; чудеса становятся невозможными, если называть их таковыми, однако подобное определение исключает собственно историческое исследование» (Montgomery, SP, 139–144).

Я так часто цитирую Монтгомери в этой связи, потому что именно он побудил меня серьезнее отнестись к истории. По его словам: «Кант убедительно показал, что все аргументы и системы начинаются с посылки; однако это не значит, что все посылки в равной степени желательны.

Лучше начать, как мы это делаем, с посылок касательно метода исследования (который приведет к истине), а не с посылок касательно действительного содержания (кото-

рые уже предполагают конкретные истины). Как выяснилось, в нашем современном мире лучше всего этому условию отвечают посылки в рамках эмпирического метода. Но обратите внимание, что мы оперируем только посылками, касающимися научных методов, а не рационалистическими постулатами христианской науки (“религия сайентологии”)» (Montgomery, SP, 144).

Монтгомери приводит комментарии Хейзинги относительно исторического скептицизма в работе «Идея истории» («De Historische Idee», в его труде *Verzamelde Werken*, VII [Haarlem, 1950], 134ff.: цитируется в переводе Фрица Штерна: Fritz Stern [ed], *The Varieties of History* [New York: Meridian Books, 1956], p. 302). Хейзинга утверждает:

Самый сильный аргумент против исторического скептицизма... заключается вот в чем: человек, который сомневается в возможности правильных исторических свидетельств и традиции, не сможет впоследствии принять собственные свидетельства, суждение, сочетание их и толкование. Он не может ограничить свои сомнения только отношением к истории и вынужден критически относиться даже к собственной жизни. Он сразу обнаруживает, что ему не просто недостает убедительных свидетельств в самых разных аспектах своей жизни, которые он ранее принимал как само собой разумеющееся: он вообще не видит никаких свидетельств. Короче, вместе с историческим скептицизмом он вынужден

принимать общий философский скептицизм. Причем общий философский скептицизм – это приятная интеллектуальная игра, но жить этим невозможно (Montgomery, SP, 139, 140).

Монтгомери также цитирует Миллара Бэрроуза из Йельского университета, американского эксперта по свиткам Мертвого моря, который пишет:

Есть одна разновидность христианской веры... получившая особое распространение именно сегодня: исповедание христианской веры рассматривается как профессиональное кредо, которое отдельный человек принимает как член общины верующих и которое никак не зависит от его убеждений или имеющихся свидетельств. Люди, занимающие такую позицию, считают, что историческое исследование ничего нам не сообщит об уникальности Христа. К историческому Иисусу они часто настроены скептически и, похоже, прекрасно обходятся без такого рода познаний. Для меня такой подход неприемлем. Я глубоко убежден в том, что историческое откровение Бога в Иисусе из Назарета должно стать краеугольным камнем любой веры, которая называет себя истинно христианской. Поэтому исключительно важен любой исторический вопрос о реальном Иисусе, Который жил в Палестине две тысячи лет назад (Montgomery, HC, 15, 16).

Исторические события, утверждает далее Монтгомери, «уникальны, и проверить их фактологичность можно только

в рамках принятого нами документального подхода. Ни один историк не вправе оперировать замкнутой системой причинности, ибо, как показал в своем недавнем эссе «Модели и метафоры» логик из Корнуэлла Макс Блэк (Max Black, *Models and Metaphors*, Ithaca: Cornell University Press, 1962, p. 16), сама концепция причины “специфическое, бессистемное и ошибочное понятие”, а потому “любая попытка установить ‘универсальный закон причинности’ заранее обречена”» (Montgomery, НС, 76).

Историк Этелберт Штауфер предлагает нам такой подход к истории: «Что мы [как историки] делаем, когда сталкиваемся с вещами, противоречащими всем нашим ожиданиям, может быть, всем убеждениям и даже общепринятому пониманию истины? Мы повторяем то, что обычно говорил в таких случаях один великий историк: “Значит, это вполне возможно”. А почему бы и нет? Ибо для критически настроенного историка нет ничего невозможного» (Montgomery, НС, 76).

Историк Филипп Шафф добавляет к вышесказанному следующее: «Цель историка состоит не в том, чтобы реконструировать историю, основываясь на предвзятых представлениях и сообразуясь с собственными симпатиями и антипатиями; он должен воссоздавать прошлое, приводя лишь самые достоверные свидетельства, чтобы история все нам поведала сама» (Schaff, НСС, 175).

Роберт М. Хорн помогает нам понять, как проявляется

предубежденность людей в их отношении к истории:

Человек, который отвергает существование Бога, не верит и Библии. Мусульманин, убежденный в том, что от Бога не может родиться Сын, не примет Слова Божия, этой книги, в которой Христос представлен единственным и единокровным Сыном Божиим.

Некоторые люди считают Бога не личностью, но скорее Первопричиной и Основанием всего сущего. Библию как Божие откровение о Себе Самом они склонны отвергать. По их мнению, Библия не может быть личным словом Того, Кто «Я ЕСМЬ СУЩИЙ» (см. Исх. 3:14). Другая крайность – исключать все сверхъестественное. Сторонники такого подхода не захотят поверить книге, которая учит о Христе, воскресшем из мертвых. Кто-то придерживается взглядов, согласно которым Бог не может обеспечить передачу Своих истин без искажения их грешными людьми, а значит, Библия, во всяком случае в отдельных своих частях, – не более чем обычное человеческое творение (Green, RW, 10).

Для меня определение истории – это прежде всего «познание прошлого на основании свидетельств». Не все с этим соглашаются. Тогда я спрашиваю: «Вы верите в то, что Линкольн действительно существовал и был президентом Соединенных Штатов?» – «Да», – обычно отвечают мне люди. Однако никто из них никогда не видел Линкольна и не был с ним знаком. Единственный источник информации о Лин-

кольные – это свидетельство, вещественное, письменное и устное.

Предупреждение: Если вы принимаете такое определение истории, вам нужно убедиться в достоверности ваших свидетельств, о чем мы еще поговорим.

5Б. Заблуждение № 5: «Христиане в своей любви должны принимать и другие религии»

«Вам, христианам, кажется, что ваш путь – единственный путь и что все, кто думает иначе, ошибаются. Почему вы такие нетерпимые? Почему вы не можете принять других людей и признать их убеждения истиной?»

Это критическое суждение отражает новое определение слова «терпимость». «Новый толковый словарь» Уэбстера (третье издание) определяет «терпимость» так: «Принятие и уважение [верований других людей, их образа жизни и так далее] без каких бы то ни было разграничений», а также «терпимое отношение [к кому-то или чему-то, кто или что нам не нравится]». Об этом же говорил апостол Петр: «Любовь... все покрывает» (1 Кор. 13:7).

Но сегодня в умы людей систематически насаждается новое понимание терпимости. В качестве примера можно привести высказывание Томаса А. Хелмбока, исполнительного президента братства «Lambda Chi Alpha»: «Новое определение... терпимости заключается в том, что убеждения каждого отдельного человека, его образ жизни и понимание им ис-

тины равноправны... Ваши верования и мои верования равны, а любая истина относительна» (Helmbock, IT, 2).

Согласно этим ошибочным представлениям, истина всеохватна и объемлет любые, даже противоречащие друг другу утверждения. Однако дело в том, что истина, по определению, исключает всякую ложь, по крайней мере в какой-то степени, ибо она должна отвергать как ложь то, что не есть истина.

Например, верно, что Вашингтон – столица Соединенных Штатов Америки. Это значит, что никакой другой город в США не может претендовать на статус столицы. Более того: ни один другой город на всей планете или даже во всей вселенной не имеет законного права назвать себя столицей Соединенных Штатов. Один город, и только один, соответствует этому наименованию, и этот город – Вашингтон.

Но тот факт, что люди признают столицей США только этот город и никакой другой, не означает, что, твердо придерживаясь этой истины, они проявляют нетерпимость. Они могут любить и другие города и даже жить в них. Они могут жить в других странах и предпочитать Америке другие государства. Признание этой неопровержимой истины не означает, что человек проявляет нетерпимость или что он по природе своей нетерпим. Просто он говорит правду и отстаивает ее, когда говорит, что столицей Соединенных Штатов является Вашингтон.

То же верно и по отношению к христианству. Если утвер-

ждения христианства верны и многие люди считают их подлинными и истинными, эти люди отнюдь не более нетерпимы в своих убеждениях, чем те, кто утверждают, что столица США – Вашингтон, и только один этот город во всем мире. Христиане либо правы, либо ошибаются относительно того, как Бог открыл Себя миру. Если они правы, тогда действительно нет другого пути к Богу как только через Иисуса Христа. Если они не правы, тогда христианство – ложь. Дело не в терпимости или нетерпимости. Дело в том, что есть *истина*.

Ложный постулат нетерпимости предполагает, что человек должен всегда с готовностью признавать другие варианты «истины», даже если имеющиеся свидетельства ограничивают возможность человека в его выборе единственным вариантом. Зачем нам так поступать? Все это кажется совершенно неразумным, как говорят апологеты Норман Гейслер и Рон Брукс:

Конечно же, хорошо допускать вероятность того, что кто-то может быть не прав, но неправильно и всегда плохо придерживаться какого-то мнения вопреки опровергающим его свидетельствам. Кроме того, не следует принимать окончательного решения, не рассмотрев прежде без всякого предубеждения имеющиеся свидетельства... [Но] должны ли мы оставаться открытыми для других взглядов, если здравый смысл подсказывает, что истина заключается только в одном? Разве это не равнозначно другому заблуждению, когда наш разум закрыт для других мнений... Но что, если ми-

ровоззрение, возведенное в абсолют, и есть истина? Следует ли абсолютизировать открытость? В конце концов, открытость не может быть истиной в полном смысле слова, если человек не открыт для подлинной абсолютизации взглядов, когда опровергнуть их уже невозможно. Не следует путать открытость с легкомыслием. Нельзя оставаться открытым для второй альтернативы, если истина сокрыта в какой-то одной из них (Geisler, WSA, 259).

Нетерпимым и закрытым для истины можно назвать только такого человека, который перед лицом убедительных свидетельств в пользу христианства продолжает упорствовать и отказывается в него поверить.

6Б. Заблуждение № 6: «Мне трудно понять христианство умом»

Люди чаще всего отвергают Христа не разумом, но повинаясь решению своей воли. Это не столько «не могу», сколько «не хочу».

Я встречал многих, кто пытался оправдывать свое неверие, приводя осознанные и продуманные доводы, но мало кому (на самом деле, они наперечет) трудно воспринять Христа разумом. Можно найти бесчисленное количество оправданий для себя и своих решений. Я безмерно уважаю людей, которые нашли время, чтобы исследовать утверждения Христа о Себе, после чего пришли к выводу, что не поверить в это невозможно. Мне понятен человек, знающий,

почему он не верит (не верит в факты, не верит в исторические свидетельства), потому что я знаю, почему верю я (и с фактической, и с исторической точек зрения). Это позволяет нам иметь под собой твердую почву (хотя выводы у нас и разные).

У меня были причины желать, чтобы в этом мире не было смысла. Поэтому я позволил себе предположить, что в нем и нет никакого смысла, после чего без особого труда сумел найти удовлетворительные основания для такого предположения. Философ, считающий мир бессмысленным, сталкивается не только с чисто метафизической проблемой. Он попытается доказать, что никаких веских оснований, способных помешать ему поступать так, как ему хочется, просто нет. Ничто, например, не мешает его друзьям захватить политическую власть и управлять страной так, как это будет выгодно им самим... Для меня лично философия бессмысленности мира была, в основном, инструментом достижения свободы как в сексуальной, так и в политической области (Олдос Хаксли, атеист).

Я обнаружил, что люди по большей части отвергают Христа по одной или нескольким из следующих причин:

1. Неведение: Римлянам 1:18–23 (оно часто принимает вид самообмана или заблуждения); Матфея 22:29.

2. Гордость: Иоанна 5:40–44.

3. Проблемы в сфере нравственности: Иоанна 3:19–20.

Однажды ко мне на консультацию пришла женщина, которая разочаровалась в христианстве, в уверенности, что оно не подтверждается историческими фактами.

Она всех пыталась убедить, что старательно искала такие свидетельства и что в результате всех своих университетских штудий столкнулась лишь с глубокими интеллектуальными проблемами. Несколько человек один за другим пытались, но так и не смогли убедить ее в истине о Христе, потому что в ответ на все ее обвинения апеллировали исключительно к разуму, выдвигая контраргументы.

Я выслушал ее, а затем стал задавать ей вопросы. Через полчаса ей пришлось признать, что она интеллектуальные отговорки использовала для того, чтобы обмануть окружающих и найти оправдание своей безнравственной жизни.

В таких ситуациях всегда нужно искать ответ на главную проблему или самые насущные вопросы и не ограничиваться поверхностными обходными путями, которые часто выдают себя с головой.

Один студент из университета в Новой Англии сказал, что у него интеллектуальные проблемы с христианством и потому он не может признать Христа своим Спасителем. «Что вам мешает поверить?» – спросил я его. Он ответил: «Я не верю в достоверность Нового Завета». Затем я спросил его: «Если я докажу, что Новый Завет – это один из самых надеж-

ных образцов древней литературы, тогда вы поверите?» Он быстро ответил: «Нет!» «Ваша проблема не в том, чтобы воспринять Христа разумом, а в вашем нежелании верить», — сказал я ему.

Аспирант того же университета после лекции на тему «Воскресение: мистификация или история?» забросал меня вопросами вперемишку с обвинениями (потом я узнал, что то же самое он проделывал со многими христианскими лекторами). Наконец, после сорока пяти минут диалога, я спросил его: «Если я вам представлю бесспорные доказательства того, что Христос воскрес из мертвых и является Сыном Божиим, вы признаете Его Спасителем?» Не задумываясь, он твердо и решительно ответил: «Нет!»

Майкл Грин цитирует Олдоса Хаксли, атеиста, который помог многим людям утратить веру и прославился как великий интеллектуал. В своей книге «Пути и средства» (Aldous Huxley, *Ends and Means*, pp. 270ff.) Хаксли не скрывает своих предубеждений:

У меня были причины желать, чтобы в этом мире не было смысла. Поэтому я позволил себе предположить, что в нем и нет никакого смысла, после чего без особого труда сумел найти удовлетворительные основания для такого предположения. Философ, считающий мир бессмысленным, сталкивается не только с чисто метафизической проблемой. Он попытается доказать, что никаких веских оснований, способных помешать ему поступать так, как ему хочется, просто

нет. Ничто, например, не мешает его друзьям захватить политическую власть и управлять страной так, как это будет выгодно им самим... Для меня лично философия бессмысленности мира была, в основном, инструментом достижения свободы как в сексуальной, так и в политической области (Green, RW, 36).

Бертран Рассел представляет собой пример интеллектуального атеиста, который и не пытался исследовать свидетельства в пользу христианства. Из его эссе «Почему я не христианин» становится очевидно, что он даже не задумывался над свидетельствами в пользу воскресения Иисуса Христа, а его высказывания позволяют усомниться в том, что он хотя бы краешком глаза заглядывал в Новый Завет. Кажется нелепым, что человек не намерен всерьез задуматься о вероятности воскресения именно потому, что оно является основанием христианства (Green, RW, 36).

Иисус сказал: «Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Ин. 7:17).

Если человек берется исследовать утверждения Иисуса Христа, намереваясь выяснить, истинны ли они, и если он готов последовать за Его учением в случае, если оно истинно, он обязательно найдет правду. Но вам никогда не обнаружить и не увидеть истину, если вы и не хотите найти ее.

Паскаль, французский философ, пишет следующее: «Свидетельства существования Бога и Его дара более чем

убедительны, но люди, упорствующие в том, что Бог им не нужен, всегда найдут оправдание своему нежеланию принять Его предложение» (Pascal, P, п.р.).

3А. Столкновение миров

Как уже было многократно отмечено выше, для того чтобы правильно оценить свидетельства христианской веры, совершенно необходимо честно разобраться в собственной мотивации. Поскольку многие люди сегодня придерживаются широкого разнообразия взглядов и позиций по сравнению с тем, что было двадцать лет назад, когда вышло в свет первое издание этой книги, я решил включить в настоящий том новый раздел с материалом, касающимся различных взглядов и философских направлений. Внимательно взгляните в эти столь разные миры. Этот раздел поможет вам понять, с какими проблемами столкнулись люди, запутавшиеся в этой разноголосице мнений и пытающиеся постичь неопровержимые свидетельства, каковыми они и являются по объективному рассуждению. Для более подробного ознакомления с этим вопросом см. часть IV: Истина и последствия.

1Б. Постмодернистский мир

Основное направление современной философии, вслед за французским философом Жаком Деррида, принято называть деконструктивизмом, или постмодернизмом. Постмодернисты подчеркивают относительность всякого смысла и всякой истины и отрицают основополагающие принципы, то есть общепризнанные истины (например, я существую), яв-

ляющие собой отправную точку всех философских рассуждений. Хотя эти заявления людям без философского образования могут показаться запутанными, в своем практическом преломлении они буквально заполнили современные умы. В результате мы получаем полную относительность мышления в его отношении к истине. Абсолютной истины нет вообще, утверждают постмодернисты, а есть только истины, соотносимые с каждым отдельным человеком.

«Христианство может быть истиной для вас, для меня же это не истина». Такова ложная посылка релятивизма – главного компонента постмодернизма. Согласно этой посылке, христианство может быть истиной для некоторых людей, в некоторых местах и в некоторое время. Но оно не может быть истинным для всех людей, во всех местах и во все времена. Христианская истина относительна, но не абсолютна и не повсеместна.

Карл Генри показывает, что семена постмодернизма были посеяны еще в эпоху модернизма: «Век модернизма стремился освободить человечество от... судьбы или существования в созданной Богом вселенной. Светская наука обещала людям новые свободы и прогресс для всей планеты. Люди в своих рассудочных умопостроениях перестроили интеллектуальный порядок мира» (Henry, PNS, цит. по: Dockery, CP, 36).

Таким образом, в современном мире человеческие рассуждения заменили собой упование на Бога. В эпоху пост-

модернизма люди не желают зависеть от здравомыслия и не хотят нести ответственности за последствия своих решений.

Постмодернизм отвергает мысль о том, что убеждения могут адекватно отражать существующую реальность. Генри замечает: «Одна из разделяемых всеми постмодернистами предпосылок в области теории познания заключается в отказе от фундаментальности, то есть знания как системы убеждений, построенных на другой системе убеждений, при том что все здание целиком стоит на основополагающих, непреложных убеждениях» (Henry, PNS, цит. по: Dockery, CP, 42).

«Постмодернисты, – подытоживает Гренц, – полагают, что все попытки описать объективный и объединяющий центр – единственный реальный мир, стоящий за непрерывным потоком опыта, бессмысленны; в конце концов они приведут лишь к умозрительным творениям человеческого разума. Отделяя человеческое объяснение от понятий лежащего в его основе объективного мира, постмодернистские критики модернизма отделяют нас от вещей и оставляют нам только слова» (Grenz, PP, 83, 84).

Маккалум так кратко формулирует постмодернистскую точку зрения:

Но как нам узнать, соответствуют ли реальности те образы, которые доносят до нашего разума извне наши органы чувств? В конечном счете, единственная возможность удостовериться в этом приводит нас к попытке выйти из себя и сравнить наши ментальные образы с объектами реального

мира. Но поскольку мы не можем поместиться вне себя, у нас нет никакой возможности узнать, насколько точно они будут соотноситься. Нам остается лишь проявить скепсис.

Это – одна из причин, побуждающих постмодернистов утверждать, что эмпирической «объективности» вообще не существует. Проблему восприятия человеком окружающей действительности они сводят к тому, как мы ее осознаем и насколько точно наши органы чувств способны отразить внешний мир. Постмодернисты говорят, что это неточное отражение. Они утверждают, что разные люди видят одни и те же вещи по-разному (McCallum, DT, 36).

Например, по их словам, мы не знаем, каким на самом деле был Иисус, потому что можем воспроизвести Его образ только на своем языке. Гренц в связи с этим замечает следующее: «Постмодернистские мыслители... утверждают, что мы не просто сталкиваемся с “внешним” миром, но скорее конструируем этот мир, используя понятия, которые мы сами в него привносим. Они считают, что у нас нет фиксированного наблюдательного пункта, который находился бы над выстраиваемой нами структурой мира и давал бы нам абсолютно объективную картину какой бы то ни было внешней реальности» (Grenz, PP, 41).

Им глубоко претит все, что хоть в какой-то мере может быть им в осуждение. Но конечно же наибольшую неприязнь них вызывает мысль о том, что Бог есть. Почти так же неприемлема для

них и возможность существования объективной вселенной, которой безразлично, что они думают, и которая без их ведома может разоблачить их самые сокровенные убеждения как ложь (Питер ван Инваген, автор «Метафизики»).

Рорти утверждает, что «для постмодернизма истинные сентенции неистинны, потому что они соответствуют реальности, а значит, нет необходимости беспокоиться о том, какого рода реальности – если таковая вообще существует – соответствует данная сентенция, и неважно, что “делает” эту сентенцию истинной» (Rorty, CP, xvi).

Питер Крифт и Рональд К. Тачелли из Бостонского колледжа придерживаются противоположной позиции, говоря, что «истина означает соответствие того, что вы знаете или утверждаете, тому, что есть. Истина значит “говорить как есть”». Далее они продолжают: «Все теории об истине, будучи выраженными ясно и просто, предполагают здоровое представление об истине, которое помещают в священный сосуд мудрости языка и традицию употребления, а именно, в свое соответствие (или идентичность). Ибо каждая теория утверждает, что лишь она в действительности истинна, то есть соответствует реальности, и что другие теории ошибочны, то есть не могут соответствовать реальности» (Kreeft, HSA, 365, 366).

«Итак, – заключает Маккалум, – постмодернисты утверждают, что нет никакой возможности выяснить, совпадают

ли законы языка и законы, управляющие реальностью. Постмодернизм повергает нас в глубокий и всеобъемлющий пессимизм, наглухо замуровав в том, что они называют тюрьмой языка. Реальность определяется или конструируется культурой и языком, но не открывается нам через разум и наблюдение» (McCallum, DT, 40, 41).

Генри подытоживает: «О текстах говорят, что они не способны передать истину об объективной реальности. Объяснение одного интерпретатора так же правильно, как объяснение другого, какими бы несовместимыми между собой они ни были. Не может быть ни исконного, ни окончательного текстуального значения, как нет и какой бы то ни было возможности толковать Библию или любой другой текст» (цит. по: Dockery, CP, 36).

Рорти приходит к такому выводу: «В конце концов, прагматики говорят нам, что важнее всего не желание иметь правильный взгляд на вещи, а наша лояльность по отношению к другим людям и объединение со всеми остальными против тьмы» (Rorty, CP, 166).

Гренц утверждает следующее: «Постмодернисты оперируют общепринятым пониманием истины, полагая, что все принимаемое нами за истину и даже то, как мы видим истину, зависит от общества, в котором мы живем. Далее, и уже намного радикальнее, постулируется, что эта относительность позволяет подняться над нашим восприятием истины и проникнуть в ее сущность: абсолютной истины не су-

ществует; скорее, истина соотносится с тем обществом, в котором мы живем» (Grenz, PP, 8).

Весьма страшная точка зрения, особенно если вспомнить, что считалось истиной в немецком обществе времен нацистской Германии!

Норман Гейслер предлагает нашему вниманию практическое применение постмодернистской логики: «В соответствии с такой логикой Билли Грэм в своем утверждении о том, что Бог есть, совершенно прав, но точно так же права Мэдэлин Мюррей О'Хэйр, когда говорит, что Бога нет. Но оба эти утверждения не могут быть истинными одновременно. Если одно истинно, значит, второе ложно. А поскольку других вариантов постановки вопроса нет, одно из утверждений должно быть истиной» (Geisler, BECA, 745).

Гейслер также утверждает, что «если истина относительна, тогда никто никогда не бывает не прав, даже если люди на самом деле не правы. Пока что-то для меня есть правда – я прав, даже если я ошибаюсь. Плохо то, что я никогда и ничему не научусь, потому что научение – это движение от ложных верований к истинным, то есть от абсолютно ложных убеждений к абсолютно истинным убеждениям» (Geisler, BECA, 745).

Крифт и Тачелли комментируют распространенность такого хода мысли: «Может быть, основной источник субъективизма сегодня, по крайней мере в Америке, заключается в желании быть принятым, быть вместе со всеми, модным,

впереди всех, известным, крутым, а не изгоем или отверженным. Все мы когда-то пережили парализующий страх, который испытывают подростки, чувствуя себя неловко, но, взрослея, мы пытаемся спрятать это страх, прикрываясь изоощренной ученостью» (Kreeft, НСА, 381).

Еще один источник субъективизма, по словам Крифта и Тачелли, боязнь радикальных перемен. Это страх перед необходимостью обратиться, родиться свыше, посвятить всю свою жизнь Богу и подчинить свою волю Его воле. Субъективизм намного комфортнее, как утроба матери или мечта, как фантазия самовлюбленного эгоиста» (Kreeft, НСА, 381).

Ван Инваген обескураженно рассуждает о том, что некоторые люди отвергают объективность истины:

Самое интересное в связи с объективностью истины – то, что находятся люди, отрицающие ее существование. Можно только удивляться тому, как упорно кто-то может отрицать существование объективной истины. Кое-кто, я уверен, объяснил бы это приблизительно так. Им глубоко претит все, что хоть в какой-то мере может быть им в осуждение. Но конечно же наибольшую неприязнь у них вызывает мысль о том, что Бог есть. Почти так же неприемлема для них и возможность существования объективной вселенной, которой безразлично, что они думают, и которая без их ведома может разоблачить их самые сокровенные убеждения как ложь (van Inwagen, М, 59).

Ясные утверждения христианства представляют собой

резкий контраст с туманным и неопределенным языком постмодернистов. Иисус не оставил никаких сомнений в том, что Он есть единственное исцеление для человека и единственная надежда на его примирение с Богом. «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Церковь правильно поняла смысл слов Иисуса. Когда иудейские религиозные лидеры потребовали, чтобы апостол Петр объяснил свои действия, он сказал четко и недвусмысленно: «Да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен Он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения; ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:10–12).

Принимая или отвергая те или иные утверждения, мы не делаем их истинными или ложными. Они остаются истинными или ложными независимо от нашего к ним отношения, нашего мнения или суждения о них (Мортимер Дж. Адлер).

Когда люди начинают взвешивать утверждения христианства, перед ними неизбежно встает необходимость сделать выбор. Иисус Христос есть либо ответ для всех людей, на все времена и во всех местах, либо Он не есть ответ ни для

кого, нигде и никогда. Если Его признать только в качестве психологического костыля для некоторых людей, тогда Он перестает быть абсолютно необходимым объектом веры для всех людей. И напротив, если Иисус есть Господь и Бог, тогда этот факт не перестанет быть истиной только потому, что кто-то принимает решение в это не верить.

Питер ван Инваген считает, что «убеждения и утверждения, таким образом, соотносятся с миром так же, как карта соотносится с реальной местностью: карта может отобразить территорию правильно, но если она отражает ее неправильно, тогда это вина карты, но не реальной местности» (van Inwagen, M, 56).

Ван Инваген добавляет пример применения вышесказанного к реальной жизни: «Если ваш друг Альберт реагирует на ваше высказывание такими словами: “Для тебя, может быть, это правда, но для меня – нет”, то его можно понять следующим образом: “Может быть, ты так думаешь, но я так не думаю”» (van Inwagen, M, 56, 57).

По мнению Мортимера Дж. Адлера, некоторые люди строят свои утверждения на двух видах заблуждения. Они могут, например, заявить, что «в средние века это, может быть, и было правдой, но теперь положение дел изменилось». Или: «Такие вещи за истину могли принять примитивные люди, но не мы». Дело в том, что иногда истину путают с верой подавляющего большинства людей в конкретное время и в конкретном месте, как, например, в следующем приме-

ре: «Какая-то часть людей несколько веков назад верила в то, что земля плоская. От этого ошибочного представления теперь отказались все. Однако это ни в коем случае не значит, что изменилась истина и то, что когда-то было правдой, теперь перестало быть ею. Изменилась не истина, но мнение большинства, которое перестало быть преобладающим». Второй вид заблуждения возникает в результате нежелания принимать во внимание пространственный или временной контекст какого-либо утверждения: «Население страны растет, и его количество время от времени изменяется, но статистические данные на определенный момент времени остаются верными даже тогда, когда несколько позже количество населения увеличивается. Официальное заявление о количестве населения США на конкретный год позволяет этим цифрам оставаться верными навсегда, если они изначально были точными» (Adler, SGI, 43).

Даже агностик Бертран Рассел утверждает, что истина не может быть относительной для нашего разума: «Понятно, что ум человека не созидает истину или ложь. Он созидает убеждения, но как только эти убеждения сформировались, ум уже не может сделать их истинными или ложными, кроме особых случаев, когда они относятся к будущему, которое человек способен спрогнозировать, как, например, в случае, когда мы верим, что успеем на поезд. Убеждение становится истинным благодаря факту, а этот факт никоим образом не задействует (кроме исключительных случаев) разум челове-

ка, который верит в это» (Russell, PP, 129, 130).

«Истинность или ложность утверждения, – продолжает Адлер, – проистекает из его связи с фактами, в которых можно удостовериться, но не из связи с человеческим суждением. Я могу уверять в истинности утверждения, которое на самом деле ложно. Вы можете отвергнуть как ложное какое-либо утверждение, которое на самом деле истинно. Моя убежденность в их численности и опровержение их вами никак не смогут повлиять на истинность или ложность утверждений, о которых мы с вами имеем неправильное суждение. Принимая или отвергая те или иные утверждения, мы не делаем их истинными или ложными. Они остаются истинными или ложными независимо от нашего к ним отношения, нашего мнения или суждения о них» (Adler, SGI, 41).

Доктор Уильям Лэйн Крэйг говорит о постмодернизме следующее: «Утверждение, согласно которому “истина заключается в отсутствии истины” представляется мне спорным самоотрицанием. Ибо если принять это утверждение, одновременно придется и признать его неверным, поскольку истины нет. Так называемый деконструктивизм, таким образом, сам себя низвергает. У нас не больше оснований принять позицию постмодернистов, чем, скажем, концепцию западного капитализма, мужской шовинизм, расизм представителей белой расы и так далее, поскольку постмодернизм не более истинен, чем все эти перспективы» (Craig, PIS, цит. по: Phillips, CAPW, 82).

Крэйг показывает, какая опасность кроется в мировоззрении постмодернизма. Когда нет объективной истины, ничто нельзя назвать дурным или злым. То, что большинство людей считает ужасающим (например, убийство, кражи, а раньше и ложь), теперь некоторые могут счесть вполне приемлемым.

Джеймс Саер вскрывает еще один момент в связи со свойственной постмодернизму непоследовательностью: «Хотя ультрамодернисты (постмодернисты) могут сказать, что никогда не встречали повествования, которое бы им не понравилось, совершенно очевидно, что это не так. Они часто отвергают христианские повествования и евангельские истории именно по причине их исключительности» (Sire, BFCIN, цит. по: Phillips, CAPW, 120). Маккаллум утверждает:

Постмодернисты считают, что поскольку мы не можем выйти из себя и сравнить ментальные образы с реальностью, мы вынуждены отвергать мысль о том, что реальность познаваема объективно. На это следует возразить, что, напротив, хотя наше суждение о мире нельзя назвать непогрешимо точным, оно открыто для корректировки в ходе дальнейшего исследования. Только лишь отсутствие абсолютной уверенности во внешнем мире не означает, что мы ничего не можем познать о существующем вне нас. Нам нельзя поддаваться постмодернистскому скепсису.

Успех научных технологий – достаточно сильный аргумент в пользу того, что наше восприятие

мира является относительно точным. Бесчисленное количество научных достижений подтверждает надежность человеческих знаний (McCallum, DT, 52).

Например, произведенные расчеты математиков для вычисления орбиты, траектории и ускорения оказались точными, что позволило осуществить высадку человека на Луну. Нейл Армстронг на самом деле ступил ногой на поверхность Луны!

Человек не смог бы ни действовать, ни жить достаточно долго, если бы он постоянно поступал в соответствии с тем, что истина, якобы, есть вопрос перспективы, а не объективной реальности. Он не смог бы получить деньги в банке, «как будто бы» положенные на его счет, и он мог бы выпить яд, если бы он «показался» ему лимонадом. Он мог бы провалиться сквозь тонкий лед, если бы он «показался» ему толстым, или попал бы под автобус, который «по его мнению» оставался стоять на месте и никуда не ехал. Для человека, который хочет видеть результаты своих действий, объективное соответствие истины и реальности *должно иметь* достаточно серьезное значение.

Но еще большую опасность для человечества представляют собой те люди, которые живут, восприняв истину так, что соотносят ее только только со своей морально-нравственной деятельностью.

И наконец, если постмодернизм верен, тогда заключение браков в принципе невозможно. Это значит, что муж не дол-

жен слушать и пытаться понять, что говорит жена. Он вполне может объяснить все сказанное женой по-своему. А такое решение, как многие мужчины выяснили за долгие годы супружеской жизни, может грозить ему очень большими неприятностями.

2Б. Мир восточной мистики

Поскольку многие мистики отрицают дуалистическое мировоззрение, подразумевающее противопоставление добра и зла или правды и лжи, для них очевидность веры человека не имеет никакого значения. Опасность восточного мистического восприятия заключается поэтому в попытке избежать любой информации, которая могла бы привести к истинному познанию Бога.

Одной из самых популярных форм восточного мистицизма в США, как и в других странах, является дзэн-буддизм.

Норман Андерсон дает такое определение мистицизму: «В самом общем смысле [мистицизм] представляет собой веру в то, что прямого познания Бога, духовных истин или полноты реальности можно достичь “непосредственно через интуицию или прозрение, и способом, отличным от обычного перцептивного восприятия или же восприятия с использованием логических рассуждений” (*Webster’s New Collegiate Dictionary*)» (Anderson, CWR, 37).

Андерсон поясняет, каким образом дзэн достигает подобного познания полноты реальности: «Дзэн-буддисты верят,

что посредством жесткой дисциплины и строго регламентированной методики размышлений они смогут достичь уровня *сатори* – это японский термин, обозначающий “просветление”. Оно достигается посредством скорее эмпирического, а не интеллектуального восприятия, мгновенно, как учат некоторые, или постепенно, как считают другие» (Anderson, CWR, 88).

Д. Т. Судзуки с определенностью говорит об этом: «Дзэн не следует обычной практике размышлений и не видит ничего дурного в том, что противоречит сам себе или проявляет непоследовательность» (Suzuki, LZ, 94). И в другом месте: «Дзэн – это система, не имеющая ничего общего с логикой и анализом. В любом случае, это антипод логики, под которой я разумею дуалистическую модель мышления» (Suzuki, IZB, 38).

Судзуки называет сатори явлением, в корне отличающимся от рационального познания: «Сатори можно назвать интуитивной попыткой проникнуть в природу вещей в противоположность аналитическому или логическому ее пониманию» (Suzuki, EZBI, 230).

В результате дзэн-буддисты и другие мистики обычно стараются избегать логических рассуждений. Философ Уильям Лэйн Крэйг исследует под углом мистицизма несколько логических проблем:

Сегодня под влиянием восточного мистицизма многие люди отрицают тот факт, что систематическая

последовательность может служить проверкой на истинность. Они утверждают, что реальность абсолютно алогична или что логические противоречия соответствуют реальности. В восточной мысли Абсолют, или Бог, или Реальный мир трансцендентен логическим категориям человеческой мысли. Мистики склонны интерпретировать требования логической последовательности как часть западного империализма, который нужно отвергнуть вместе с другими остатками колониализма... Со всей серьезностью хочется заявить, что такая позиция и безрассудна и бессмысленна. Сказать, что Бог одновременно и благ и не благ, есть то же самое, что утверждать одновременно факт существования и факт отсутствия Бога, что для меня вещь просто невыносимая. В наше политически корректное время наблюдается тенденция поносить западный и превозносить восточный тип мышления, по крайней мере как равноценный западным моделям мышления, если не намного превосходящий их. Утверждение об отсутствии такой склонности у приверженцев восточной мысли выдает фанатика в теории познания, ослепленного характерным для западного мышления стремлением ограничить логику (Craig, PIS, цит. по: Phillips, CAPW, 78–81).

Если вам трудно принять законы логики, значит, вам будет трудно принять и свидетельства, о которых пойдет речь в данной книге. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства приведут человека к вполне конкретному выводу о

том, что или Иисус воскрес в теле из мертвых, или нет. У вас есть выбор. Вы не можете согласиться с обоими вариантами, и вам придется самому решить, был Он воскрешен из мертвых или нет.

Рабби Захариас рассказывает историю, вскрывающую бессмысленность восточного мистицизма, который делает выбор в пользу *двух противоположных* решений:

Профессор красноречиво и многословно рассуждал о законе непротиворечия и наконец пришел к следующему заключению: «Такая логика [*или/или*] представляет собой западный вариант отношения к реальности. Настоящая проблема заключается в том, что вы ищете... противоречия как представитель Запада, в то время как вы должны были бы подойти к нему как представитель Востока. Восточный тип подхода к реальности выражает себя в отношении *и/и*».

Какое-то время он объяснял оба варианта рассмотрения проблемы выбора [*или/или*, а также *и/и*], а потом я рискнул спросить, можно ли мне прервать непрерывную цепь его мыслей и задать вопрос... Я спросил его: «Сэр, не хотите ли вы сказать, что, когда я изучаю индуизм, я могу *или* использовать систему логики *и/и*, *или* не использовать ничего?»

Наступило гробовое молчание, которое, казалось, длилось целую вечность. Я повторил свой вопрос: «Не хотите ли вы сказать, что, когда я изучаю индуизм, я *или* использую систему логики *и/и*, *или* не использую ничего? Я вас правильно понял?»

Он откинул голову назад и ответил: «Получается, что нужно использовать систему *или/или*, не так ли?»

«Похоже на то, – согласился я, – собственно говоря, даже в Индии мы смотрим и направо, и налево, когда собираемся перейти дорогу, потому что или автобус, или я, но никак не мы оба».

Вы поняли, в чем он допустил ошибку? Он использовал логику *или/или* для того, чтобы доказать *и/и*. Чем настойчивее вы будете пытаться вбить закон непротиворечия в чью-нибудь голову, тем сильнее он будет бить вас по голове (Zacharias, CMLWG, 129).

Захариас также указал на то, чего многие не признают в восточной философии: «Общий метод учения величайшего индийского философа Шанкары можно назвать вполне сократовским, поскольку он полемизировал не в диалектическом режиме *и/и*, но в режиме непротиворечия *или/или*. Он предлагал своему оппоненту доказать его неправоту или, в противном случае, принять его взгляды. Таким образом, дело не в том, западную или восточную логику мы используем. Мы прибегаем к такой логике, которая наилучшим образом отражает действительность, и закон непротиворечия прямо или косвенно используется как на Востоке, так и на Западе» (Zacharias, CMLWG, 130).

Рональд Нэш добавляет: «Закон непротиворечия – это не просто закон мысли, поскольку, и прежде всего, это закон существования. Этот закон нельзя либо принять, либо отвергнуть. Отрицание закона непротиворечия приведет к аб-

сурду. Нельзя осознанно отвергать законы логики. Если отвергнуть закон непротиворечия, тогда все потеряет всякий смысл. Если законы логики, в первую очередь, не означают того, о чем они говорят, тогда ничто другое не имеет никакого значения, включая отрицание законов» (Nash, WVC, 84).

Свидетельство бывшего индуса Рабиндраната Махараджа иллюстрирует дилемму, перед которой неминуемо окажется любой, кто примет пантеистический мистицизм Востока:

Моя религия выдумала красивую теорию, но мне было невыразимо трудно применить ее в практической жизни. Дело не только в пяти органах чувств, которые противятся внутреннему видению. Препятствием оказался и мой разум... Если существует всего одна Реальность, тогда Брахман и благой, и злой, а смерть и жизнь в равной степени хороши, и ненависть следует принимать так же, как любовь. В результате все лишалось смысла, и жизнь становилась абсурдом... Все это казалось неразумным: но мне напоминали, что Разуму доверять нельзя, поскольку он тоже часть иллюзии. Если рассудок также Майя, как учит Веданта, тогда как я мог доверять какой-либо концепции, включая идею о том, что все – Майя, и только Брахман – реальность? Как я мог быть уверен, что блаженство, к которому я так стремился, не еще одна иллюзия, если ни моему восприятию, ни моим размышлениям доверять нельзя? (Maharaja, DG, 104).

Норман Гейслер задает очень важный вопрос: «Когда мы

пересекаем улицу с оживленным движением и по ней в три ряда движутся машины, стоит ли беспокоиться о своей безопасности, если мчащиеся на большой скорости машины – всего лишь иллюзия? И действительно, зачем смотреть по сторонам, когда мы переходим дорогу, если ни нас, ни улицы, ни движения транспорта на самом деле не существует? Если бы пантеисты осмелились подтвердить свой пантеизм на практике, на земле не осталось бы в живых ни одного пантеиста (Geisler, WA, 102).

Фрэнсис Шеффер, иллюстрируя бессмысленность отрицания логического дуализма, рассказывает одну историю:

Однажды я разговаривал с группой людей в комнате молодого южноафриканца из Кембриджского университета. Среди них был молодой индиец из семьи сикхов, но по вероисповеданию индус. Он повел себя агрессивно и обрушился на христианство, но проблем собственной религии он не понимал. Тогда я сказал ему: «Разве я не прав, утверждая, что по логике вашей системы жестокость и гуманность совершенно равны и между ними нет принципиальной разницы?» Он согласился с этим. Студент, в комнате которого мы сидели, прекрасно понял подтекст утверждения, с которым согласился сикх. Он взял бутылку с кипятком, приготовленным, чтобы заварить чай, и стал медленно наклонять ее над головой сикха. Индиец поднял голову и спросил, что тот собирается сделать. Молодой южноафриканец с холодной, но вежливой решимостью

напомнил, что между жестокостью и гуманностью нет никакой разницы. Тогда индеец встал и вышел из комнаты (Schaeffer, CWFS, 1:110).

3Б. Атеистический мир

Слово «атеизм» происходит от двух греческих слов: «а» – «против» и *theos*, что значит «Бог». А-теист, таким образом, подразумевает человека, который считает, что Бога нет, а такое утверждение доказать очень трудно. Для того чтобы атеист был тверд в своих убеждениях, у него не должно быть сомнений в своем всеведении, потому что всегда имеется вероятность существования Бога где-то вне области, доступной познанию этого человека. Поскольку подавляющее большинство людей все же признает тот факт, что они обладают лишь малой долей знания о вселенной, возможность существования Бога где-то вне сферы, доступной человеческому познанию, весьма велика.

Многие люди, с которыми я встречался, никогда даже не слышали о свидетельствах, представленных в данной книге, и уж тем более не размышляли о них. Я тоже не задумывался над этими свидетельствами, пока не решил доказать неистинность христианства. Вот почему я собрал воедино все свидетельства, относящиеся к этому вопросу. Я хочу, чтобы каждый, особенно атеисты, получил возможность начать новую жизнь, основанную на истине утверждений Иисуса. Ибо если Бога на самом деле нет, тогда для общества и от-

дельного человека будущее весьма туманно. Вспомните блестящий портрет общества без Бога в романе «Братья Карамазовы»: «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно желать?» (Достоевский, БК, 565).

Достоевский продолжает:

А меня Бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как его нет? Что, если прав Ракитин, что эта идея искусственная в человечестве? Тогда если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то? Вопрос! Я все про это. Ибо кого же он тогда будет любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? Ракитин смеется. Ракитин говорит, что можно любить человечество и без бога. Но это сморчок сопливый может только так утверждать, а я понять не могу. Легко жить Ракитину: «Ты, – говорит он мне сегодня, – о расширении гражданских прав человека хлопочи лучше, али хоть о том, чтобы цена на говядину не возвысилась; этим проще и ближе человечеству любовь окажешь, чем философией». Я ему на это и отмочил: «А ты, говорю, без Бога-то, сам еще на говядину цену набьешь, коль под руку попадет, и наколотишь рубль на копейку» (Достоевский, БК, 568).

Но важна не только идея о Боге. Должна быть реальность Бога – и Его способность радикально и действительно полно-

стью менять всего человека.

Если вы задумаетесь над тем, что атеисты обычно чувствуют к концу жизни, у вас наверное появится желание рассмотреть вероятность того, что Бог явил Себя в личности Христа.

«Сартр находил атеизм “жестоким”, Камю – “отвратительным”, а Ницше – “способным свести с ума”. Атеисты, пытающиеся жить без Бога, обычно действительно сходят с ума или совершают самоубийство. Те же, кто не проявляет последовательности в своих рассуждениях, живут этическими или эстетическими аспектами христианской истины, отрицая в то же время реальность, которая сделала их нравственную позицию возможной» (Geisler, BECA, 282).

Незадолго до своей смерти Сартр сказал: «Я не думаю, что я случайный продукт или пылинка во вселенной. Меня ожидали, меня готовили и предопределили. Короче, я есть существо, которое могло появиться здесь только при помощи Создателя; и под этой идеей творящей руки я имею в виду Бога» (Schwartz, SS, цит. по: Varghese, ISOGA, 128).

Я же молюсь о том, что все прочитавшие эти записки придут к познанию Того, Кто действительно «ожидает, готовит и предопределяет» каждого из нас для осмысленной и целостной жизни через Иисуса Христа.

4Б. Агностический мир

Поскольку атеистам трудно защищать свои позиции, многие неверующие люди предпочитают придерживаться агно-

СТИЦИЗМА.

Основным недостатком непреклонного агностицизма Канта можно назвать его заявление об обладании познанием тощ что он называет непознаваемым. Другими словами, если постулато непознаваемости реальности верен, никто, включая Канта, не мог бы познать его. Несгибаемый агностицизм Канта сходит на нет, когда он заявляет: «Я знаю, что невозможно познать реальность» (Норман Л. Гейслер, Питер Боччино).

Этот термин тоже состоит из двух греческих слов. «А», как мы помним, – отрицание, *gnosis* – «знание». Поэтому все слово означает «отсутствие знания». Агностик просто не уверен, есть ли Бог.

Философская концепция агностицизма часто отличается от его популярного варианта. Кант и некоторые другие считают, что мы *не можем знать*, существует ли Бог. Многие агностики скажут вам, что они агностики именно потому, что *не знают*, существует Бог или нет. Первая группа категорически исключила возможность познания Бога. Вторая все еще чего-то ждет, осознавая, что на данный момент они не обладают познаниями о Боге. В связи с этим существует два различных варианта определения «отсутствия познания». В первом случае не существует даже вероятности такого познания. Во втором речь идет об отсутствии такого познания.

Теория познания Канта приводит в результате к агностицизму, то есть к утверждению, что реальность познать невозможно. Норман Гейслер поясняет: «В своей неограниченной форме [агностицизм] утверждает, что никакое познание реальности (то есть истины) невозможно. Но само это утверждение преподносится как истина о реальности» (Geisler, CA, 135). Гейслер и Питер Боччино подытоживают самоубийственную природу такого утверждения: «Основным недостатком непреклонного агностицизма Канта можно назвать его заявление об обладании познанием того, что он называет непознаваемым. Другими словами, если постулат о непознаваемости реальности верен, никто, включая Канта, не мог бы познать его. Несгибаемый агностицизм Канта сходит на нет, когда он заявляет: “Я знаю, что невозможно познать реальность”» (Geisler and Bocchino, WSA, p.p.).

Многие люди, однако, в своих агностических убеждениях ограничиваются постулатом, гласящим, что мы ничего не можем знать ни о существовании Бога, ни о существовании каких-нибудь других форм реальности.

5Б. Научный мир

Как ни странно, из всех мировоззренческих срезом, отмеченных бунтом против Бога, мир науки в последнее время предоставляет самые убедительные и поразительные свидетельства в пользу существования Бога.

Все мы помним, какую яростную борьбу вела наука против религии в прошлом.

Но за последние годы «факты», которые наука использует для объяснения происхождения как Вселенной, так и человека, подвергаются критическому переосмыслению, особенно со стороны самих ученых. За многие годы такие ученые, как Майкл Бехе, бросили вызов так называемым «фактам» с позиции научной методологии. С выходом в свет работы Бехе «Черный ящик Дарвина: биохимический вызов теории эволюции» (Michael Behe, *Darwin's Black Box: The Biochemical Challenge to Evolution*) в научном мире наступила новая эра критики теории Дарвина.

Примечательно, что чем больше открытий делает наука, тем более очевидной становится концепция Творца для обычных людей. Касаясь вопроса ДНК, Чарльз Такстон говорит следующее: «Структуры генетических посланий ДНК и посланий, записанных на человеческом языке, идентичны» (Thaxton, NDA, цит. по: СР, 18). Хуперт Йоки объясняет:

Между ДНК (и протеином) и записанными лингвистическими посланиями прослеживается идентичность структуры. Поскольку по опыту мы знаем, что записанные послания были созданы при помощи интеллекта, и никак иначе, это означает, что как ДНК, так и протеин также были сотворены силой разума. Значимость этого результата зиждется на надежности этого открытия, поскольку указанные структу-

ры не просто сходны, но абсолютно идентичны. Мы имеем дело не с поверхностным сходством между ДНК и записанным текстом. Мы не говорим, что ДНК сходна с человеческим посланием. Скорее ДНК и есть собственно послание. Истинный замысел, таким образом, находит свое выражение в биологии (Yockey, JTB, цит. по: Thaxton, NDA, 19).

Уильям Дембски констатирует: «В области биологии интеллектуальный дизайн представляет собой теорию биологического происхождения и развития видов. Его основное утверждение состоит в том, что для объяснения сложных, информационно богатых биологических структур необходимы интеллектуальные причины, и эти причины можно обнаружить эмпирическим путем» (Dembski, IDM, 24).

Далее Дембски продолжает: «Мир состоит из событий, объектов и структур, которые невозможно объяснить только неуправляемыми природными причинами, и они могут получить адекватное объяснение лишь путем обращения к интеллектуальным источникам. В настоящее время ученые способны подробно и досконально продемонстрировать это. Так что философская интуиция, с которой мы имеем дело в течение долгого времени, теперь принимает вид научно-исследовательской программы» (Dembski, IDM, 25). Чандра Викрамасингх продолжает:

Я думаю, если вы посмотрите через микроскоп на структуру живой системы, на микроорганизмы или на нас самих в том виде, в каком мы существуем

(не буквально), если вы исследуете имеющуюся на земле и доступную для нашего внимания жизненную систему, то вам неизбежно придется сделать вывод о том, что жизненные системы не могли возникнуть в результате случайного процесса внутри ограниченных временных рамок в ограниченной вселенной. Думаю, свидетельства из жизни вполне можно назвать неопровержимыми фактами природы живой системы, если вы только исследуете ее в лаборатории. Информационное содержание в жизненной системе, которую мы имеем на земле, представляет собой, пожалуй, самый сложный космологический факт. От него никуда не деться в том смысле, что вселенная должна каким-то образом выяснить для себя этот порядок. При определении значимости информации я бы поставил эти данные на порядок выше космологических (Wickramasinghe, SDOL, цит. по: Varghese, ISOAG, 33).

Мы имеем дело не с поверхностным сходством между ДНК и записанным текстом. Мы не говорим, что ДНК сходна с человеческим посланием. Скорее ДНК и есть собственно послание. Истинный замысел, таким образом, находит свое выражение в биологии (Хуперт Йоки).

Стэнли Яки констатирует:

Со времен Дарвина разговоры о цели науки предстают, возможно, достойными наибольшего

поризания перед судом науки. Как ни странно, сама наука, и наука в самой передовой и всеобъемлющей форме, а именно – научная космология, возвращает нас сегодня к научным рассуждениям о своей цели. Вскоре после открытия излучения 2.7°K космологи задумались над исключительно узким пространством, космической эволюции. Ученые все чаще стали склоняться к мнению, что развитие вселенной так или иначе обязательно должно было привести к появлению на сцене истории человека. Если бы этот «космический бульон» хотя бы на йоту был иным, химические элементы, из которых состоят все органические тела, не смогли бы сформироваться. И не только химические элементы, но и инертная материя была бы вынуждена вступать в иные взаимодействия по сравнению с тем, что требуется для коагуляции массы материи, как, например, при возникновении протозвезд и первичных солнечных систем... В любом случае, возникновение жизни на земле с чисто научной точки зрения представляется совершенно невероятным событием. Неудивительно, что ввиду этого некоторые космологи, не желая стать жертвой слепого случая, заговорили об антропологическом принципе. Признание этого принципа пришло как результат все более возрастающего подозрения, что вся вселенная могла, в конце концов, быть сотворена специально ради человека (Jaki, FSCC, цит. по: Varghese, ISOAG, 71, 72).

Хью Росс добавляет: «Астрономы обнаружили, что харак-

теристики Вселенной, нашей галактики и Солнечной системы настолько точно настроены на поддержание жизни, что единственно разумным объяснением этого явления может быть только преднамеренный замысел, мысль разумного и мудрого Творца, чем и объясняется поразительно высокая точность настроев. Для этого нужно иметь могущество и конкретные цели» (Ross, АЕРТГ, цит. по: Moreland, СН, 160).

Росс размышляет о словах Пола Дейвиса, утверждающего следующее: «Я совершенно уверен в том, что этот процесс нельзя назвать случайным. Создается неотвязное впечатление, что за всем этим сокрыты конкретный замысел и конкретная цель» (Davies, СВ, 203, цит. по: Moreland, СН, 164).

Далее он продолжает: «Современной науке известны точные значения многих фундаментальных чисел – размер электрического заряда электрона, отношение массы протона и электрона. И примечательно, что значения этих чисел, как оказывается, очень точно подогнаны, делая возможным развитие жизни... Совершенно ясно, что в нескончаемом ряду чисел имеется относительно мало областей значений, которые позволяют развиться какой-либо форме разумной жизни» (Hawking, ВНТ, 125).

Далее Хокинг говорит: «Все это свидетельствует о том, что изначальное состояние Вселенной было очень тщательно рассчитано, если справедлива теория “большого взрыва”, произошедшего в самом начале времен. Исключительно трудно найти другое объяснение именно такой модели воз-

никновения Вселенной, если только Бог с самого начала не замыслил сотворить человека» (Hawking, ВНТ, 127).

«Все возрастающее изумление заставило многих астрономов и физиков несколько изменить антропологический принцип и вместе с сэром Фредом Хойлом объявить, что “Бог есть”» (Varghese 1984, vii, 23–27) (Miethe, DGE, 165).

Росс далее утверждает: «О вполне конкретном замысле свидетельствует не только устройство Вселенной. Солнце и Земля обнаруживают такие же подтверждения. Фрэнк Дейк, Карл Саган и Иосиф Шкловский были среди первых астрономов, выступивших с подобными заявлениями. Они попытались подсчитать во Вселенной количество планет с условиями, благоприятными для развития жизни. В начале 1960-х годов они признали, что необходимые для жизни условия может обеспечить только один определенный вид звезды с планетой, находящейся от нее на определенном расстоянии» (Ross, АЕРТГ, цит. по: Moreland, СН, 164).

Росс добавляет: «Учитывая, что в видимой Вселенной имеется менее триллиона галактик, а в каждой галактике – в среднем до ста миллиардов звезд, можно видеть, что естественным путем процессов ни на одной планете не могли бы развиться условия, необходимые для возникновения и поддержания жизни. Неудивительно, что Роберт Руд и Джеймс Трефил, в числе прочих, высказали догадку о том, что разумная физическая жизнь существует только на земле» (Ross, АЕРТГ, цит. по: Moreland, СН, 169, 170).

Росс приходит к такому выводу: «И опять мы осознаем, что всемогущий Творец, как видно, замыслил создание Вселенной. Всемогущий Творец, как видно, замыслил сотворение планеты Земля. Всемогущий Творец, как видно, замыслил нашу жизнь» (Ross, FG, 138).

Невозможно даже подумать, что вся эта стройная и продуманная система могла возникнуть по простой случайности. «Трудно поверить, что обширность и величие природы – дело случая» (Clark, SC, 154).

Кларк продолжает: «Неужели свойства химических элементов – углерода, азота, кислорода и прочих – тоже чистая случайность? Неужели замечательные свойства воды и углекислого газа могло быть случайным стечением обстоятельств?» (Clark, SC, 154).

Поразительным открытием современной науки стало признание того факта, что эти взаимосвязи, или, другими словами, точно отрегулированная Вселенная, для нашего существования просто необходимы... В связи с этим возникает вопрос. Почему из бесконечного ряда возможных значений, которые природа могла выбрать в качестве основных постоянных, и из бесконечного разнообразия изначальных условий, которые должны были характеризовать первозданную Вселенную, именно эти конкретные значения и условия произвели совершенно определенную последовательность очень специфических характеристик, которые мы теперь

наблюдаем в окружающем нас мире. Ибо совершенно очевидно, что Вселенная – особое место: удивительно однородная на огромном пространстве, она в то же время не настолько единообразна, чтобы в ней не могли образоваться галактики... Скорость ее расширения до невероятия соответствует запасу энергии; значение мощности ее сил, которые позволяют существовать ядру, в то же время не сжигают всего космического водорода, а также многие и многие другие «счастливые» случайности (Davies, AU, цит. по: Plan-tinga, MN, 111).

Есть ли смысл жизни во Вселенной и, если он есть, какое отношение этот смысл имеет к Творцу всей Вселенной? Генри Маргенау отвечает на этот вопрос недвусмысленно и определенно: «Мой довод очень прост. Какова разница между случайностью и преднамеренным замыслом? Причина – это определение будущих событий посредством прошлого. Цель – это определение будущих событий посредством видения будущего. У вас не может быть цели, пока вы не представите, что хотите сделать. Поэтому для постановки цели требуется наличие разума» (Margenau, MPBG, цит. по: Varghese, ISOAG, 42).

4А. Заключение

Скептик Дэвид Юм в своем знаменитом труде, озаглавленном «Исследование о человеческом познании» (*Enquiry Concerning Human Understanding*), пришел к такому выводу: «Возьмем в руки любую книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: “Есть ли в ней какие-нибудь абстрактные рассуждения относительно качества или числа?” Нет. “Есть ли в ней какие-нибудь основанные на опыте рассуждения относительно реальной действительности или существования?” Нет. В таком случае предайте ее огню: ибо вполне возможно, что все ее содержание – софистика и иллюзия» (Hume, ECHU, 12.2).

Есть ли какие-нибудь свидетельства о существовании непреодолимой силы, которая может избавить человека от тщетного скептицизма, агностицизма и атеизма? От противоречий постмодернизма? Или от обманчивых эмоций мистицизма? Уверен, что есть.

Б. Джонсон в «Справочнике атеиста» (*The Atheist Debater's Handbook*) предлагает нам альтернативу: «Если Бог существует, тому должны быть определенные свидетельства; к такому выводу должны привести конкретные признаки» (Johnson, ADH, 15).

Данные записки полностью соответствуют требованиям Юма и Джонсона. Не только достаточное количество свиде-

тельств, которое должно было бы удовлетворить Юма, но и их качество поможет разумному человеку увидеть, что Бог действительно пришел к людям в личности Иисуса Христа.

Я полностью согласен с Джонсоном в том, что появятся, и уже появились, свидетельства, доказывающие существование Бога. И по сути дела, появляются они в таком явном и убедительном виде, что желание Бога, чтобы мы познали не только факт Его существования, для всех становится очевидным. Он хочет, чтобы мы обрели уверенность в своей способности познать Его. Читайте дальше, чтобы увидеть **СВИДЕТЕЛЬСТВА ДОСТОВЕРНОСТИ БИБЛИИ!**

Часть первая

Свидетельства в пользу Библии

1. Уникальность Библии

Введение

Снова и снова, с настойчивостью заигранной пластинки, люди спрашивают меня: «Библию читать совсем не обязательно, не так ли?» Иногда они говорят: «Библия – просто одна из книг, кроме нее также нужно прочесть...» – и перечисляют несколько любимых произведений.

Библия есть у многих людей. Они с гордостью рассказывают, что она стоит на полке рядом с другими «великими» произведениями, – это и «Одиссея» Гомера, и «Ромео и Джульетта» Шекспира, и «Гордость и предубеждение» Джейн Остин. Библии у таких людей покрываются пылью, поскольку никто ее не читает, и к ней относятся как к еще одному классическому произведению.

Другие позволяют себе презрительные замечания относительно Библии и даже посмеиваются над тем, что кто-то может настолько серьезно относиться к ее содержанию, что на-

ходит время читать ее. Для таких людей, имей они Библию в своей библиотеке, она стала бы признаком их безнадежной отсталости.

Такого рода сомнения беспрестанно мучили меня, когда, будучи еще неверующим, я упорно не хотел видеть в Библии Слово Божие, обращенное к человечеству. Наконец, после основательного ее изучения, я пришел к выводу, что вышеупомянутые вопросы и замечания – это всего лишь ничего не значащие фразы со стороны пристрастных, предубежденных или просто не знакомых с Библией людей.

Библия заслуживает того, чтобы стоять на самом почетном месте, и сравнивать ее с какими бы то ни было другими книгами, творениями человеческого разума неправомерно. Библия уникальна! Именно так! И говоря о ней, я всегда подразумеваю суммарное значение определения «уникальный».

Уэбстер в своем толковом словаре, истолковывая слово «уникальный», должно быть, имел в виду Библию: «1. Единственный; несравнимый, неповторимый. 2. Отличающийся от других, не имеющий себе подобных или равных».

Профессор М. Монтъеро-Уильямс, бывший преподаватель в области санскритского языка, придерживался относительно Библии такого же мнения. Посвятив сорок два года изучению восточных книг, он сравнивал их с Библией и однажды сказал следующее: «Сложите все эти книги на одной стороне стола, а свою Библию – только ее одну – положите на другой стороне, и тогда между ними проляжет

огромная, непроходимая пропасть... Ибо Библию и так называемые священные восточные книги разделяет целый океан. Все эти “священные восточные” книги противоречат одна другой непримиримо, безнадежно и во всем...» (Collett, ААВ, 314, 315).

Библию невозможно сравнивать ни с одним другим произведением в целом мире. Она действительно уникальна, и отличия ее от любой другой книги следующие (этот перечень, естественно, можно продолжить):

1А. Уникальная в своей последовательности

Библия – единственная книга, которая:

1. Писалась более полутора тысяч лет.

2. Писалась более чем сорока авторами, представителями всех слоев общества. Это цари, военачальники, земледельцы, философы, рыбаки, сборщики налогов, поэты, музыканты, государственные деятели, ученые и пастухи. Например:

- Моисей, политический лидер и судья, получивший образование и подготовку в центрах учености Египта;
- Давид, царь, поэт, музыкант, пастух и военачальник;
- Амос, пастух;
- Иисус Навин, военачальник;
- Неемия, виночерпий царя-язычника;
- Даниил, первый советник;

- Соломон, царь и философ;
- Лука, врач и историк;
- Петр, рыбак;
- Матфей, сборщик налогов;
- Павел, раввин;
- Марк, секретарь Петра.

3. Писалась в самых разных местах:

- Моисей писал ее в пустыне;
- Иеремия – в темнице;
- Даниил – под открытым небом и во дворце;
- Павел – в тюрьме;
- Лука – во время путешествия;
- Иоанн – в изгнании, на острове Патмос.

4. Она писалась в разное время:

- Давид писал ее во время войны и кровопролития;
- Соломон – во время мира и процветания.

5. Она писалась с разным настроением:

- одни писали ее в моменты наивысшего счастья;
- другие выражали в ней глубины горя и отчаяния;
- одни писали об уверенности и твердости;
- другие описывали дни смятения и хаоса.

6. Она писалась на трех континентах:

- в Азии;
- в Африке;
- в Европе.

7. Ее писали на трех языках: *Древнееврейский*, это язык

израильтян и, практически, всего Ветхого Завета. В Царств 18:26–28 и Неемии 13:24 этот язык был назван «иудейским», в Исае 19:18 он назвал «ханаанским» языком.

Еврейский язык – язык яркий и образный, и он не просто описывает прошлое, но и представляет его в вербальных картинках. Этот язык не только рисует пейзаж, но и изображает движущуюся панораму. Ход событий воспроизводится как череда живых сценок в воображении человека. (Обратите внимание на частое употребление слова «вот», как бы приглашающего читателя представить в своем воображении описываемые события. Этот гебраизм перенесен также и в Новый Завет.) Такие общепринятые еврейские выражения, как «встав, он пошел», «говорить устами своими», «он возвел очи свои и увидел», «он возвысил голос свой и заплакал», подтверждают иллюстративный характер еврейского языка (Dockery, FBI, 214).

Арамейский, это язык, который был распространен на Ближнем Востоке вплоть до эпохи Александра Македонского (6–4 века до Р.Х.) (Albright, AP, 218). Даниила 2–7 и большая часть Ездры (4–7) написаны на арамейском языке, как и некоторые отрывки в Новом Завете, и, что особенно примечательно, Иисус Христос именно на этом языке испустил Свой памятный крик на кресте: «*Или, Или! лама савахфани?*», что означает «*Боже Мой, Боже Мой! – для чего Ты Меня оставил?*» (Мф. 27:46).

В Библии я нашел слова, которые как нельзя лучше выразили мои самые сокровенные мысли, песни радости, слова сомнений и скрытой печали, а также мольбу о прощении моих немощей и слабостей (Сэмюэл Тейлор Колридж, английский поэт и литературный критик).

Арамейский язык по своим лингвистическим особенностям и структуре очень близок к еврейскому языку. Арамейские тексты в Библии написаны тем же рукописным шрифтом, что и еврейские. В противоположность еврейскому, однако, в арамейском языке лексика богаче, в нем много заимствованных и соединительных слов. Он также отличается сложной системой грамматических времен, развитой через употребление причастий в сочетании с местоимениями или различными формами глагола «быть». И хотя арамейский менее благозвучен и поэтичен по сравнению с еврейским языком, он, пожалуй, способен намного точнее передать смысл высказывания.

Арамейский, по-видимому, имеет самую долгую историю из всех известных в истории языков. Его знали еще во времена библейских патриархов, и сегодня на нем говорят несколько народов. Арамейский, а вместе с ним и родственный ему сирийский язык, дали начало многим диалектам в различных местах и в разные периоды человеческой истории. Он характеризуется простотой, ясностью и точностью и очень легко адаптируется к различным нуждам

повседневной жизни. В равной степени он способен удовлетворить потребности ученых, учащихся, юристов или торговцев. Некоторые ученые называют его семитским эквивалентом английского языка (Dockery, FBI, 221).

Греческий язык был использован для написания почти всего Нового Завета. Христос также говорил на нем как на международном языке того времени, каковым в настоящее время является английский.

Предполагается, что древнегреческий письменный язык был основан на финикийском языке, а затем адаптирован к греческой системе звуков и тенденциям в написании. Сначала греки писали справа налево, как это было принято в западносемитских языках, затем их рука двигалась возвратно-поступательно, и только после этого перешли к написанию слева направо.

Завоевания Александра Македонского способствовали распространению греческого языка и греческой культуры. Региональные диалекты, в основном, были вытеснены «эллинистическим» языком или общенародным греческим языком «кой-нэ»... Диалект койнэ добавил к своему предшественнику аттическому диалекту много общеупотребительных выражений, сделав его языком более космополитическим. Упрощение грамматики также способствовало более успешной его адаптации к всемирной культуре. Новый язык, отражавший простую быденную речь, стал общеупотребительным языком

всех слоев населения, начиная с торговцев и заканчивая дипломатами. В ходе своего развития от классического к койнэ греческий язык во многом лишился своей элегантности и тонких нюансов. Тем не менее он сохранил свои отличительные качества – силу, красоту, ясность, логику и силу убеждения.

Примечательно, что апостол Павел в своем письме к христианам Рима предпочитал писать на греческом, а не на латинском языке. Римская империя в то время была, в основном, грекоговорящей, и латинский язык употреблялся только на уровне правительства и чиновников.

Греческий словарь Нового Завета изобилует оттенками значений, которые помогают его авторам очень точно передавать свою мысль. Например, понятие «любовь» в Новом Завете передается при помощи двух слов (имеющих в виду две разновидности любви). Два слова используются для передачи понятия «другой» (другой из класса подобных или другой из иной категории понятий). Есть и еще ряд примеров словоупотребления для передачи различных оттенков значения. Что интересно, какие-то из них вообще опускаются, как, например, слово «эрос» для обозначения чувственной любви, а также некоторые слова, широко употреблявшиеся в эллинистической культуре того времени (Dockery, FBI, 224-25, 227).

8. В Библии представлено большое количество литературных стилей, включая:

- поэзию,
- историческое повествование,
- песни,
- романтическую литературу,
- поучительные тексты,
- личную корреспонденцию,
- мемуары,
- сатиру,
- биографию,
- автобиографию,
- закон,
- пророчества,
- притчи и
- аллегории.

9. Библия затрагивает бесчисленное количество спорных вопросов, тем и проблем, таким образом побуждая людей при обсуждении выражать самые разные точки зрения. Библейские авторы затронули сотни животрепещущих вопросов. Это, в частности, брак, развод и повторный брак. Это гомосексуализм, супружеская измена, повиновение властям, ложь и истина. Это и формирование характера, и родительские обязанности, и природа и откровения Бога. Но с самой первой Книги Моисеевой, Бытие, и до последней Книги Откровение все эти темы ни в чем не противоречат друг другу, поскольку они представлены библейскими авторами в удивительной гармонии.

10. Несмотря на широкое разнообразие тем и стилей, Библия повествует об одной, последовательно излагаемой истории. Это история Божия искупления человеческого рода. Норман Гейслер и Уильям Никс говорят об этом так: «“Потерянный рай” в Книге Бытие становится “Возвращенным раем” в Книге Откровение. Если доступ к дереву жизни в Книге Бытие оказывается закрытым, в Книге Откровение человек вновь возвращается к нему» (Geisler/Nix, GIB’86, 28). Спасение от греха и осуждения служит связующей нитью между этими двумя событиями. Оно дарует полное преобразование и бесконечное блаженство жизни в присутствии единого, милостивого и святого Бога.

11. И наконец, самое важное. Среди всех персонажей и героев Библии наиболее выдающейся личностью является единственный, истинный и живой Бог, Который явил Себя людям через Иисуса Христа.

Обратимся прежде к Ветхому Завету: Закон обеспечил *«основание для Христа»*, исторические книги показывают *«подготовку к Его пришествию»*, поэтические произведения Его *«воспевают»*, а пророчества повествуют об *«ожидании Христа»*. В Новом Завете *«евангелия... повествуют об историческом явлении Христа, Деяния рассказывают о распространении Его учения, послания дают нам интерпретацию Его личности, а в Откровении мы находим завершение всего сущего во Христе»* (Geisler/Nix, GIB’86, 29). С самого начала и до последней своей страницы вся Библия сосредото-

точена на Христе.

Поэтому, хотя Библия и состоит из многих книг, написанных многими авторами, это одна цельная и большая книга. Как замечает Ф. Ф. Брюс, «правильно понять смысл и функции любой части человеческого тела можно, только осознав прежде, как работает весь организм. Точно так же и любую часть Библии можно правильно объяснить только в рамках восприятия всей Библии в целом» (Bruce, ВР, 89). Каждую ее книгу можно считать главой единой книги, которую мы называем Библией. Далее Брюс подытоживает:

Библия на первый взгляд кажется собранием разных литературных произведений, в основном еврейских. Но если изучить обстоятельства возникновения различных библейских документов, мы обнаружим, что они были написаны с интервалом почти в тысячу четыреста лет. Авторы писали ее в разных странах, начиная от Италии на западе Месопотамии и заканчивая, вероятно, Персией на востоке. Сами авторы были очень разными людьми, не только отделенными друг от друга сотнями лет и сотнями миль, но и принадлежавшими к самым разным слоям общества. Среди них были цари, пастухи, солдаты, юристы, рыбаки, государственные деятели, придворные и пророки, был и раввин, изготавливавший палатки, а вместе с ним и врач-язычник, не говоря о других, о которых мы ничего не знаем, кроме тех произведений, что они оставили нам. Библейские тексты написаны в разном стиле. Это история и свод законов (гражданских,

уголовных, этических, ритуальных, а также санитарно-гигиенические требования). Это религиозная поэзия, поучительные тексты, лирическая поэзия, притчи и аллегории. Здесь можно найти биографии, личную корреспонденцию, мемуары и дневники, а также характерные библейские пророчества и апокалиптику.

Поэтому Библия – это не просто антология древней литературы. Все произведения в ней связаны воедино и составляют одно целое. Обычно антологию составляет человек, Библия же была создана без человеческого участия (Bruce, ВР, 88).

Сравните библейские книги с собранием западных классических произведений, которые называют «Великими книгами западного мира» (*Great Books of the Western World*). «Великие книги» включают в себя избранные произведения, насчитывающие более четырехсот пятидесяти трудов, написанных примерно сотней авторов и охватывающих более двадцати пяти веков. Это Гомер, Платон, Аристотель, Плотин, св. Августин, Фома Аквинский, Данте, Гоббс, Спиноза, Кальвин, Руссо, Шекспир, Юм, Кант, Дарвин, Толстой,

Уайтхед и Джойс, и это далеко не полный перечень авторов. И хотя все эти авторы в своих произведениях отражали западный мир с его идеями и традициями, они поражают воображение тем, что спорят друг с другом практически по любой теме. И хотя в их взглядах прослеживается определенное единство, они в своем творчестве в то же время занимают конфликтные относительно друг друга позиции и открывают

противоречивые перспективы. Собственно, очень часто они принимаются критиковать и отвергать идеи, высказанные их предшественниками.

Как-то раз представитель «Великих книг» пришел ко мне домой в надежде, что я стану одним из распространителей этой книжной серии. Он разложил передо мной буклеты и схемы, рассказывающие об этой серии, и потратил минут пять на рекламу своего товара. После чего целых полтора часа мы с ним общались. Говорили мы о Библии, которую я представил этому человеку как величайшую книгу всех времен и народов.

Я предложил торговцу взять у него десять авторов из серии «Великие книги западного мира», так чтобы все они относились к одной социальной прослойке, принадлежали одному поколению, жили в одно время и на одном континенте, творили в одном настрое и на одном языке, – я хотел посмотреть, каковы их позиции в каком-нибудь одном спорном вопросе. Затем я спросил его: «Соглашаются ли писатели в своих произведениях друг с другом?»

Он подумал и затем ответил: «Нет».

«И что получается в результате?» – спросил я.

Он ответил сразу: «Смесь разнородных идей».

Через два дня он покаялся и пришел к Богу.

Уникальность Библии, как было показано выше, *не доказывает*, что она была вдохновлена свыше. Однако этот факт способен побудить любого человека искать истину и всерьез

задуматься об уникальных качествах этой книги в смысле ее последовательности и целостности. Тот представитель серии «Великих книг», о котором я рассказывал, совершив этот шаг, нашел в Библии Спасителя.

	Библия	Новый Завет	Части Нового Завета	Части современного перевода	Сборники	Сборники в современном переводе
Африка	2 436 187	541 915	1 325 206	1 494 911	4 024 764	350 092
Северная и Южная Америка	9 869 916	12 743 263	7 074 311	6 277 936	315 468 625	25 120 757
Юго-Восточная Азия	6 213 113	5 368 429	9 007 281	8 262 462	151 042 342	9 765 191
Европа — Ближний Восток	2 232 299	1 463 020	1 973 054	495 301	2 197 975	275 358
ВСЕГО 1998	20 751 515	20 116 627	19 379 852	16 530 610	472 733 706	35 511 398

2А. Уникальные тиражи

Мы часто слышим о книгах, которые становятся бестселлерами и продаются тиражом в несколько сот тысяч экземпляров. Намного реже можно слышать о книгах, которые распродают миллионными тиражами, и еще реже книги преодолевают отметку в десять миллионов экземпляров. На фоне этого намного серьезнее начинаешь относиться к статистическим данным, согласно которым тиражи Библии достигли миллиардных рубежей! Именно так, миллиардных.

Ни одна другая книга в истории человечества не знала таких огромных тиражей и в виде единого собрания всех своих книг, и в виде избранных ее произведений. Можно, конечно, поспорить насчет относительно конкретного отрезка времени в конкретном году, когда какая-то другая книга могла достичь более высоких показателей. Но ни одна книга не идет ни в какое сравнение с Писаниями в смысле общего объема ее тиражей.

Согласно «Докладу о состоянии распространения Библии за 1998 год» (*1998 Scripture Distribution Report*), изданному Объединенным библейским обществом, в 1998 году только члены этих обществ распространили 20,8 миллиона полных переводов Библии и 20,1 миллиона экземпляров Нового Завета. Если в этот перечень включить собрания различных частей (то есть различных книг) Библии и сборники избранных произведений (короткие выдержки на конкретные темы), тогда количество распространенных в 1998 году книг достигнет неслыханной цифры в 585 миллионов экземпляров, причем эта цифра отражает распространение Библии только усилиями Объединенного библейского общества!

Если построить всех людей, которые приобрели в тот год Библию или избранные произведения из Писаний, и каждые пять секунд вручать им по одному экземпляру Библии, то на это уйдет более девяноста двух лет. И это, повторяю, Библии, распространенные только Объединенным библейским обществом всего за один год!

Как утверждает «Кембриджская история Библии» (*The Cambridge History of the Bible*), «ни одна другая книга не пользовалась постоянно таким огромным спросом, как Библия» (Greenslade, СНВ, 479).

Правы критики, когда говорят: «Этот факт не может служить доказательством того, что Библия – Слово Божие». Тем не менее такие тиражи все же доказывают, что Библия представляет собой абсолютно уникальное явление.

3А. Уникальные переводы

Количество языков, на которые переведена Библия, так же поражает воображение, как и ее тиражи. Многие книги так никогда и не переводятся на другие языки. Другие, хоть они и переводятся, публикуются всего на двух или трех языках мира. Очень небольшое количество книг переведено на десятки других языков. Согласно данным Объединенного библейского общества, Библия (или отдельные ее части) уже переведены более чем на 2200 языков мира! И хотя это всего лишь одна треть из всех 6500 известных миру языков – языки, на которые Священное Писание уже переведено, представляют собой основное средство коммуникации для более чем 90 процентов населения всего земного шара (www.biblesociety.org). Никакая другая книга в мире не переводилась с последующими переизданиями и не пересказывалась больше, чем Библия.

Библия была одной из первых книг, переведенных на другие языки. Примерно в 250 году до Р.Х. еврейский Ветхий Завет был переведен на греческий язык. Этот перевод известен как Септуагинта (Unger, UBD, 1147). Сначала перевод предназначался для грекоговорящих евреев, живших в Александрии, которые не могли читать Священное Писание на еврейском языке.

С тех пор переводчики активно переводили как Ветхий, так и Новый Завет на языки, располагавшие или не располагавшие письменностью. Только в Институте библейских переводчиков Уиклифа работают более шести тысяч специалистов в области более чем 850 разных языков, на которых говорят в пятидесяти странах мира. Они выпускают в свет новые или исправленные переводы Библии (Barnes, OCB, 823). На четыреста шестьдесят восемь из этих языков Библия будет переведена в первый раз. По словам Теда Бергмана из Летнего института лингвистики, с такой скоростью перевода где-то в промежутке между 2007 и 2022 годами Библия станет доступной почти для всех языковых групп. Это значит, что мы отстоим всего лишь на одно поколение от времени, когда в мире появится текст, переведенный на все существующие языки и известный всем народам.

Ни одна книга в мире не сравнима с Библией по части того, насколько активно ее переводят на другие языки мира.

4А. Уникальная способность к выживаемости

1Б. Наперекор времени

Несмотря на то что сначала Библия писалась на непрочном материале и в течение сотен лет, прежде чем был изобретен печатный станок, ее приходилось переписывать, ни стиль ее, ни точность содержания не претерпели изменений. Никому и никогда не удавалось безвозвратно уничтожить Библию. По сравнению с другими древними произведениями достоверность Библии подтверждается гораздо большим количеством ее древних рукописей – их больше, чем рукописей всех остальных классических произведений вместе взятых (см. главу 3).

Как утверждает Джон Уорвик Монтгомери, «если кто-либо сомневается в достоверности сохранившихся текстов Нового Завета, он тем самым обрекает все древние классические произведения на забвение, потому что ни одно другое произведение древнего мира не имеет такого количества библиографических подтверждений, сколько их есть у Нового Завета» (Montgomery, HC'71, 29). Аналогичным образом и Брюс Мецгер, профессор Принстонского университета и один из ведущих критиков библейского текста в мире, считает, что в противовес изучению других древних текстов «критика новозаветного текста обеспечена подобным мате-

риалом в изобилии» (Metzger, TNT, 34).

Бернард Рамм отмечает точность и большое количество сохранившихся библейских рукописей: «Евреи сумели сохранить Писания так, как не удалось сохранить свои древние тексты ни одному другому народу». При помощи своей *масоры* (*parva*, *magna* и *finalis*) они просчитывали в тексте все буквы, слоги, слова и абзацы. У них существовали особые люди, чьей единственной обязанностью было хранить и передавать эти документы практически с абсолютной точностью. Это были писцы, книжники, масореты. Считал ли кто-нибудь буквы, слоги и слова в трудах Платона и Аристотеля? Цицерона или Сенеки? (Ramm, PCE'53, 230–231)

Джон Ли в «Великих книгах мира» сравнивает Библию с творениями Шекспира:

В одной статье из *North American Review* ее автор проводит интересное сравнение между сочинениями Шекспира и Писаниями, помогая увидеть, что библейские рукописи сохранились намного лучше при переписывании от руки, чем другие произведения, – даже тогда, когда после появления печатных станков появилась возможность позаботиться о точности текста. Он утверждает: «Кажется странным, что тексты Шекспира, которым менее двухсот восьми лет, не так достоверны и пестрят большим количеством ошибок, чем Новый Завет, существующий уже более восемнадцати веков, причем пятнадцать из них – только в рукописном виде... Ученые единодушны в понимании

практически всех стихов Нового Завета – исключение составляют, пожалуй, стихов десять или чуть более того. Споры между ними возникают только по поводу интерпретации текста, но не по поводу самих слов. И напротив, в каждой из тридцати семи пьес Шекспира сохраняется около сотни спорных мест, и это по большей части существенно влияет на понимание всего отрывка, в котором находится это спорное место» (Lea, GBW, 15).

2Б. Наперекор преследованиям

Библия выстояла против яростных атак всех своих врагов. Многие пытались сжечь ее, запретить и «объявить вне закона, со времен Римской империи и до наших дней в государствах, где господствует коммунистический режим» (Ramm, PCE'53, 232).

В 303 году по Р.Х. римский император Диоклетиан издал указ, который предписывал уничтожение Библии и налагал запрет на поклонение Богу. В соответствии с этим императорским указом все церкви следовало стереть с лица земли, а Писания сжечь. Высокопоставленные лица, исповедовавшие эту веру, лишались всех своих гражданских прав, а землевладельцы теряли даже свою свободу» (Greenslade, СНВ, 476).

Знаменитый французский язычник Вольтер, умерший в 1778 году, заявлял, что через сто лет после того, как его не станет, христианство будет

навсегда забыто и станет просто достоянием истории.

Всего лишь через пятьдесят лет после его смерти Женевское библейское общество использовало печатный станок Вольтера и его дом для того, чтобы выпустить в свет огромное количество Библий (Гейслер и Никс).

Церковный историк IV века Евсевий Кесарийский описал, что, по иронии истории, произошло через двадцать пять лет после указа Диоклетиана, когда римский император Константин распорядился сделать пятьдесят копий Библии за счет правительства (Eusebius, EH, VII, 2, 259).

Много веков спустя знаменитый французский язычник Вольтер, умерший в 1778 году, заявил, что через сто лет после того, как его не станет, христианство будет навсегда забыто и станет просто достоянием истории. Но что же случилось на самом деле? Достоянием истории стал Вольтер, а количество выпущенных в свет Библий продолжает расти с каждым днем практически во всех уголках земного шара, повсюду неся с собой благословения. Например, в Занзибаре английский собор построен на месте старого невольничьего рынка, а стол предложений в церкви стоит на том самом месте, где когда-то стоял позорный столб, у которого бичевали преступников! И таких случаев насчитывается очень много... Верно заметил один аноним: «Попытку остановить распространение Библии можно уподобить намерению

руками остановить движение ярко пылающего солнечного диска по своей орбите» (Collett, AAB, 63).

Что касается предсказания Вольтера об исчезновении христианства и Библии через сто лет после того, как его не станет, то Гейслер и Никс констатируют: «Всего лишь через пятьдесят лет после его смерти Женевское библейское общество использовало печатный станок Вольтера и его дом для того, чтобы выпустить в свет огромное количество Библий» (Geisler/Nix, GIB'68, 123, 124).

Враги Библии появляются и исчезают, а Библия остается. Иисус был прав, когда сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мк. 13:31).

3Б. Наперекор критике

Х. Л. Гастингс дал яркую иллюстрацию того, как стойко выдерживает Библия любые нападки неверующих и скептиков:

В течение восемнадцати веков неверующие люди пытались доказать ложность этой книги и уничтожить ее, но и поныне она стоит несокрушимой, как скала. Ее тиражи постоянно растут, и сегодня ее уважают, любят и читают, как никогда раньше. Неверующие своими нападками причиняют ей вреда не больше, чем нанес бы его египетским пирамидам человек, принявшийся колотить по ним молотком. Когда один французский монарх решил начать гонения на христиан в своем королевстве, один старый государственный де-

атель и военачальник предупредил его: «Государь, Церковь Божия – это наковальня, о которую разбились многие молоты». Так, молот многих неверных в течение долгих веков долбил по этой книге, но в результате разбился лишь молот, а наковальня по-прежнему тверда и не имеет ни одной царапины. Если бы эта книга не была Божией, людям давным-давно удалось бы уничтожить ее. Императоры и папы, короли и священники, князья и правители испытывали на ней свою силу. Все они канули в лету, а эта Книга по-прежнему жива (Lea, GBW, 17–18).

Бернард Рамм добавляет:

Тысячи раз звучали погребальные колокола, извещая о гибели Библии, собиралась похоронная процессия, на могильной плите высекали надпись и готовили некролог. Но почему-то никому еще не удавалось уложить Библию в гроб.

Ни одну книгу так не кромсали, не резали, не просеивали, не исследовали и не поносили. Есть ли какая-нибудь другая книга из области философии, религии, психологии или изящной словесности, классиков или современных писателей, которую бы атаковали так яростно и ожесточенно, как Библию? С таким ядом, ненавистью и скепсисом? С таким старанием и эрудицией? С таким вниманием к каждой главе, каждой строчке и каждому догмату?

Но миллионы людей по-прежнему любят Библию, миллионы читают и изучают ее (Ramm, PCE'53, 232–

Библейские ученые однажды уступили из уважения к «достоверным результатам высокой критики». Однако теперь результаты высокой критики уже не кажутся столь достоверными, как мы когда-то думали. Возьмем, к примеру, «документальную гипотезу». Эта гипотеза возникла вследствие того, что в Книге Бытие у Бога несколько имен, а Пятикнижие якобы просто *не могло* быть написано Моисеем, поскольку в соответствии с «точными результатами высокой критики» во времена Моисея не было письменности, и даже если она все же тогда уже существовала, то использовалась исключительно мало. Соответственно, был сделан вывод, что эти книги, должно быть, написаны позже. Воображение критиков заработало, и они придумали теорию о четырех авторах, обозначив их буквами J, E, P, D. Эти авторы, по их мнению, и написали первые пять книг Библии. Критики выстроили великие критические конструкции, в пылу сражения зайдя так далеко, что приписали различные компоненты одного стиха перу трех различных авторов! (Более подробный анализ документальной гипотезы см. в части 2 этой книги.)

Но потом археологи обнаружили «черную стелу» (Unger, UBD, 444). На ней были изображены клинообразные письмены, содержавшие подробный кодекс законов Хаммурапи. Были ли они записаны после Моисея? Нет! Это произошло до Моисея. Более того: они были записаны по крайней ме-

ре на три столетия раньше посланий Моисея (Unger, UBD, 444). Как ни удивительно, но по времени они предшествовали Моисею, который, по предположению наших критиков, был первобытным человеком, не знавшим ни алфавита, ни письменности.

Какая ирония истории! Документальную гипотезу до сих пор преподают и изучают, но многие ее положения («точные результаты высокой критики») оказались ошибочными.

«Точные результаты высокой критики» привели к выводу, что во времена Авраама хеттов еще не существовало, поскольку нигде, кроме Ветхого Завета, о них не было никаких сведений. Должно быть, решили критики, хетты – еще один библейский миф. Однако они и на этот раз ошиблись. Несколько позже во время археологических раскопок были обнаружены неопровержимые свидетельства того, что хеттская цивилизация насчитывает на данный момент более 1200 лет.

Эрл Рэдмахер, отошедший от дел президент Западной консервативной баптистской семинарии, цитирует Нельсона Глека, бывшего президента Еврейской богословской семинарии в колледже Еврейского союза в Цинциннати и одного из трех величайших археологов: «Я слушал Глека в храме Емануила в Далласе. Вдруг он покраснел и сказал: “Меня обвиняют в том, что я настаиваю на полном и абсолютном богодухновении каждого слова в Священном Писании. Я хочу, чтобы вы поняли: я никогда не говорил ничего подобного. Я

сказал только, что в моей археологической практике ни разу не находил ни одного памятника материальной культуры древности, который противоречил бы утверждениям в Слове Божиим”» (Radmacher, PC, 50).

Другие книги заявляют свои претензии на божественное откровение, как, например, Коран, Книга Мормона и, отчасти, [индуистские] веды. Но ни в одной из этих книг нет пророчеств с предсказаниями (Норман Гейслер и Уильям Никс).

Роберт Дик Уилсон, прекрасный специалист в более чем сорока пяти языках и диалектах, подытожил свой многолетний труд по изучению Ветхого Завета: «Могу сказать, что результаты сорока пяти лет исследования Библии постоянно приводили меня к твердой вере в то, что в Ветхом Завете представлена подлинная история израильского народа» (Wilson, WB, 42).

Способность Библии выжить в условиях критических нападков действительно уникальна. Во всей литературе нет книги, подобной этой. Человек, который ищет истину, обязательно должен уделить внимание книге, обладающей такими качествами.

5А. Уникальные учения

1Б. Пророчества

Уилбур Смит, который собрал личную библиотеку из два-

дцати пяти тысяч томов, пришел к такому выводу:

Что бы люди ни думали об авторитете и содержании книг, которые мы называем Библией, все в мире признают, что эта книга, написанная за пять примерно тысяч лет существования письма в человеческом обществе, во многих аспектах – самая удивительная.

Из всех книг, созданных человеком или группой людей, только в Библии мы находим огромное количество пророчеств, относящихся к отдельным народам, к Израилю, ко всем людям земли, к конкретным городам, а также и к пришествию Того, Кто призван был стать Мессией. В древности люди самыми различными способами, известными как гадание или колдовство, предсказывали будущее. Однако во всей богатейшей греческой и латинской литературе, хотя там тоже используются слова «пророк» и «пророчество», мы не встретим истинных предсказаний о великих исторических событиях, которым суждено произойти в далеком будущем. Нет там и никаких предсказаний о грядущем Спасителе, Которому суждено было явиться среди рода человеческого...

В мусульманстве нет никаких пророчеств, которые бы указывали на появление Мухаммеда за несколько сотен лет до его рождения. Точно так же приверженцы различных других культов не могут найти ни в одном из своих древних текстов пророчеств, предсказывающих приход в этот мир основателей этих культов (Smith, IB, 9-10).

Гейслер и Никс соглашаются с этим. В своем «Общем введении в Библию» (*A General Introduction to the Bible*), которое по праву считается авторитетным критерием по этому вопросу, они пишут:

В соответствии с Второзаконием 18 пророк признавался ложным, если его предсказания никогда не сбывались. В Библии нет ни одного предсказания о событиях, вплоть до сегодняшнего дня, которое бы не исполнилось. Сотни пророчеств, в том числе и те, что были даны за сотни лет до совершения события, исполнились, и исполнились в точности. В Ветхом Завете были предсказаны время (см. Дан. 9), город (см. Мих. 5:2) и особые обстоятельства (см. Ис. 7:14) рождения Христа, равно как и бесчисленное множество других подробностей и обстоятельств относительно Его жизни, смерти и воскресения (см. Ис. 53). Исполнились и многие другие предсказания, включая уничтожение Едома (см. Авд. 1), проклятие Вавилона (см. Ис. 13), разрушение Тира (см. Иез. 26) и Ниневии (см. Наум 1–3), а также возвращение Израиля в землю обетованную (см. Ис. 11:11). Другие книги заявляют свои претензии на божественное откровение, как, например, Коран, Книга Мормона и, отчасти, [индуистские] веды. Но ни в одной из этих книг нет пророчеств с предсказаниями. В результате исполненные пророчества могут служить убедительным доказательством божественного авторитета Библии (Geisler/Nix, GIB'86, 196).

2Б. История

С Первой Книги Царств по Вторую Книгу Паралипоменон в Библии описываются примерно пять веков истории Израиля.

«Кембриджская древняя история» (*The Cambridge Ancient History*, vol 1, p. 222) сообщает: «Израильтяне безусловно подтвердили свою гениальность тем, что оставили летопись истории своего народа, в результате чего в Ветхий Завет входят самые древние из сохранившихся до настоящего времени исторических текстов».

Выдающийся археолог, профессор Олбрайт начинает свое классическое эссе «Библейский период» (*The Biblical Period*) таким замечанием:

Еврейская национальная традиция превосходит все остальные, ибо дает четко очерченную картину истоков родоплеменного общества. В Египте и Вавилоне, в Ассирии и Финикии, Греции и Риме мы не найдем ничего подобного. Ничего, сравнимого с этим, нет и в традиции германских народов. Ни Индия, ни Китай не могли дать ничего подобного, поскольку их самые ранние исторические свидетельства представляют собой в буквальном смысле хаотическое собрание разрозненных династических традиций, где нет и намек на пастухов или земледельцев, вытесненных образами полубогов или царей, с которых начинаются их повествования. Ни в древнейших индийских исторических писаниях (пуранах), ни в произведениях древнейших греческих историков нет ни слова о

том, что индоарийцы или эллины были когда-то кочевниками, которые иммигрировали с севера к месту своего теперешнего обитания. Ассирийцы, правда, смутно помнят, что их древние правители, чьи имена они упоминают без каких бы то ни было подробностей об их делах, когда-то жили в шатрах, но откуда они пришли, никто не знает (Finkelstein, JTHCR, 3).

Говоря о достоверности «Таблицы народов» в Бытии 10, Олбрайт приходит к такому заключению: «Она выделяется ярким пятном на фоне древней литературы и не имеет хотя бы отдаленного сходства даже с греческим историческим наследием... “Таблица народов” остается поразительно точным историческим документом» (Albright, RDBL, 70–72).

3Б. Характер

Льюис С. Чэффер, основатель и бывший президент Далласской богословской семинарии, сказал: «Библия не относится к разряду книг, которые человек захотел бы написать, если бы мог, или мог бы написать, если бы захотел».

Библия открыто говорит о грехах своих персонажей, даже когда эти грехи не лучшим образом характеризуют Божий избранный народ, его вождей и самих библейских авторов. Например:

- В Библии упоминаются грехи патриархов (см. Быт. 12:11–13; 49:5–7).
- Грехи народа строго осуждаются (см. Вт. 9:24).

- Разоблачается грех прелюбодеяния Давида с Вирсавией и его последующая попытка скрыть совершенное преступление (см. 2 Цар. 11–12).

- Авторы евангелий признают свои прегрешения, равно как и прегрешения апостолов (см. Мф. 8:10–26; 26:31–56; Мк. 6:52; 8:18; Лк. 8:24–25; 9:40–45; Ин. 10:6; 16:32).

- Разоблачаются случаи нарушения дисциплины в церкви (см. 1 Кор. 1:11; 15:12; 2 Кор. 2:4).

Библия – это книга, которая сфокусирована на реальности, она ничего не выдумывает и не фантазирует. Она повествует о добре и зле, правильном и неправильном, самом лучшем и самом худшем. Она рассказывает о надежде и отчаянии, о радости и боли жизни. Так и должно быть, ибо ее автором является Бог, и «нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4:13).

6А. Уникальное воздействие на литературу

К ли лэнд Б. Макафи в книге «Величайшие английские классики» (*The Greatest English Classics*) пишет: «Если уничтожить все Библии во всех городах земли, ее основную часть, тем не менее эту книгу можно было бы восстановить из цитат и ссылок в различных книгах, стоящих на полках любой городской библиотеки. Почти все великие писатели

оставили нам свои труды, посвященные тому, какое сильное воздействие оказала на них Библия» (McAfee, GEC, 134).

Габриэль Сайвен пишет: «Ни один другой документ, имеющийся в распоряжении человечества, не может так много предложить своему читателю. Только в Библии вы найдете этические и религиозные назидания, высокую поэзию, социальные программы и свод законов, интерпретацию истории и все радости, печали и надежды, которые испытывают все люди и которые пророки и вожди Израиля выражали с непревзойденной силой и страстью» (Sivan, BC, xiii).

Богом вдохновленный труд, Библия служит источником вдохновения и для нас. Ее влияние в социальной, этической и в литературной областях несравнимо ни с чем... Ее персонажи исполнены драматизма, их драматическая история неподвластна времени, а их победы и поражения потрясают. Каждый крик в ней трогает нас, каждый призыв проникает в душу. Библейские поэмы, пришедшие к нам из других веков, не имеют возраста. Они зовут нас всех вместе и каждого в отдельности переступить грань столетий и воспарить над ними (Эли Визель, романист, лауреат Нобелевской премии).

Говоря о еврейской Библии, он добавляет:

Со времени рассвета цивилизации ни одна другая книга не могла так вдохновить людей на творческий порыв, как «Ветхий Завет», или еврейская Библия.

Ее литературное влияние в области поэзии, драмы и художественной литературы не имеет себе равных. Немецкий поэт Генрих Гейне в 1830 году сказал о ее значении лирично и образно: «В этой книге есть все, вся человеческая драма – рассвет и закат, обещание и исполнение, рождение и смерть... Это Библия, Книга книг». С различной степенью проницательности, но с неизменным постоянством писатели почти всех наций и народов в течение почти тысячи лет находили в Библии ни с чем не сравнимые сокровища, черпая в ней темы и заимствуя персонажей. Все это они перерабатывали и интерпретировали по-своему, говоря о таких вечных сюжетах, как, например, Бог и человек, конфликт добра и зла, любви и ненависти, борьба человека за свободу, истину и справедливость (Sivan, BC, 218).

Сьюзен Галлагер и Роджер Ландин признают: «Библия – один из важнейших документов в истории цивилизации не только по причине ее статуса Богом вдохновенных Писаний, но также по причине ее всеобъемлющего влияния на западную мысль. Будучи источником преобладающего миропонимания в течение, как минимум, четырнадцати веков, христианство и его главный документ сыграли исключительно важную роль в формировании западной культуры. Соответственно этому многие литературные тексты даже в наш постхристианский период часто основаны на Библии и христианской традиции» (Gallagher/Lundin, LTEF, 120).

Эли Визель, известный романист и лауреат Нобелевской

премии, отметил следующее: Богом вдохновленный труд, Библия служит источником вдохновения и для нас. Ее влияние в социальной, этической и в литературной областях не сравнимо ни с чем... Ее персонажи исполнены драматизма, их драматическая история неподвластна времени, а их победы и поражения потрясают. Каждый крик в ней трогает нас, каждый призыв проникает в душу. Библейские поэмы, пришедшие к нам из других веков, не имеют возраста. Они зовут нас всех вместе и каждого в отдельности переступить грань столетий и воспарить над ними (Эпилог в Liptzen, BTWL, 293).

Хэролд Фиш, почетный профессор из Университета Бар-Илана, замечает: «Библия буквально пропитала собой литературу западного мира, так что ее влияние просто не измерить. Более чем какое-либо другое произведение древности или современности она одарила писателей, начиная со средних веков, огромным запасом символов, идей и способов восприятия реальности. Ее влияние прослеживается не только в произведениях, в которых действуют библейские персонажи или затрагиваются библейские мотивы. Оно очевидно и во многих и многих поэмах, пьесах и других сочинениях, которые нельзя назвать библейскими по сути, но которые свидетельствуют о библейской оценке всего человечества и мира в целом» (Fisch, HCBD, 136).

В своей теперь ставшей классической работе «Анатомия критики» (*Anatomy of Criticism*) широкоизвестный литера-

турный критик Нортроп Фрай отметил, что «Библия как никакая другая книга оказала на западную литературу огромное влияние» (Frye, AC, 14).

Через двадцать пять лет после написания «Анатомии» Фрай сказал следующее: «Я довольно рано понял, что ученый, изучающий английскую литературу, не зная Библию, не в состоянии понять многих моментов в анализируемых им произведениях: и самый добросовестный ученый будет постоянно ошибаться, не вполне понимая подтекст, а зачастую и прямой смысл написанного» (Frye, GC, xii).

Историк Филипп Шафф в книге «Личность Христа» (*The Person of Christ*, American Tract Society, 1913) авторитетно рассуждает об уникальности Библии и Спасителя:

Иисус из Назарета без денег и оружия одержал победу над куда большим количеством людей, нежели Александр Македонский, Цезарь, Мухаммед и Наполеон. Не прибегая к помощи науки и просвещения, Он пролил больше света на суть человеческих и божественных понятий, чем все философы и ученые вместе взятые. Не обладая красноречием лучших представителей ораторских школ, Он говорил такие слова о жизни, которые никто и никогда не произносил раньше или с тех пор и которые произвели немыслимый ни для какого другого оратора или поэта эффект. Не написав ни единой строчки, Он пробудил в людях множество творческих идей и дал несравненно больше тем для проповедей, выступлений, дискуссий,

для написания ученых томов, произведений искусства и песен хвалы, чем целые армии великих людей древности и современности.

Бернард Рамм добавляет:

В библиографических исследованиях существуют проблемы, которых не знают другие науки или отрасли человеческих знаний. Начиная с отцов церкви, то есть с 95 года по Р.Х. и до наших дней, не иссякает могучий поток великой литературы, вдохновленной Библией. Это библейские словари, библейские энциклопедии, библейские толковые словари, библейские атласы и библейские географии. И это лишь начало длинного списка. Затем, не напрягая памяти, можно упомянуть обширные произведения на самые разные темы. Это и богословие, религиозное образование, гимнология, миссионерская работа, библейские языки. Это и церковная история, религиозная биография, молитва, комментарии, философия религии, свидетельства, апологетика и так далее, и так далее. И их бесконечное множество...

Во всей человеческой истории нет другой книги, кроме Библии, которая, в свою очередь, вдохновила бы так много других авторов на создание литературных произведений (Ramm, PCE'53, 239).

7А. Уникальное воздействие на цивилизацию

Библия уникальна и в своем влиянии на цивилизацию. Гейслер и Никс коротко констатируют:

Влияние Библии и ее учения на западный мир очевидно для всех тех, кто занимается изучением истории. И столь же бесспорно влияние, которое Запад оказал на ход мировых событий. Иудео-христианские Писания оказали на развитие мировой культуры более осязаемое влияние, чем любая другая книга. И действительно, никакое другое произведение на земле, каким бы великим оно ни было, не превосходит по своей глубине морали, построенной на принципах христианской любви, и никакая другая книга не передает возвышеннее духовные понятия, сформулированные в соответствии с Божьими библейскими стандартами. Библия дала миру высочайшие из известных людям идеалы, идеалы, на которых выросла наша цивилизация (Geisler, GIB'86, 196–197).

Грейди Дейвис в «Британской энциклопедии» пишет: «Библия привила свое отношение к Богу, вселенной и человечеству всем главным западным языкам и, таким образом, оказала влияние на весь процесс интеллектуального развития западного человека» (Davis, EB, 904). Далее он говорит:

«Со времени изобретения книгопечатания (середина XV века) Библия стала чем-то большим, нежели просто переводом произведения древней восточной литературы. Она не воспринималась как иностранная книга, но стала самым доступным, самым знакомым и заслуживающим наибольшего доверия источником и арбитром интеллектуальных, нравственных и духовных идеалов на Западе» (Davis, EB, 905).

Габриэль Сайвен замечает: «Библия дала силу борцам за свободу и новое сердце гонимым, план действий для общественного реформатора и вдохновение для писателя и художника» (Sivan, BC, 491).

Французский философ Жан-Жак Руссо однажды воскликнул: «Посмотрите на труды наших философов. Выражаются они напыщенно, но труды их все равно в сравнении с Писаниями выглядят убого и жалко! Возможно ли, чтобы столь простая и вместе с тем возвышенная книга была творением смертного человека?»

Кеннет Л. Вудворт в статье, помещенной в журнале *Newsweek*, утверждает, что «вот уже две тысячи лет... сами века измеряются от времени рождения Иисуса из Назарета. В конце этого года календари в Индии и Китае, в Европе, Америке и на Ближнем Востоке отметят наступление третьего тысячелетия» (Woodward, «2000 Years of Jesus», *Newsweek*, March 29, 1999, p. 52).

8А. Рациональное заключение

Представленные выше свидетельства не доказывают, что Библия действительно является Словом Божиим. Но для меня **они – ясное подтверждение тоги факта**, что эта книга уникальным образом превосходит все прочие книги.

Однажды один профессор сказал мне: «Если вы умный человек и если вы хотите найти истину, вы будете читать ту книгу, которая привлекает к себе больше внимания». Библия и есть та самая книга.

Теодор Рузвельт однажды заметил: «Основательное знание Библии стоит много больше любого высшего образования».

2. Как возникла Библия

1А. Как была написана Библия

Многие люди интересуются тем, как возникла Библия, каким образом происходило разделение библейских книг на стихи и главы и какой использовался материал для ее написания. В данной главе вы найдете ответы на эти вопросы, познакомитесь со структурой этой книги и узнаете, как она была составлена.

1Б. Материалы, использовавшиеся для письма

1В. Писчий материал

1Г. Папирус

Многие древние рукописи (рукопись – это написанное от руки произведение письменности) не сохранились до нашего времени, в основном, потому, что были написаны на непрочном материале. «Все... оригиналы рукописей, – пишет Ф. Ф. Брюс, – давно безвозвратно утеряны. Иначе и быть не могло, если они были написаны на папирусе, поскольку... папирус можно сохранить в течение непродолжительного времени и только в исключительно благоприятных условиях» (Bruce,

ВР, 176).

Среди материалов, доступных в библейские времена, самым распространенным был папирус. Его изготавливали из растения, которое называлось так же – папирус. Этот тростник рос на мелководье в озерах и реках Египта и Сирии. Большие партии папируса отправлялись через сирийский порт Библос. Считается, что греческое слово, обозначающее книги (*biblos*), происходит от названия этого порта. Английское слово «бумага» (*paper*) происходит от греческого слова «папирус» (*papyros*) (Ewert, АТМТ, 19–20).

В «Кембриджской истории Библии» (*The Cambridge History of the Bible*) описано, как из папируса изготавливали писчий материал: «Тростник разрезали вдоль на узкие тонкие полоски, которые в два слоя клали под пресс, располагая их под прямым углом друг к другу. После просушки желтоватую поверхность полировали до гладкости при помощи камня или другого приспособления. Плиний перечисляет несколько качеств папируса, и в период до Нового царства были обнаружены образцы разной толщины и разного вида с тонкими до прозрачности листами» (Greenslade, СНВ, 30).

Самый древний фрагмент папируса относится к 2400 году до Р.Х. (Greenlee, INTTC, 19). Наиболее ранние рукописи писались на папирусах, и потому они не сохранились нигде, кроме очень засушливых регионов, как, например, в песках Египта или в пещерах Кумрана, где были найдены свитки Мертвого моря.

Папирусы были очень распространенным писчим материалом до III века по Р.Х. (Greenlee, INTTC, 20).

2Г. Пергамент

Пергаментом называли «выделанную кожу овец, козлов, антилоп и других животных». Шкуры животных «обривались и очищались», чтобы впоследствии изготовить из них прочный писчий материал. Ф. Ф. Брюс поясняет, что «слово “пергамент” произошло от названия города Пергама в Малой Азии, поскольку производство этого писчего материала было одно время особым образом связано с этим городом» (Bruce, BP, 11).

3Г. Веллум

Веллумом называли телячью (веленевую) кожу. Обычно этот вид кожи красили в фиолетовый цвет. Многие рукописи, сохранившиеся до наших дней, действительно выполнены на телячьей коже фиолетового цвета. На веленевой коже писали обычно золотом или серебром.

Дж. Хэролд Гринли отмечает, что самые древние кожаные свитки восходят к 1500 году до Р.Х. (Greenlee, INTTC, 21).

4Г. Другие писчие материалы

Остраконы: Необработанные глиняные черепки в качестве писчего материала были в ходу у простого народа. В Египте и Палестине глиняных черепков было обнаружено

великое множество (см. Иов **2:8**).

Камни: Археологи находят обыкновенные камни, на которых острым металлическим предметом вырезали письма.

Глиняные таблички: На сырых табличках делались острым предметом надписи, после чего таблички высушивали, чтобы сохранить написанное на длительный срок (см. Иер. 17:13; Иез. 4:1). Такие таблички представляли собой самый дешевый и прочный вид писчего материала.

Восковые таблички: Кусок дерева покрывали тонким слоем воска, на котором затем писали металлическим пером.

2В. Письменные приборы

Резец: Это железный инструмент, который использовался для высечения писем на камнях.

Металлическое стило: «Это трехсторонний инструмент с обточенным концом, использовавшийся для нанесения писем на глиняные и восковые таблички» (Geisler, GIB, 228).

Когда пойдешь, принеси... книги, особенно кожаные
(Павел, 2 Тимофею 4:13).

Перо: Тростниковые перья «изготавливались из камыша (*Juncus maritimus*) примерно 6 – 16 дюймов длиной, затачивая конец так, что получался плоский резец, позволявший узким краем делать тонкие линии, а широким – толстые. Тростниковое перо появилось в Месопотамии в начале I тысячелетия и оттуда, по всей видимости, и разошлось по другим ре-

гионам, в то время как идею создания ручки из перьев птиц переняли у греков в III веке до Р.Х.» (Иер. 8:8) (Greenslade, СНВ, 31). Перо использовали для письма на веллуме, пергаменте и папирусе.

Чернила: Чернила в древнем мире обычно составляли «из древесного угля, смолы и воды» (Bruce, ВР, 13).

2Б. Формы древних книг

Свитки делались из листов папируса, который сначала склеивали в длинные рулоны, а затем сворачивали, наматывая на деревянный брусок. Свитки не могли быть большими по размеру, потому что в таком случае ими было бы трудно пользоваться. Текст обычно писался на одной стороне свитка. В Библии есть упоминание о двустороннем свитке, это «книга, написанная внутри и отвне» (Отк. 5:1). Длина некоторых свитков достигает ста сорока четырех футов. Однако в норме свитки имеют длину от двадцати до тридцати пяти футов.

Неудивительно, что Каллимах, профессиональный составитель каталогов в древней Александрийской библиотеке, сказал, что «большая книга – это большое неудобство» (Metzger, TNT, 5).

Рукописная книга, или старинные рукописи в виде книги: Для того чтобы облегчить процесс чтения, папирусу придавали форму листов, потом эти листы сшивали и писали на них с обеих сторон. Гринли утверждает, что рукописная кни-

га, или кодекс, получила развитие именно благодаря распространению христианства.

3Б. Виды письма

1В. Унциальное письмо

Брюс Метцгер, исследователь Нового Завета, сказал: «Литературные труды писались более ровным и строгим почерком, который назывался унциальным. Такой “книжный” почерк характеризовался крупными и тщательно выписанными буквами, причем они походили на наши заглавные буквы и писались отдельно друг от друга» (Metzger, TNT, 9).

Гейслер и Никс отмечают, что «самыми важными рукописями Нового Завета обычно считаются большие унциальные кодексы, которые датируются IV веком и позже. Они появились почти сразу после обращения императора Константина и решения Никейского собора (325 год) изготовить большое количество экземпляров Библии» (Geisler/Nix, GIB, 391).

Пожалуй, самыми древними и наиболее значительными унциальными рукописями являются Ватиканский кодекс (ок. 325–350 годов по Р.Х.) и Синайский кодекс (ок. 340 года по Р.Х.)

2В. Минускульное письмо

Минускульное письмо характеризуется «буквами, имеющими упрощенное строчное написание [и связанными меж-

ду собой]... Это письмо было создано специально для производства книг» примерно в начале IX века по Р.Х. (Metzger, TNT, 9).

3В. Интервалы между словами и гласные буквы

Тексты в греческих рукописях писались без интервалов между словами, а в еврейских словах отсутствовали гласные буквы, пока масореты между V и X веками по Р.Х. не дополнили тексты этими буквами.

Современному читателю подобная практика может показаться странной и непонятной. Но для древних греков и евреев это считалось нормальным и вполне естественным. Евреям не нужно было писать гласные буквы. По мере изучения языка они осваивались с тем, как произносить и понимать слова и фразы.

Равно и грекам не составляло труда читать тексты без промежутков между словами. Как объясняет Метцгер, «в этом языке есть правило, согласно которому греческие слова за редким исключением заканчиваются только на гласную букву (или дифтонг) или на одну из трех согласных букв – V, p, q. Кроме того, предполагалось, что *scriptio continua* (беспрерывное письмо) не могло быть препятствием для чтения, ибо в древности читали обычно вслух – даже в том случае, если человек был один. Таким образом, несмотря на отсутствие интервалов между словами, человек, произнося текст слог за слогом, быстро привыкал читать *scriptio continua*» (Metzger,

4Б. Разделение Библии

1В. На книги

См. материал в разделе «Канон».

2В. На главы

1Г. Ветхий Завет

Первое разделение текста на главы произошло до вавилонского пленения, которое началось в 586 году до Р.Х. Пятикнижие было разделено на сто пятьдесят четыре группы, которые назывались *седарим*. Предполагалось, что эти отрывки «представляли собой уроки, рассчитанные на трехгодичный цикл чтения» (Geisler, GIB, 339).

Во время вавилонского плена, но до 536 года до Р.Х., Пятикнижие поделили на пятьдесят четыре раздела, названные *парамот...* Разделы позже раздробились еще на шестьсот шестьдесят девять отрывков для работы со ссылками. Эти отрывки использовались как материал для изучения [чтения] в течение одного года» (Geisler, GIB, 339).

Около 165 года до Р.Х. были поделены на главы ветхозаветные книги, называемые Пророками.

И наконец, «после протестантской Реформации практически вся еврейская Библия повторила разделение на главы по

типу протестантского Ветхого Завета. Это разделение впервые было отмечено пометками на полях страниц в 1330 году» (Geisler, GIB, 339).

2Г. Новый Завет

Греки впервые поделили текст на абзацы перед Никейским собором (в 325 году по Р.Х.), возможно, еще в 250 году.

Самая древняя система разделения на главы восходит к 350 году по Р.Х. и появляется на полях страниц Ватиканского кодекса. Однако тогда главы были намного меньше по объему, чем в тексте современной Библии. Например, в нашем Евангелии от Матфея двадцать восемь глав, а в Ватиканском кодексе это Евангелие поделено на сто семьдесят глав.

Гейслер и Никс пишут, что «такое разделение на главы изменилось только в XIII веке, причем этот процесс происходил постепенно. Современное разделение Библии на главы (в Библии их одна тысяча двести двадцать семь) произвел Стефан Лэнгтон, профессор Парижского университета, а позднее архиепископ Кентерберийский. Это произошло до введения подвижной литеры в книгопечатании. Поскольку Библия Уиклифа (1382 год) сохранила такое разделение, все современные Библии по сей день печатаются именно в таком виде» (Geisler, GIB, 340).

3В. На стихи

1Г. Ветхий Завет

В Ветхом Завете первым признаком разделения на стихи «стали пропуски между словами в тексте, который был сплошным и заполнял все пространство страницы... После Вавилонского плена для того, чтобы на собраниях можно было читать вслух и интерпретировать Священное Писание, появились остановки в тексте, а позже добавили и дополнительную разметку. Эта разметка на “стихи” не была систематизированной и единообразной. И только в 900 году по Р.Х. она стандартизировалась» (Geisler, GIB, 339).

2Г. Новый Завет

Разбиение текста на стихи в том виде, в каком мы его имеем в современной Библии, появилось в Новом Завете только в середине XVI столетия. По всей видимости, разбиение текста на стихи произошло по той же причине, что и разбиение на главы, – это была «попытка облегчить работу со ссылками и публичное чтение текста вслух. Разметка впервые появилась в 1551 году в четвертом издании греческого Нового Завета, опубликованного парижским издателем Робертом Стефаниусом. Уильям Виттингэм из Оксфорда в 1557 году ввел это разбиение на стихи в английский Новый Завет. В 1555 году Стефаниус ввел разметку в издание латинской Вульгаты, и с того времени эта традиция дожила до сегодняшнего дня» (Geisler, GIB, 341).

2А. Кто решал, какие книги нужно включить в Библию

Вопрос о том, может ли та или иная конкретная книга стать частью Библии, относится к *каноничности* этой книги. Рассудительный человек, я думаю, обязательно пожелает узнать, почему одни книги были включены в Библию, а другие нет.

1Б. Значение слова *канон*

Слово *канон* происходит от корня слова «тростник» (англ. *cane*, евр. *ganeh*, греч. *kanon*). Тростник использовался в качестве измерительной трости и потому употреблялся в значении «стандарта».

Отец церкви III века Ориген использовал слово «канон для обозначения того, что мы называем “правилом веры”; стандартом, при помощи которого можно измерять и оценивать». Позже этот термин приобрел значение «список» или «указатель» (Bruce, ВР, 95). В применении к Писаниям слово *канон* означает официально принятый список книг (Earle, НВГОВ, 31).

Важно отметить, что церковь не создала канон. Она не определяла, какие книги будут называться Священным Писанием, вдохновенным Словом Божиим. Скорее церковь признала, или выявила, какие книги были вдохновенными с

самого начала. Другими словами, «книга является Словом Божиим не потому, что принимается народом Божиим. Напротив, народ Божий принимает ее потому, что она является Словом Божиим. То есть божественным авторитетом книгу наделяет Бог, а не народ Божий. Народ лишь признал Божий авторитет, который был дан Богом этой книге» (Geisler/Nix, GIB, 210). Ниже приводится таблица, которая поможет наглядно увидеть этот важный принцип (Geisler, GIB, 221).

2Б. Тесты для включения книг в канон

На основании библейской и церковной истории мы можем установить, по меньшей мере, пять принципов, которые были приняты в качестве руководства при определении истинной богодухновенности книг для включения их в состав Библии. Гейслер и Никс перечисляют эти принципы в следующем порядке (Geisler/Nix, GIB, 223–231):

1. Была ли книга написана пророком Божиим? «Если она была написана Божиим посланником, тогда она была Словом Божиим».

2. Получил ли труд этого автора подтверждение в виде Божьих знамений? Очень часто отличать истинных пророков от ложных помогали чудеса. «Моисею была дана чудодейственная сила в качестве доказательства его призвания от Бога (см. Исх. 4:1–9). Илия одержал победу над ложными пророками Ваала посредством проявления сверхъестественной силы (см. 3 Цар. 18). Иисус был “засвидетельствован...

от Бога силами и чудесами и знамениями” (см. Деян. 2:22)... Чудо – это акт Божий в подтверждение Его слова, данного через пророка Божьего народу Божьему. Это – знамение в качестве обоснования проповеди Божьего посланника; чудо для подтверждения Божьего послания».

3. Передает ли эта книга истину о Боге? «Бог Себе не противоречит» (см. 2 Кор. 1:17–18). Бог не лжет (см. Евр. 6:18). Поэтому никакая книга с ложными утверждениями о Боге не может быть Его Словом. По этой причине отцы церкви решили «отбросить все то, что вызывает сомнения». Это решение укрепило обоснованность выбора канонических книг.

4. Являет ли книга силу Божью? «Отцы церкви верили, что Слово Божье “живо и действенно” (см. Евр. 4:12), а значит, обладает преображающей силой для наставления (см. 2 Тим. 3:16) и благовестил (см. 1 Пет. 1:23). Если содержание книги не выполняет поставленной перед ней цели, если в ней нет силы для преображения жизни человека, тогда совершенно очевидно, что за ней нет Бога» (Geisler, GIB, 228). Присутствие преображающей силы Божьей было убедительным признаком того, что на данной книге стоит печать Его одобрения.

Неправильный взгляд	Правильный взгляд
Церковь дала определение канону	Церковь явила откровение канона
Церковь положила начало канону	Церковь произошла из канона
Церковь властвует над каноном	Церковь подчиняется канону
Церковь управляет каноном	Церковь почитает канон
Церковь судит канон	Церковь свидетельствует о каноне
Церковь владеет каноном	Церковь служит канону

5. Принимает ли народ Божий эту книгу? «Павел сказал о фессалоникийцах: “Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не *как* слово человеческое, но *как* слово Божие, – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих” (1 Фес. 2:13). Какие бы дебаты о месте книги в каноне ни возникли впоследствии, самыми надежными свидетелями пророческой достоверности книги были люди, которые знали написавшего эту книгу пророка. Поэтому, несмотря на все споры о каноничности некоторых книг, самым убедительным свидетельством является изначальное принятие их верующими того времени» (Geisler, GIB, 229). Когда люди Божьи принимали, собирали, читали и использовали какую-либо книгу как Слово Божье, она считалась канонической. Эту практику можно видеть и в самой Библии. Один из таких случаев, например, тот, когда апостол Петр признал послания Павла в качестве священных Писаний наравне с ветхозаветными Писаниями (см. 2 Пет. 3:16).

3Б. Христианский канон (Новый Завет)

1В. Тесты на каноничность Нового Завета

Главным фактором для признания каноничности новозаветной книги было Божье вдохновение, а главным тестом для этого – апостольство автора: «Согласно новозаветной терминологии, – пишут Гейслер и Никс, – Церковь была “утверждена на основании Апостолов и пророков” (см. Еф. 2:20), которых Христос обещал “наставить на всякую истину” (см. Ин. 16:13) Святым Духом. В Библии сказано, что церковь в Иерусалиме “постоянно пребывала в учении Апостолов” (см. Деян. 2:42). Термин *апостольский* в том смысле, в каком он используется в тесте на каноничность, не обязательно означает “апостольское авторство” или же “факт написания книги под непосредственным руководством апостолов”» (Geisler/Nix, GIB, 283).

Далее Гейслер и Никс отмечают: «Похоже, лучше согласиться с Луисом Госсеном, Б. Б. Уорфилдом, Чарльзом Ходжем, Дж. Н. Д. Келли и большинством протестантов в том, что основным тестом на каноничность следует считать апостольскую власть или апостольское одобрение, а не только апостольское авторство» (Geisler/Nix, GIB, 283).

Н. Б. Стоунхаус отмечает, что апостольская власть, «о которой говорится в Новом Завете, неотделима от авторитета Господа. В посланиях нам постоянно напоминают о том, что в Церкви существует единственный абсолютный автори-

тет, и это – авторитет Самого Господа. Когда апостолы говорят с властью, они делают это, осуществляя власть Господа. Таким образом, например, когда Павел защищает свой апостольский авторитет, он строит защиту исключительно и непосредственно на факте своего призвания от Господа (см. Гал. 1 и 2). Когда он говорит о своем праве управлять жизнью церкви, он заявляет о том, что уполномочен говорить и повелевать властью Господа, хотя он и не повторяет непосредственно слова Господни (см. 1 Кор. 14:37 и далее; ср. 1 Кор. 7:10)» (Stonehouse, ANT, 117–118).

Джон Мюррей утверждает: «Только Господь в Новом Завете говорит с непререкаемой властью и Сам является Своим обоснованием» (Murray, AS, 18).

2В. Канонические книги Нового Завета

1Г. Основания для собирания канонических книг

В день, называемый воскресным, на совместное собрание в конкретное место приходят все живущие в данном городе или сельской местности, и там читаются воспоминания апостолов или писания пророков, сколько позволяет время. Затем, когда чтец заканчивает читать, предстоятель увещевает и назидает собрание, призывая подражать доброму примеру (Юстин Мученик [100–165 годы по Р.Х]).

1Д. Они были пророческими

«Пророческая направленность была главной причиной, по которой верующие собирали и хранили эти богодухновенные книги. То есть они были ценными, поскольку были написаны апостолом или Божьим пророком, а поскольку они были ценными, их следовало сохранить. Мы видим, что в апостольские времена так относились к посланиям Павла, которые собирали и распространяли среди церквей (ср. 2 Пет. 3:15–16; Кол. 4:16)» (Geisler, GIB, 277).

2Д. Потребность ранней церкви

Церквам нужно было знать, какие книги следует читать, ценить и применять в самых разных, часто таящих опасность обстоятельствах, во враждебном социальном и религиозном окружении. У верующих в те времена было много проблем, требовавших разрешения, и потому они хотели твердо знать, какие книги можно считать источником истинного Божьего авторитета.

3Д. Возникновение еретических учений

Еще в 140 году по Р.Х. еретик Маркион создал свой неполный канон и начал его пропагандировать. Церкви пришлось предпринять определенные меры, чтобы противостоять его влиянию и собрать воедино все книги Нового Завета.

4Д. Распространение подложных писаний

Многие восточные церкви использовали на богослужениях явно поддельные книги. Это потребовало срочной канонизации новозаветного Писания.

5Д. Миссионерская деятельность

«Христианство быстро распространялось на территории других стран, и возникла необходимость в переводе Библии на другие языки... Уже в первой половине II века Библия была переведена на сирийский и древний латинский языки. Но поскольку миссионеры не могли перевести Библию, которой на тот момент просто не было, возник вопрос о том, какие книги следует отнести к истинно христианскому канону» (Geisler, GIB, 278).

6Д. Гонения

Император Диоклетиан издал указ (303 год по Р.Х.), повелевавший уничтожить священные книги христиан. Кто захотел бы принять мученическую смерть за книгу, пусть религиозную, но не священную? Христианам нужно было знать, какие книги были действительно священными.

2Г. Признание канона

1Д. Афанасий Александрийский

Афанасий (367 год по Р.Х.) был первым, кто составил спи-

сок новозаветных книг, точно отображающий наш современный Новый Завет. Он включил этот список в свое письмо, адресованное церквям. В нем он пишет: «Нелишне еще раз сказать о книгах Нового Завета. Это четыре евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. После них идут Деяния апостолов и послания (называемые католическими), их семь. Это послание Иакова, одно; Петра, два; Иоанна, три; после них одно Иуды. В дополнение к ним имеется четырнадцать посланий Павла, написанные в таком порядке. Первое – к римлянам; затем два – к коринфянам; после них послание к галатам, затем к ефесянам, затем к филиппийцам. После идут послания к колоссянам, после них два к фессалоникийцам и к евреям. Затем два послания к Тимофею, одно к Титу и последнее к Филимону. И последним идет Откровение Иоанна» (Athanasius, L, 552).

2Д. Иероним и Августин

Вскоре после того, как Афанасий разослал церквям свой список, его примеру последовали Иероним и Августин, и в результате был определен новозаветный канон в двадцать семь книг (Bruce, ВР, 112).

3Д. Поликарп и его современники

Поликарп (115 год по Р.Х.), Климент Александрийский (ок. 200 года по Р.Х.) и другие раннехристианские отцы говорят о ветхозаветных и новозаветных книгах: «Как сказано

в Писаниях».

4Д. Юстин Мученик

Юстин Мученик (100–165 годы по Р.Х.), говоря о евхаристии, пишет в своей Первой апологии 1.67 следующее: «В день, называемый воскресным, на совместное собрание в конкретное место приходят все живущие в данном городе или сельской местности, и там читаются воспоминания апостолов или писания пророков, сколько позволяет время. Затем, когда чтец заканчивает читать, председательствующий увещевает и назидает собрание, призывая подражать доброму примеру».

В «Разговоре с Трифоном иудеем» (гл. 34, 49, 56, 57 и так далее), цитируя из евангелий, он добавляет формулировку «написано». Должно быть, и он сам, и Трифон знали, что именно он подразумевал под этим «написано» и что это слово обозначало признание богодухновенности Писаний.

5Д. Иринея Лионский

Относительно значения Иринея (180 год по Р.Х.) в интересующей нас связи Ф. Ф. Брюс писал:

Важность его [Иринея Лионского – Д. М.] свидетельства заключается в его близости к апостольскому веку и авторитету в ранней церкви. Он был воспитан в Малой Азии у ног Поликарпа, был учеником Иоанна и стал епископом Лиона в Галлии

в 180 году по Р.Х. Его сочинения свидетельствуют о признании в качестве канонических четырех евангелий и Книги Деяний, Послания к римлянам, Первого и Второго посланий к коринфянам, посланий к галатам, ефесянам, филиппийцам и колоссянам, Первого и Второго посланий к фессалоникийцам, Первого и Второго посланий к Тимофею и Послания к Титу. Сюда также включены Первое и Второе послания Петра и Первое послание Иоанна, а также Откровение. Из его трактата «Против ересей» (III, ii, 8) видно, что к 180 году по Р.Х. каноничность четырехкратного Евангелия не вызывала в христианской среде никаких сомнений и о ней говорили как об устоявшемся факте, настолько очевидном, неизбежном и естественном, как четыре стороны света или четыре главных направления компаса (Bruce, BP, 109).

6Д. Игнатий

Игнатий (50 – 115 годы по Р.Х.) писал: «Я не хочу повелевать вам, как повелевали Петр и Павел; они были апостолами» (Trail. 3.3).

7Д. Церковные соборы

Ф. Ф. Брюс пишет, что «когда, наконец, церковный собор, синод в Гиппоне в 393 году по Р.Х., перечислил двадцать семь книг Нового Завета, он не придал этому собранию книг авторитета, которым они не обладали бы прежде. Собор лишь утвердил ранее установленную их каноничность.

(Четыре года спустя постановление собора в Гиппоне было еще раз обнародовано на третьем Карфагенском соборе.)» (Вгусе, ВР, 113).

С тех пор ни римские католики, ни протестанты, ни восточная православная церковь не подвергали сомнению эти двадцать семь книг, принятых в качестве канона Нового Завета.

3Г. Классификация канона

Канонические новозаветные книги были распределены по следующим категориям:

Евангелия	История	Послания (Павловы)	Послания (кафолические)	Пророчества
Матфея, Марка, Луки, Иоанна	Деяния	Римлянам, 1 Коринфянам, 2 Коринфянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам, Колоссянам, 1 Фессалоникийцам, 2 Фессалоникийцам, 1 Тимофею, 2 Тимофею, Евреям, Титу, Филимону	Иакова, 1 Петра, 2 Петра, 1 Иоанна, 2 Иоанна, 3 Иоанна, Иуды	Откровение

3В. Новозаветные апокрифы

1Г. Список апокрифов:

- *Послание Псевдо-Варнавы* (70–79 годы по Р.Х.);
- *Послание к коринфянам* (ок. 96 года по Р.Х.);
- *Древняя гомилия*, или так называемое *Второе послание Климента* (ок. 120–140 годов по Р.Х.);
- *Пастырь Ермы* (ок. 115–140 годов по Р.Х.);
- *Дидахе*, или *учение Двенадцати* (ок. 100–120 годов по Р.Х.);
- *Апокалипсис Петра* (ок. 150 года по Р.Х.);
- *Деяния Павла и Феклы* (170 год по Р.Х.);
- *Послание к лаодикийцам* (IV век?)
- *Евангелие от евреев* (65 – 100 годы по Р.Х.);
- *Послание Поликарпа к филиппийцам* (ок. 108 года по Р.Х.);
- *Семь посланий Игнатия* (ок. 100 года по Р.Х.)

Это лишь выборочный список подложных и не принятых церковью писаний (Geisler, GIB, 297–316).

2Г. Почему апокрифы не были приняты церковью?

Гейслер и Никс подытоживают доводы тех, кто не признает апокрифы каноническими: «1) Все эти книги пользовались временным либо ограниченным какой-либо местностью признанием. 2) Большая часть их воспринималась как полуканонические приложения к различным рукописям или же упоминалась в оглавлении различных книг. 3) Ни один канон или церковный собор не признал их богодухновенными».

ми книгами, которые можно было бы включить в состав Нового Завета. 4) Ограниченное признание большей части этих книг объясняется тем, что они всегда ссылались на упоминание о себе в общепризнанных канонических книгах (напр., Послание к лаодикийцам, якобы упоминавшееся в Кол. 4:16) из-за апостольского авторитета своих предполагаемых авторов (напр., Деяния Павла). Но как только эти вопросы прояснились, ни у кого не оставалось больше сомнений в том, что эти книги не канонические» (Geisler, GIB, 317).

4Б. Ветхозаветный канон

1В. Теория о соборе в Ямнии

Многие ученые полагают, что совет раввинов, собравшийся в 90 году по Р.Х. в Ямнии неподалеку от Яффы, принял наконец решение о том, какие книги следует включить в иудейский канон. Но все дело в том, что собор в Ямнии не принимал подобных решений. Раввины на том совете не столько определяли, что может входить в канон, сколько «обсуждали законность присутствия в каноне некоторых книг. И вопрос о книгах, которые собор отказывался признавать каноническими, был далеко не главным. В первую очередь на соборе велись дискуссии не о включении новых книг, а о правомерности оставаться в нем тех книг, которые давно уже в него входили» (Ewert, АТМТ, 71). Раввины обсуждали вопросы, связанные с книгами Есфири, Притчами, Ек-

кlesiастом, Песнью песней и Книгой пророка Иезекииля. «Следует, однако, подчеркнуть, что в ходе подобных дискуссий не было и мысли о том, чтобы изъять эти книги из канона. Обсуждение в Ямнии касалось не столько “включения тех или иных книг в канон, сколько их права оставаться там”» (Ewert, АТМТ, 72).

Х. Х. Роули пишет: «Собственно, непонятно, насколько мы вправе говорить о соборе в Ямнии. Мы знаем, что именно обсуждали там раввины, но у нас нет сведений о каких-либо официальных или обязательных решениях, которые там были бы приняты. Неофициально, возможно, эти вопросы и обсуждались, и, как бы то ни было, все это помогло сделать еврейскую традицию более четкой и определенной» (Rowley, GOT, 170).

Дело в том, что «[ветхозаветные] книги становились авторитетными не в силу человеческого авторитета или собрания раввинов, – объясняет библейский ученый Дэвид Эверт, – эти книги были вдохновлены Богом, и на них от начала стояла печать Его власти. Благодаря их долгому использованию в еврейском обществе их авторитет был общепризнанным, и в должное время они дополнили собой собрание канонических книг» (Ewert, АТМТ, 72).

2В. Общепризнанный канон

Существуют достоверные свидетельства о том, что иудейский канон был определен задолго до конца I века по Р.Х.,

а именно, и скорее всего, еще в IV веке, но никак не позднее 150 года до Р.Х. Основанием для такого вывода служат свидетельства самих евреев, которые начиная с IV века до Р.Х. и далее были уверены в том, что «голос Божий перестал говорить к ним напрямую» (Ewert, АТМТ, 69). Другими словами, пророческие голоса умолкли. Бог не обращал более слова к Своему народу, что означало отсутствие *нового* Слова Божьего. А без пророков не могло быть письменных откровений.

О периоде же между заветами (который длился примерно четыре столетия – от завершения ветхозаветной эпохи до событий новозаветной эры) Эверт говорит следующее: «В Первой Книге Маккавейской 14:41 мы читаем о том, “что Иудеи и священники согласились, чтобы Симон был у них начальником и первосвященником навек, доколе восстанет Пророк верный”, а несколько ранее он сообщает о великой скорби в Израиле, “какой не было с того дня, как не видно стало у них пророка”. “Пророки заснули”, – жалуется автор Второй Книги Баруха (85:3). Книги, написанные после завершения пророческого периода, не допускались в состав священного Писания» (Ewert, АТМТ, 69–70).

Последние из написанных и признанных каноническими книг – это Книга пророка Малахии (ок. 450–430 годов до Р.Х.) и книги Паралипоменон (не позже 400 года до Р.Х.) (Walvoord, ВКСОТ, 589, 1573). Они вместе с другими иудейскими каноническими произведениями появились в грече-

ском переводе иудейского канона, называемом Септуагинтой (LXX), который был завершен в период с 250 по 150 год до Р.Х. (Geisler, GIB, 24; см. также Ewert, АТМТ, 104–108 и Wurthwein, ТОТ, 49–53).

Ф. Ф. Брюс утверждает, что «еврейская Библия традиционно состоит из двадцати четырех книг, разбитых на три раздела» (Bruce, CS, 29). Три раздела – это Закон, Пророки и Писания. Именно такую классификацию еврейского канона вы найдете, например, в современных изданиях еврейского Ветхого Завета (ср. соответствие *The Holy Scriptures* с масоретским текстом и *Biblia Hebraica*, изд. Rudolf Kittel, Paul Kahle).

Хотя христианская церковь имеет тот же канон Ветхого Завета, что и еврейская Библия, количество книг в нем не такое, как в иудейском каноне, потому что мы считаем по отдельности все четыре книги Царств, две книги Паралипоменон и книги Ездры и Неемии. Кроме того, мы рассматриваем как отдельные книги малых пророков и не объединяем их, как это делают евреи, в одну книгу под общим названием «Двенадцать». Церковь изменила и порядок следования книг, приняв за основу тематический принцип, а не официально признанный порядок (Geisler, GIB, 23).

3В. Свидетельство Христа о ветхозаветном каноне

1Г. Луки 24:44. В Верхней горнице Иисус сказал учени-

кам: «Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах». Этими словами «Он показал три части, на которые была разделена еврейская Библия. Это Закон, Пророки и Писания»

Закон (Тора)	Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие
Пророки (Навухим)	Иисуса Навина, Судьи, Царств (прежние Пророки) Исаия, Иеремия, Иезекииль, Двенадцать (последние Пророки)
Писания (Кетубим, или Агиография [ГК])	Псалмы, Притчи, Иова (поэтические книги) Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Есфирь, Екклесиаста (пять свитков [Мегиллот]) Даниил, Ездра-Неемия, Паралипоменон (исторические книги)

(здесь называемые псалмами, вероятно, потому что Книга псалмов стоит первой в этом третьем разделе и является самой большой по объему)» (Bruce, BP, 96).

2Г. Иоанна 10:31–36; Луки 24:44. Иисус отвергал устную традицию фарисеев (см. Мк. 7, Мф. 15), но *не* их концепцию иудейского канона (Bruce, BP, 104). «Нет никаких свидетельств о том, что между Ним и иудеями велись споры относительно каноничности какой-либо из ветхозаветных книг» (Young, AOT, 62).

3Г. Луки 11:51 (также Матфея 23:35). «От

крови Авеля до крови Захарии». Этими словами Иисус подкрепляет Свое свидетельство о протяженности ветхозаветного канона. Авель был первым мучеником, о котором говорится в Писании (см. Быт. 4:8), а Захария стал последним мучеником, упомянутым в Писаниях в том их порядке, который принят в еврейском Ветхом Завете. Его забили камнями, когда он пророчествовал народу «на дворе дома Господня» (см. 2 Пар. 24:21). Книга Бытие в иудейском каноне шла первой, а книги Паралипоменон – последними. Так что Иисус фактически сказал следующее: «Начиная от Книги Бытие и кончая книгами Паралипоменон», или, согласно нашему порядку следования библейских книг, «начиная от Книги Бытие и заканчивая Книгой пророка Малахии», тем самым подтверждая божественный авторитет и богодухновенность всего еврейского канона (Bruce, ВР, 96).

4В. Свидетельства небиблейских авторов

1Г. Предисловие к Книге Сираха

Пожалуй, самое раннее упоминание о разделении Ветхого Завета на три части встречается в Предисловии к Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова (ок. 130 года до Р.Х.). В этом Предисловии, написанном внуком автора, говорится: «Закон, Пророки и другие отеческие книги», что указывает на три раздела в иудейском каноне (Young, АОР, 71).

2Г. Филон Александрийский

«Сразу после времени Христа (ок. 40 года по Р.Х.) Филон Александрийский тоже свидетельствовал о разделении еврейского канона на три части, упоминая Закон, Пророков (или пророчества), а также “гимны и другие книги, которые способствуют приобретению знания и благочестия и совершенствованию в них”» (Geisler, GIB, 246).

3Г. Иосиф Флавий

Еврейский историк Иосиф Флавий (конец I века по Р.Х.) также говорил о разделении еврейского Ветхого Завета на три части. Он писал, имея в виду почти все иудейские Писания, следующее:

Нетрудно догадаться, насколько мы доверяем своим книгам, если в них на протяжении стольких лет никто не посмел ни прибавить, ни изъять, ни изменить что-либо. Каждому еврею от самого рождения полагается почитать единые для всех божественные предписания, быть верными им и, если понадобится, с готовностью за них умереть. Так, уже не раз можно было видеть, как множество пленников в театрах претерпевали пытки и другие всевозможные виды смерти только ради того, чтобы ни единого слова не произнести вопреки законам или другим нашим священным книгам (Иосиф Флавий, ПА, 7).

4Г. Талмуд

Талмуд – это древнее «собрание раввинских законов, тол-

кований и комментариев на закон Моисея», дошедшее до нас через устные предания еврейского народа (White, Т, 589). Один такой Талмуд сформировался в Иерусалиме около 350–425 годов по Р.Х. Другое, более обширное собрание Талмуда было составлено в Вавилоне около 500 года по Р.Х. Каждое собрание известно по названию места, где оно сформировалось, например Иерусалимский Талмуд и, соответственно, Вавилонский Талмуд.

1Д. *Тосефта Ядаим 3:5* утверждает, что «Евангелие и книги еретиков не делают руки нечистыми; книги сына Сирахова и все остальные книги, написанные с его времени, не являются каноническими» (Pfeiffer, ИОТ, 63). Ссылка на то, что руки делаются нечистыми, означает, что данная книга была вдохновлена Богом, а потому является священной. Люди, лишь дотронувшись до Писаний, обязаны были вымыть руки после прикосновения к их святым страницам. «Заявляя, что Писания делают руки нечистыми, раввины защищали их от небрежного и непочтительного отношения, поскольку понятно, что никто не захочет относиться к ним необдуманно, если каждый раз после прикосновения к ним приходится мыть руки» (Beckwith, ОТС, 280). Книга, которая не производила такого действия, не могла быть от Бога. Этот текст утверждает, что только книги, собранные в иудейском каноне, могли претендовать на то, чтобы называться Словом Божиим.

2Д. *Седер Олам* Рабба 30 заявляет, что «до этого времени [нашествие Александра Македонского и конец Персидской державы] пророки пророчествовали Духом Святым. Но с тех пор “приклони ухо свое и слушай слова мудрых”» (Beckwith, ОТС, 370).

3Д. Тосефа Сота 13:2: устное предание (*baraitta*) *Вав. Йома 9в, Вав. Сота 48в и Вав. Санхедрин 11а*: «Со смертью последних пророков, Аггея, Захарии и Малахии, присутствие Святого Духа в Израиле прекратилось» (Beckwith, ОТС, 370).

5Г. Мелитон, епископ Сардисский

Мелитон составил первый известный в христианских кругах список ветхозаветных книг (ок. 170 года по Р.Х.). Евсевий (Церковная история, IV, 26) оставил нам свои комментарии: «Я отправился на Восток и дошел до тех мест, где Писание было проповедано и исполнено, в точности разузнал о ветхозаветных книгах и послал тебе их список. Вот их названия: пять книг Моисеевых – Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Иисус Навин, Судьи, Руфь. Четыре книги Царств, две книги Паралипоменон, Псалмы Давида, Притчи Соломоновы, или Книга Премудрости, Екклесиаст, Песнь песней, Иов. Пророки: Исаия, Иеремия и двенадцать в одной книге, Даниил, Иезекииль, Ездра».

Ф. Ф. Брюс комментирует: «По-видимому, Мелитон включил Плач Иеремии в Книгу Иеремии, а Неемию – в Книгу Ездры (хотя странно видеть Ездру среди пророков). В таком случае в его списке перечислены все книги еврейского канона (в том порядке, в каком они представлены в Септуагинте) за исключением Книги Есфирь. Возможно, Есфирь не была включена в список, который он получил от своего осведомителя в Сирии» (Bruce, BP, 100).

6Г. Мишна

Современное разделение еврейского текста на три части (с одиннадцатью книгами в Писаниях) идет от Мишны (трактат Baba Bathra, V век по Р.Х.) (Geisler, GIB, 24).

5В. Новозаветные свидетельства о Ветхом Завете как Священном Писании

- Матфея 21:42; 22:29; 26:54,56.
- Луки 24.
- Иоанна 5:39; 10:35.
- Деяния 17:2,11; 18:28.
- Римлянам 1:2; 4:3; 9:17; 10:11; 11:2; 15:4.
- 1 Коринфянам 15:3–4.
- Галатам 3:8; 3:22; 4:30.
- 1 Тимофею 5:18.
- 2 Тимофею 3:16.
- 2 Петра 1:20–21; 3:16.

«Как сказано в Писании» (Ин. 7:38) было вполне достаточным вступлением, чтобы показать, что высказывание, история или книга – истинно Слово Божье, сказанное кем-либо из пророков Божьих.

6В. Еврейская апокрифическая литература

Термин *апокрифы* происходит от греческого слова *apokryphos*, что значит «сокрытое или тайное».

В IV веке по Р.Х. Иероним стал первым, кто назвал такого рода литературу *апокрифами*. Апокрифы состоят из книг, которые были прибавлены к Ветхому Завету Римско-католической церковью. Протестанты отвергают эти дополнения, не признавая их каноничность.

1Г. Почему мы не признаем каноничность апокрифов?

«Библейский словарь» Унгера, признавая за апокрифическими книгами Ветхого Завета определенную ценность, приводит четыре причины, по которым они не включаются в иудейский канон:

1. В них имеется множество исторических и географических неточностей и анахронизмов.
2. Они учат ложным доктринам и поощряют к практическим действиям, которые расходятся с практикой богодухновенных Писаний.
3. Они пытаются, имитируя литературный стиль и выби-

рая такие же темы, быть похожими на богодухновенные Писания.

4. В них отсутствуют явные признаки, характерные для истинных и богодухновенных Писаний, как, например, пророческая сила, поэтические и религиозные чувства (Unger, NUBD, 85).

2Г. Краткое содержание апокрифических книг

В своем великолепном пособии по изучению Библии Ральф Эрл предлагает нашему вниманию краткое содержание каждой из апокрифических книг. Его работа выполнена на таком высоком уровне, так точна и выразительна, что я просто приведу здесь это описание целиком, чтобы дать читателю почувствовать всю ценность и в то же время неканоническую природу этих книг:

*Первая Книга Ездры*¹ (ок. 150 года до Р.Х.) рассказывает о возвращении евреев в Палестину после вавилонского плена. Содержание книги взято, в основном, из Книг Паралипоменон, Ездры и Неемии, но автор дополняет этот имеющийся в источниках материал большим объемом описаний легендарного характера.

Самую интересную тему в этой книге представляет собой история о трех телохранителях царя Дария, которые поспорили о том, что сильнее всего на свете. Один сказал «вино», другой решил, что это «царь», а третий высказал пред-

¹ В синодальном переводе – Вторая Книга Ездры. – *Прим. пер.*

положение, что это «женщина и истина». Каждый из них записал свой ответ и положил царю под подушку. Когда царь проснулся, он потребовал, чтобы каждый из молодых людей обосновал правильность своего ответа. Все единодушно признали, что «велика истина и сильнее всего». Поскольку этот ответ был предложен Зоровавелем, он в качестве награды получил разрешение восстановить храм в Иерусалиме.

*Вторая Книга Ездры*² (ок. 100 года) – это апокалиптическое произведение, в котором рассказывается о семи видениях. Эти видения так сильно смутили Мартина Лютера, что он приказал бросить книгу в Эльбу.

Книга Товита (начало II века до Р.Х.) – это короткая новелла. В ней, сугубо фарисейской по тону, подчеркивается необходимость исполнять закон и требования, которые предъявляются к чистой пище, церемониальным омовениям, милосердию, посту и молитве. Ее утверждение о том, что милостыни способны очищать грех, совершенно не соответствуют Писаниям.

Книга Иудифи (ок. середины II века до Р.Х.) также является литературным произведением с фарисейским оттенком. Героиня этой новеллы Иудифь – очень красивая еврейская вдова. Когда ее город был осажден неприятелем, она вместе со служанкой, захватив чистой (кошерной) еврейской еды, покинула город и направилась к шатру военачальника неприятельского войска, Олоферна. Пораженный красотой

² В синодальном переводе – Третья Книга Ездры. – *Прим. пер.*

этой женщины, он пригласил ее в свой шатер. На ее счастье, он много выпил и вскоре впал в пьяное забытие. Иудифь взяла меч Олоферна и отрубила ему голову. Затем вместе со служанкой, забрав голову врага, она, так же тайно, вернулась в город. Голову убитого Олоферна водрузили на крепостной стене, и ассирийское войско, оставшееся без предводителя, потерпело поражение.

Дополнения к Есфири (ок. 100 года до Р.Х.). Есфирь выделяется среди всех ветхозаветных книг тем, что в ней ни слова не говорится о Боге. Нам сообщают, что Есфирь и Мардохей постились, но нет никаких упоминаний о молитве. Для того чтобы как-то компенсировать этот недостаток, данное произведение было дополнено длинными молитвами Есфири и Мардохея и парой писем, предположительно написанных Артаксерксом.

Книга премудрости Соломона (ок. 40 года по Р.Х.) была написана, чтобы предотвратить распространение среди евреев скептицизма, поклонения материальным благам и идолопоклонства. Как и в Притчах, Мудрость здесь представлена реальной личностью. В этой книге можно найти много замечательных высказываний.

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (ок. 180 года до Р.Х.) демонстрирует высокий уровень религиозной мудрости, что несколько сближает ее с канонической Книгой Притчей. В ней также содержится много практических советов. Например, по поводу послеобеденных речей в ней

говорится следующее: «Говори главное, многое в немногих словах. Будь, как знающий и, вместе, как умеющий молчать» (Сир. 32:10).

И далее: «Приготовь слово – и будешь выслушан» (Сир. 33:4).

Джон Уэсли в своих проповедях несколько раз цитировал Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова. Она до сих пор широко используется в англиканских церквях.

Книга пророка Баруха (ок. 100 года по Р.Х.) подается как написанная Барухом, писцом Иеремии, в 582 году до Р.Х. На самом деле она, по-видимому, представляет собой попытку интерпретировать разрушение Иерусалима в 70 году по Р.Х. В ней слышится призыв к евреям впредь не бунтовать и подчиниться императору. Несмотря на эти призывы, вскоре после написания этой книги, в 132–135 годах по Р.Х., против римского правления поднялось восстание Бар-Кохбы. Шестая глава Книги Баруха содержит так называемое «письмо Иеремии», в котором звучит строгое предупреждение против идолопоклонства, вероятно, адресованное евреям в Александрии.

Книга пророка Даниила в современной Библии состоит из двенадцати глав. VI веке до Р.Х. к ней была добавлена тринадцатая глава, в которой излагается история *Сусанны*. Сусанна была красавицей-женой одного почтенного еврея из Вавилона, в дом которого часто приходили еврейские старейшины и судьи. Двое из них, очарованные красотой Сусан-

ны, однажды попытались соблазнить ее. Когда она закричала, нечестивые мужи обвинили ее перед людьми и мужем, сказав, что застали молодую женщину в объятиях молодого человека. Сусанну привели на суд. Поскольку обвинение против нее было выдвинуто, как и полагалось по закону, двумя свидетелями, ее приговорили к смерти.

Но молодой человек по имени Даниил вмешался в ход судебного процесса и устроил перекрестный допрос двух свидетелей. Каждому из них по отдельности он задал вопрос о том, под каким деревом в саду они видели Сусанну с любовником. Ответы они дали разные, после чего их казнили, и Сусанна была спасена.

Вил и дракон был прибавлен к Книге пророка Даниила примерно в то же время, как четырнадцатая глава. Главная цель этого произведения заключалась в том, чтобы продемонстрировать, каким безрассудством является идолопоклонство. В ней фактически содержится две истории.

В первой царь Кир спросил Даниила, почему тот не поклоняется Билу – божеству, которое каждый день, в подтверждение своей силы, съедало несметное число овец и столько же муки и масла. Даниил вместо ответа рассыпал пепел на полу храма, в котором оставляли пищу для идола. Наутро следующего дня царь привел Даниила в храм, чтобы показать, что Вил за ночь съел всю оставленную для него еду. Даниил же, в свою очередь, показал царю на пол, усыпанный пеплом. Царь своими глазами увидел на полу следы священ-

ников, их жен и детей, которые ночью вошли в храм через потайной ход под столом. Священники были умерщвлены, а храм разрушен.

История о драконе по своему характеру тоже легенда. Вместе с Товитом, Иудифью и Сусанной ее можно отнести к чисто еврейской беллетристике. С религиозной точки зрения они не представляют особой ценности.

Песня трех еврейских юношей идет сразу 23-м стихом 3-й главы Книги пророка Даниила в Септуагинте и Вульгате. Много в этой *Песне* взято непосредственно из псалма 118, и его, как и псалом 135, можно исполнять антифонным пением. В ней тридцать два раза повторяется рефрен: «Благословите, Господа, пойте и превозносите Его вовеки».

Молитва Манассии была составлена во времена Маккавеев (II век до Р.Х.) как предполагаемая молитва Манассии, нечестивого царя Иудейского. О ее существовании ясно сказано во 2 Паралипоменон 33:19: «И молитва его, и то, что Бог преклонился к нему... описаны в записях Хозая». Поскольку этой молитвы в Библии не было, некоторые писцы решили восполнить этот пробел!

Первая Книга Маккавейская (I век до Р.Х.), возможно, самая ценная из всех апокрифических произведений. В ней описываются подвиги трех братьев из рода Маккавеев – Иуды, Ионафана и Симона. Наряду с трудами Иосифа Флавия это наш самый важный исторический источник о значительном и волнующем периоде еврейской истории.

Вторая Книга Маккавейская (то же время) не является продолжением Первой Книги Маккавейской – это параллельное повествование, в котором рассказывается только о победах Иуды Маккавея. Обычно считается, что в этой книге больше вымысла, чем в Первой (Earle, HWGOB, 37–41).

3Г. Историческое свидетельство об исключении этих книг из канона

Гейслер и Никс приводят десять древних доказательств, подтверждающих правомерность запрета на включение апокрифических книг в библейский канон.

1. Филон Александрийский, еврейский философ (20 год до Р.Х. – 40 год по Р.Х.), в своих трудах приводит огромное количество ветхозаветных цитат и даже признает трехчастность Ветхого Завета, но никогда не цитирует апокрифы.

2. Иосиф Флавий (30 – 100 по Р.Х.), еврейский историк, безоговорочно исключает апокрифы, перечисляя в своих трудах двадцать две книги Ветхого Завета. Он также никогда не цитирует апокрифические книги, поскольку они не относятся к богодухновенным Писаниям.

3. Иисус и все новозаветные авторы ни разу не цитировали апокрифы, хотя в Новом Завете имеются сотни ссылок почти на все канонические книги Ветхого Завета и цитат из них.

4. Еврейские ученые из Ямнии (90 год по Р.Х.) не считали апокрифы полноправными библейскими книгами.

5. Ни один канон или собор христианских церквей в тече-

ние почти четырех веков не признавал апокрифы как богодухновенные произведения.

6. Многие из знаменитых отцов ранней церкви выступали против апокрифов, например, Ориген, Кирилл Иерусалимский и Афанасий.

7. Иероним (340–420 годы по Р.Х.) великий ученый и переводчик латинской Вульгаты, не признавал апокрифы каноническими книгами. Иероним говорил, что церковь может читать их «как примеры из жизни и назидание для поведения», но «не применять их в качестве официально установленных христианских доктрин». Он спорил об этом с Августином, жившим по ту сторону Средиземного моря. Сначала Иероним даже отказывался переводить апокрифические книги на латинский язык, но позднее набросал перевод нескольких из них. После его смерти и «через его труп» апокрифические произведения непосредственно из древне-латинского перевода были включены в его латинскую Вульгату.

8. Во время Реформации многие католические ученые отказывались признавать апокрифы каноническими книгами.

9. Лютер и реформаторы отказались признать каноничность апокрифов.

10. Только в 1546 году в полемической акции на антиреформатском Тридентском соборе (1545–1563 годы) католическая церковь признала за апокрифическими книгами полный статус канонических (Geisler/Nix, GIB, 272–273).

Заключение

Дэвид Докери, Кеннет Мэтьюз и Роберт Слоан, рассмотрев свидетельства в пользу достоверности Библии в своей книге, приходят относительно библейского канона к такому выводу: «Ни один христианин, уверенный в божественном промысле и понимающий истинную природу каноничности Его Слова, не должен беспокоиться о достоверности Библии, которой мы располагаем на сегодняшний день» (Dockery, FBI, 77–78).

3. Можно ли считать Новый Завет исторически достоверным?

Введение: тесты на подлинность древней литературы

В данной главе мы будем говорить об исторической достоверности Писаний, а не об их богодухновенности. Историческая подлинность Писаний должна пройти проверку по тем же критериям, что и любые другие исторические документы.

С. Сандерс в своей работе «Введение в исследование истории английской литературы» перечисляет и поясняет три основных принципа историографии. Это библиографический тест, внутренние свидетельства и внешние свидетельства (С. Sanders, IRE, 143ff.). В данной главе мы будем исследовать новозаветный текст Библии и попытаемся убедиться в его подлинности как точного источника исторических событий, о которых он повествует.

1А. Библиографический тест на подлинность Нового Завета

Библиографический тест представляет собой исследова-

ние того, какие текстологические изменения претерпевали рукописи интересующих нас документов, прежде чем дошли до нас. Другими словами, поскольку у нас нет оригиналов этих документов, мы вправе задаться вопросом о том, насколько достоверными можно считать имеющиеся у нас копии в их отношении к количеству сохранившихся рукописей и с учетом интервала времени, которым разделены оригинал рукописи и ее сохранившиеся копии (Montgomery, НС, 26).

1Б.Количество рукописей и их близость к оригиналу

Ф. И. Питерс утверждает, что «исходя только из рукописной традиции, произведения, составлявшие христианский Новый Завет, в древности переписывались в больших объемах и имели широкое распространение» (Peters, НН, 50). В результате достоверность Нового Завета подтверждается очень большим количеством рукописей. Если подсчитать сохранившиеся рукописи только греческого Нового Завета, мы получим пять тысяч шестьсот пятьдесят шесть неполных и полных версий, переписанных от руки за период со II по XV век (Geisler, GIB, 385).

В настоящее время существует более пяти тысяч шестисот восьмидесяти шести известных греческих рукописей Нового Завета. Прибавьте к ним более одной тысячи копий латинской Вульгаты и, по крайней мере, девять тысяч триста других ранних версий рукописей, и мы получим на сегодня

почти двадцать пять тысяч сохранившихся копий отдельных частей Нового Завета, если не больше. Ни один другой документ древности даже близко не может соперничать ни по количеству рукописей, ни по доказанности своей подлинности. «Илиада» Гомера в этом плане идет вторым по счету текстом, но это произведение насчитывает всего лишь шестьсот сорок три экземпляра сохранившихся копий. Первый полностью сохранившийся текст Гомера датируется XIII веком (Leach, OB, 145).

Ниже приводится перечень различных видов сохранившихся рукописей Нового Завета с указанием их количества.

Сохранившиеся греческие рукописи:

Унциальные	307
Минускульные	2860
В отрывках	2410
На папирусах	109
ВСЕГО	5686

Рукописи на других языках:

Латинская Вульгата	10000+
Эфиопский	2000+
Старославянский	4101
Армянский	2587
Пешитта, сирийский перевод	350+
Бохаирский	100
Арабский	75
Древнелатинский	50
Англосаксонский	7
Готский	6
Согдианский	3
Древнесирийский	2
Персидский	2
Франкский	1
ВСЕГО	19284+
ИТОГО	
ВСЕ РУКОПИСИ	24970+

Информация для вышеприведенных таблиц была взята из следующих источников: Michael Welte of the Institute for New Testament Studies in Munster, Germany; Kurt Aland's *Journal of Biblical Literature*, Vol. 87, 1968; Kurt Aland's *Kurzge-fasste Liste der Griechischen Handschriften des Neuen Testaments*, W. De Gruyter, 1963; Kurt Aland's «Neve Nevtestamentliche Papyri III», *New Testament Studies*, July, 1976; Bruce Metzger's *The Early Versions of the New Testament*, Clarendon Press, 1977; *New Testament Manuscript Studies*, (eds.) Merrill M. Parvis and Allen Wikgren, The University of Chicago Press, 1950; Eroll F. Rhodes's *An Annotated List of Armenian New Testament Manuscripts*, Tokyo, Ikeburo, 1959; *The Bible and Modern Scholarship*, (ed.) J. Phillip Hyatt, Abington Press, 1965.

Значение такого большого количества копий новозаветных рукописей переоценить невозможно. Оригиналов же библейских рукописей, как и в случае с другими памятниками древней литературы, не сохранилось. К счастью, однако, изобилие сохранившихся копий позволяет воссоздать оригинал практически с абсолютной точностью (Geisler, GIB, 386).

По словам Джона Уорвика Монтгомери, «скептицизм по отношению к сохранившимся текстам новозаветных книг означает недоверие ко всей дошедшей до нас классической античной литературе и даже отказ от нее, ибо нет ни одного древнего документа с таким же убедительным с библиогра-

фической точки зрения подтверждением подлинности, как Новый Завет» (Montgomery, НС, 29).

Сэр Фредерик Дж. Кеньон, бывший директор и главный библиотекарь Британского музея, авторитетнейший специалист, которому нет равных по части установления подлинности древних рукописей, утверждает, что

помимо чисто количественного аспекта, рукописи Нового Завета отличаются от классических произведений древности еще в одном... Только в случае с новозаветными рукописями их оригиналы отделены по времени от самой ранней из их сохранившихся копий столь коротким интервалом. Книги Нового Завета были написаны в конце I века, а самые ранние из сохранившихся копий новозаветных рукописей (учитывая самые фрагментарные) относятся к IV веку, то есть разница во времени между ними составляет от 250 до 300 лет. Цифра может показаться значительной, однако это ничто по сравнению с тем, насколько далеко отстоят классические произведения большей части авторов от своих самых ранних рукописей. Мы считаем, что имеем, по сути, точный текст семи дошедших до нас пьес Софокла; однако самая ранняя сохранившаяся рукопись, на которой базируется их современная редакция, была написана более тысячи четырехсот лет спустя после смерти поэта (Kenyon, НТСНТ, 4).

Кеньон продолжает в «Библии и археологии»: «Так, ин-

тервал между датами составления оригинала и самых ранних свидетельств становится таким коротким, что фактически его можно вовсе не принимать во внимание, а значит, мы можем не сомневаться, что Писания дошли до нас в том виде, в каком они были изначально написаны. Можно считать вполне установленными как подлинность книг Нового Завета, так и то, что они сохранились в целостном виде» (Kenyon, BA, 288).

Докери, Мэтьюз и Слоан недавно написали следующее: «Большая часть библейского текста дошла до нас в одной редакции. Изъятые ошибки переписчиков и внесенные ими намеренные изменения составляют очень малую долю текста, относительного которого возникают вопросы» (Dockery, FBI, 176). Авторы приходят к такому заключению:

Следует отметить, что оригинал Нового Завета и его сохранившиеся рукописи отделены намного более коротким периодом времени, чем если взять любые другие тексты греческой литературы... И хотя во многих новозаветных рукописях имеются определенные разночтения, все основные доктрины христианской веры покоятся на текстах, которые не вызывают ни малейших сомнений» (Dockery, FBI, 182).

Им вторит Ф. Дж. А. Хорт, говоря, что «благодаря разнообразию и полноте свидетельств, на которых построен текст Нового Завета, его нельзя сравнивать ни с каким другим из всех прозаических произведений древности» (Hort, NTOG,

Дж. Хэролд Гринли утверждает, что «новозаветных рукописей сохранилось несравнимо больше, чем любых других текстов древней литературы... Самые ранние из известных рукописей Нового Завета отделены от оригинала, таким небольшим интервалом, как ни одно другое произведение древности» (Greenlee, INTTC, 15).

У. Ф. Олбрайт уверенно утверждает: «Ни одно другое творение греко-римского древнего мира не подкреплено рукописной традицией настолько же убедительно, как Новый Завет. Ранних новозаветных рукописных копий намного больше, чем копий любых других, а самые древние новозаветные документы отстоят всего на два века от своего оригинала» (Albright, AP, 238).

Эдвард Гленни пишет:

Бог даровал нам пять тысяч шестьсот пятьдесят шесть рукописей, содержащих полностью или частично греческий Новый Завет. Это самая на удивление хорошо сохранившаяся книга древнего мира. Мы располагаем огромным количеством рукописей, и, кроме того, они очень близки по времени к своему оригиналу. Некоторые неполные рукописи Нового Завета относятся ко II веку по Р.Х., и очень многие отстоят от своего оригинала всего на четыре столетия. Эти факты поражают еще больше, если сравнить их уровень сохранности с сохранностью другой древней литературы (Glenny, PS,

цит. по: BVD, 95; см. Aland, TNT, 72–84, где дано описание новозаветных рукописей). Одни из самых последних таблиц новозаветных рукописей можно найти в Kurt and Barbara Aland, eds. *Kurzgefasste Liste der gries-chischen Handschriften des Neuen Testaments* [Aland, KLHNT]. (В этом источнике перечисляются сохранившиеся греческие рукописи Нового Завета, а именно: девяносто девять папирусов, триста шесть унциальных копий текстов, две тысячи восемьсот пятьдесят пять минускульных текстов, и две тысячи триста девяносто шесть богослужбных текстов, или лекционарий, из общего числа, приведенного выше.)

Ли Стробель в своей последней книге (опубликованной в 1998 году) сообщает самые новые данные о греческих рукописях Нового Завета. Папирусов девяносто девять; унциальных текстов триста шесть; минускульных текстов две тысячи восемьсот пятьдесят шесть; текстов лекционарий в количестве две тысячи четыреста три, и всего пять тысяч шестьсот шестьдесят четыре (Strobel, CC, 62–63). (Следует, однако, отметить, что возможны небольшие расхождения в цифрах в зависимости от того, какие фрагменты считались за отдельную рукопись. Эти «горы свидетельств» придают Новому Завету огромную историческую достоверность.)

Скептицизм по отношению к сохранившимся текстам новозаветных книг означает недоверие ко всей дошедшей до нас классической античной литературе и даже отказ от нее, ибо

нет ни одного древнего документа с таким же убедительным с библиографической точки зрения подтверждением подлинности, как Новый Завет (Джон Уорвик Монтгомери).

Михаэль Вельте из Института новозаветных исследований (Westfälische Wilhelms-Universität, Institut für Neutestamentliche Textforschung) в Мюнстере (Германия) в августе 1998 года провел последний из известных подсчетов греческих рукописей, получив следующие результаты: сто девять папирусов, триста семь унциальных текстов, две тысячи восемьсот шестьдесят минускульных текстов и две тысячи четыреста десять богослужебных текстов, всего пять тысяч шестьсот восемьдесят шесть единиц.

Гленни проводит сравнение новозаветных произведений с другими древними документами: «Никто не сомневается в подлинности древних книг по истории на основании того, что у нас нет оригиналов этих документов. Однако рукописей этих трудов намного меньше, чем новозаветных рукописей» (Glenny, PS, цит. по: BVD, 96).

Ф. Ф. Брюс в «Новозаветном документе» проводит красочное сопоставление Нового Завета с античными историческими текстами:

Может быть, нам легче было бы оценить богатство рукописных подтверждений подлинности Нового Завета, сравнив текстовый материал других древних исторических работ. Сохранилось несколько рукописей

о галльских походах Цезаря (составленных между 58 и 50 годами до Р.Х.), и только девять или десять из них в хорошем состоянии. Самые древние из них составлены через девятьсот лет после смерти Цезаря. Из ста сорока двух книг по римской истории Тита Ливия (59 год до Р.Х. – 17 год по Р.Х.) сохранилось только тридцать пять. Они известны нам по двум десяткам рукописей, не более, самого различного состояния, и только одна рукопись с фрагментами III–IV книг относится к IV веку. Из четырнадцати книг «Истории» Тацита (100 год по Р.Х.) только четыре с половиной сохранились до нашего времени; из шестнадцати книг его «Анналов» десять сохранились полностью, а две частично. Текст этих сохранившихся частей двух его великих исторических трудов полностью привязан к двум рукописям, одна из которых датируется IX веком, а другая – XI.

Сохранившиеся рукописи его второстепенных трудов («Диалог об ораторах», «Германия») происходят из кодекса X века. «Пелопоннесской войны» Фукидида (460–400 годы до Р.Х.) известна нам из рукописей VIII века, самая ранняя из которых датируется 900 годом по Р.Х., а несколько папирусных фрагментов датируются примерно началом христианской эры. То же можно сказать об «Истории» Геродота (488–418 годы до Р.Х.). Тем не менее ни один исследователь античности не станет вникать в споры о том, что достоверность Геродота или Фукидида ставится под сомнение по причине того, что самые ранние рукописи их трудов,

известные нам, на одну тысячу триста лет старше своих оригиналов (Bruce, NTD, 16,17).

Во «Введении в новозаветную критику текста» Гринли пишет о временном промежутке, отделяющем оригинал рукописи (автограф) и имеющиеся в нашем распоряжении рукописи (самые древние из сохранившихся копий):

Самые древние из известных рукописей большей части греческих классиков появились через тысячу и более лет после смерти своих авторов. Временной интервал для римских авторов несколько меньше и варьируется, но как минимум составляет три столетия, как в случае с Вергилием. Что же касается Нового Завета, то две самые важные рукописи были написаны не позже чем через триста лет после завершения Нового Завета, и некоторые практически полные новозаветные книги, равно как и рукописи многих частей Нового Завета, сохранившиеся во фрагментах, отделены от времени создания оригинала всего одним столетием (Greenlee, ШТТС, 16).

Далее Гринли сообщает:

Поскольку ученые считают достаточно достоверными сочинения древних классиков, несмотря на то что самые ранние рукописи были составлены намного позже по времени, чем их оригиналы, а количество сохранившихся рукописей во многих случаях невелико, совершенно ясно, что подлинность новозаветного текста не должна вызывать никаких

сомнений (Greenlee, ШТТС, 16).

Брюс Метцгер в «Текстологии Нового Завета» убедительно пишет о такого рода сравнении:

Труды некоторых древних авторов дошли до нас буквально чудом. Например, «Очерки римской истории» Веллея Патеркула сохранилась до наших времен только в неполной рукописи, на основании которой было подготовлено *editio princeps*, – причем в XVII веке эта единственная рукопись была утрачена, после того как с нее была сделана копия Беатом Рейнским в Амербахе. Даже первые шесть томов «Анналов» известного историка Тацита сохранились в единственном рукописном варианте, который датируется IX веком. В 1870 году единственная известная рукопись «Послания к Диогнету», раннехристианское сочинение, которое редакторы обычно включают в сборник апостольских отцов, погибло во время пожара в муниципальной библиотеке Страсбурга. Те же, кто занимается текстологической критикой на материале Нового Завета, напротив, теряются ввиду обилия имеющегося в их распоряжении материала (Metzger, TNT, 34).

Ф. Ф. Брюс пишет: «В мире нет ни одного литературного произведения древности, подлинность которого подтверждалась бы таким богатством качественного текстуального материала, как Новый Завет» (Bruce, ВР, 178).

Нижеследующая таблица демонстрирует количество ру-

кописей некоторых других древних документов, которое выглядит скудно по сравнению с почти пятью тысячами семьюстами греческих рукописей Нового Завета (Geisler, GIB, 408).

Неудивительно, что рабби Захариас приходит к такому выводу: «Учитывая, как реально обстоит дело, совершенно очевидно, что из всех древних текстов Новый Завет наиболее достоверен, что убедительно подтверждается и большим количеством его рукописей, и тем, сколько времени прошло между реальными событиями и самим Заветом, и разнообразием документов, способных подтвердить или опровергнуть его. Среди свидетельств, подтверждающих достоверность других древних рукописных текстов, нет ничего подобного ни по количеству, ни по полноте» (Zacharias, CMLWG, 162).

2Б. Важные новозаветные рукописи

Далее, в хронологической последовательности даны краткие описания открытий некоторых самых важных рукописных находок. Возраст рукописи помогают определить семь следующих факторов:

1. Использованные материалы
2. Размер и форма послания
3. Пунктуация
4. Разделение текста
5. Украшение текста

6. Цвет чернил

7. Текстура и цвет пергамента (Geisler, GIB, 242–246)

АВТОР	КНИГА	ДАТА НАПИСАНИЯ	САМЫЕ РАННИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ	ВРЕМЕННОЙ ПРОМЕЖУТОК	КОЛИЧЕСТВО РУКОПИСЕЙ
Гомер	«Илиада»	800 г. до Р.Х.	ок. 400 г. до Р.Х.	ок. 400 лет	643
Геродот	«История»	480 — 425 гг. до Р.Х.	ок. 900 г. по Р.Х.	ок. 1350 лет	8
Фукидид	«История»	460 — 400 гг. до Р.Х.	ок. 900 г. по Р.Х.	ок. 1300 лет	8
Платон		400 г. до Р.Х.	ок. 900 г. по Р.Х.	ок. 1300 лет	7
Демосфен		300 г. до Р.Х.	ок. 1100 г. Р.Х.	ок. 1400 лет	200
Цезарь	«Галльские войны»	100 — 44 гг. до Р.Х.	ок. 900 г. по Р.Х.	ок. 1000 лет	10
Тит Ливий	«История Рима»	59 г. до Р.Х. — 17 г. по Р.Х.	ок. IV век (отчасти) основное I век	ок. 400 лет ок. 1000 лет	1 частично 19 списков
Тацит	«Анналы»	100 г. по Р.Х.	ок. 1100 г. по Р.Х.	ок. 1000 лет	20
Плиний Секунд	«Естественная история»	61 — 113 гг. по Р.Х.	ок. 850 г. по Р.Х.	ок. 750 лет	7
Новый Завет		50 — 100 гг. по Р.Х.	ок. 114 г. (фрагменты) ок. 200 г. (книги) ок. 250 г. (большая часть НЗ) ок. 325 г. (полный НЗ)	+ 50 лет 100 лет 150 лет 225 лет	5366

Рукопись Джона Райлэндса (130 год по Р.Х.) находится в библиотеке Джона Райлэндса в Манчестере, Англия (это самый древний сохранившийся фрагмент Нового Завета). «Благодаря ранней дате написания и месту находки (Египет), достаточно отдаленному от мест, где традиционно формировался Завет (Малая Азия), эта часть Евангелия от Иоанна убеждает нас, что традиционная дата составления Евангелия приходится на конец I века» (Geisler, GIB, 268).

Брюс Метцгер говорит о критических исследованиях в прошлом: «Если бы об этом маленьком фрагменте было известно в середине прошлого столетия, школа новозаветной критики, вдохновителем которой был блестящий тюрбингенский профессор, Фердинанд Кристиан Баур, не могла бы оспаривать тот факт, что четвертое Евангелие было составлено примерно в 160 году» (Metzger, TNT, 39).

Папирус Бодмера II (150–200 годы по Р.Х.) был приобретен в 1950-е и 1960-е годы у одного египетского торговца и помещен в Библиотеку мировой литературы Бодмера. Эта рукопись содержит большую часть Евангелия от Иоанна. Самой важной находкой новозаветного папируса со времени папирусов Честера Битти (см. ниже) было приобретение коллекции Бодмера Библиотекой мировой литературы в Кюланьи неподалеку от Женевы. P 66, датируемый примерно 200 годом или ранее, содержит 104 листа Иоанна 1:1–6:11; 6:356 – 14:26 и фрагменты сорока других страниц, Иоанна 14–21. Это – смешанный текст александрийского и западного типов, и в нем между строк имеется до двадцати поправок, явно принадлежащих западной семье (Geisler, GIB, 390). В своей статье *Zur Datierung des Papyrus BodmerII* (P 66), *Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. kl.*, 1960, Nr. 4, p. 12033, «Герберт Хунгер, директор коллекции папирусов Венской национальной библиотеки, датирует P 66 более ранним сроком – серединой или даже первой половиной II века (см. его статью)» (Metzger, TNT,

39, 40).

«Р 72, который также относится к этой коллекции, является самой ранней копией Послания Иуды и двух посланий Петра. Р 75, еще одна ранняя библейская рукопись, приобретенная М. Бодмером, представляет собой единый кодекс с текстами Луки и Иоанна... Издатели Виктор Мартин и Родольф Кейзер датируют эту копию 175–225 годами по Р.Х. Таким образом, это самая ранняя копия Евангелия от Луки и одно из наиболее ранних Евангелий от Иоанна» (Metzger, TNT, 41). Поэтому Метцгер называет эту рукопись «самой важной находкой из всех рукописей Нового Завета со времен приобретения папирусов Честера Битти» (Metzger, TNT, 39, 40).

Папирусы Честера Битти (200 год по Р.Х.). Эти рукописи были куплены в 1930-е годы у египетского торговца и теперь находятся в Музее Битти в Дублине. Часть их была приобретена Мичиганским университетом. Три из этой коллекции папирусных кодексов содержат основные части Нового Завета (Vogel, BP, 182). В своей работе «Библия и современная наука» сэр Фредерик Кенъон пишет следующее: «Конечный результат этой находки – несомненно, самой важной со времени открытия Синайского кодекса – заключается в том, что временной интервал между самыми древними рукописями и традиционными датами написания новозаветных книг сократился настолько, что его, собственно говоря, можно вообще не учитывать в спорах о подлинности текста. Ни одна

другая древняя книга не может похвастаться столь ранними и обильными свидетельствами подлинности своего текста, и ни один беспристрастный ученый не станет отрицать, что дошедший до нас текст можно назвать абсолютно аутентичным» (Кенуон, ВМС, 20). (Подробный список папирусов можно найти в редакциях греческого Нового Завета, опубликованных Объединенными библейскими обществами и Нестле-Аланд, оба варианта изданы в Штутгарте.)

Диатессарон означает «гармония четырех частей». Греческое *dia Tessaron* буквально значит «сквозь четыре» (Вгусе, ВР, 195). Это было согласование четырех евангелий, выполненное Татианом (ок. 160 года по Р.Х.).

Евсевий Кесарийский в «Церковной истории», IV, 29:6, пишет: «Их прежний глава, Татиан, составил – не знаю как – свод из четырех евангелий, назвав его “Евангелием от четырех”; оно и по сей час кое у кого имеется». Считают, что Татиан, ассирийский христианин, был первым человеком, гармонизировавшим евангелия, но до сегодняшнего дня от этого сохранилась только малая часть (Geisler, GIB, 318–319).

Ватиканский кодекс (325–350 годы по Р.Х.) находится в Ватиканской библиотеке и содержит почти всю Библию. После ста лет текстологической критики многие считают Ватиканский кодекс одной из самых надежных рукописей новозаветного текста.

Синайский кодекс (350 год по Р.Х.) находится в Британском музее. Эта рукопись, в которую входит почти весь Но-

вый Завет и более половины Ветхого, была обнаружена в 1859 году доктором Константином фон Тишендорфом в монастыре на горе Синай. Монастырь подарил эту рукопись русскому царю, а затем британское правительство на Рождество 1933 года выкупило ее у Советского Союза за сто тысяч фунтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.